

Виктория Дал

Азарт
и страсть

Эмма Дженсен, больше известная под именем леди Денмор, — принцесса лондонских шулеров. Эта юная дама играет по-крупному — и заставляет замороженных ее искусством столичных повес расставаться с поистине фантастическими суммами. Никому еще не удавалось победить ее за карточным столом или вызвать какие-то чувства в ее сердце...

Но однажды партнером Эммы по игре становится герцог Сомерхарт — мужчина, способный обезоружить своим обаянием любую женщину. Холодность и равнодушие леди Денмор подстегивают его азарт: вскоре он обещает себе покорить эту таинственную красавицу и подарить ей радости любви...

Виктория Дал
Азарт и страсть

Глава 1

Декабрь 1844 года

Окрестности Лондона

Метель, закончившаяся всего несколько часов назад, окутала сад пушистым снежным покрывалом. От холодного блеска луны и мутно-желтого света уличного фонаря снег играл и переливался, словно россыпь бриллиантов. Глядя сквозь заснеженное окно на все это сказочное великолепие, Эмма Дженсен ежилась от холода. Природа смягчила очертания беседок и кустов вокруг, замела тропинки, сгладила острые углы изгороди из вьющейся розы. Сад, с такой скрупулезной тщательностью сформированный человеком, мирно спал под глубокими сугробами, и Эмма невольно представила, как уютно он чувствует себя в этой тишине и покое.

От ее глубокого вздоха стекло затуманилось, и пейзаж за окном потускнел. Расправив плечи, она оглянулась. В гостиной продолжалось веселье, так контрастирующее с безмятежным спокойствием за окном.

Тоскливое настроение, которое терзало ее уже несколько дней, постепенно перерастало в меланхолию, и ей становилось все труднее скрывать это.

— Леди Денмор!

Подняв подбородок, Эмма изобразила дежурную улыбку и повернулась на подозрительно веселый голос.

— Леди Денмор, очень желательно ваше участие!

— А что случилось, мистер Джонс? — Эмма постаралась придать своему тону легкость и непринужденность.

— Мейдертон и Осборн организовали состязание и хотят, чтобы вы дали старт.

Вот те на... Эмма улыбнулась, на этот раз более естественно, и подала руку худощавому молодому человеку, оставив позади заснеженный сад, мечты и грезы.

Хохот и громкие возгласы наполняли просторный холл Уэмбли-Хауса. Все головы как по команде повернулись к широкой пологой лестнице и впечатляющей картине на ее верхней площадке. Туда, где два лорда — Мейдертон и Осборн, пэры королевства, — восседали на больших серебряных блюдах. Помогая себе руками, мужчины начали скользить по персидскому ковру в направлении лестничного марша.

— Это и есть состязание? — коротко рассмеялась Эмма и, несмотря на изумление, попыталась быстро оценить участников. — Что ж, ставлю пятьдесят фунтов на Осборна.

Шум на мгновение смолк, словно все затаили дыхание, затем тишина взорвалась возгласами, смехом и выкриками заключаемых пари. Эмма с улыбкой шагнула на первую ступеньку, собираясь подняться наверх, чтобы дать старт, но чей-то громкий голос остановил ее.

— Вам нельзя туда! Если вы сделали ставку, это запрещено.

Эмма пожала плечами и отошла в сторону, предоставляя другой даме начать состязание.

Прошла минута-другая, затем взмах платка, и мужчины устремились к лестнице. Помогая себе руками, они начали скользить вниз по ступеням. Эмма ахнула, впрочем, ахнули все, толпа замерла перед лицом возможной опасности. Эмма даже глаза готова была зажмурить, боясь увидеть что-то страшное, что грозило обоим смельчакам. Но она поставила пятьдесят фунтов, поэтому заставила себя следить за ходом соревнования. Джентльмены с

поразительной скоростью летели вниз. Она видела, как Осборн, воспользовавшись своим превосходящим весом, обогнал соперника. И кивнула с удовлетворением, когда он промчался мимо, а потом скорчила гримасу, видя, как он врезался в стену, вызвав целую какофонию звуков: звон металла, стук глухого удара и вскрики гостей.

Все без промедления вернулись к своим прежним занятиям — напиткам и разговорам, а Эмма, прокладывая путь сквозь толпу, направилась к Осборну, чтобы удостовериться, что с ним все в порядке. Она видела, что Мейдертон уже оправился и, смеясь, что-то рассказывал своим друзьям.

— Осборн, — проговорила она, подходя к маленькой группе гостей, — вы не ушиблись?

— Только локоть, — поморщился он.

— О, лорд Осборн, — вздохнула Эмма при виде его покрасневшегося лица, — скажите честно, вы не сломали руку?

— Нет-нет, уверяю вас. Просто немножко ударил.

— Слава Богу. Мне несдобровать, леди Осборн оторвет мне голову за то, что я поощрила эту затею.

— Мне тоже.

— Пойдемте, милорд, посмотрим. Может быть, стоит приложить лед...

— Генри!

— О нет! — выдохнул граф.

— О нет! — в свою очередь, выдохнула Эмма. — Что ж, если леди Осборн готова помочь, я оставляю вас ее заботам.

— Но...

— Генри! Ты сошел с ума! — послышался голос леди Осборн.

Эмма нырнула в толпу, не желая оказаться между провинившимся мужем и его любящей разгневанной женой.

Мистер Джонс поймал Эмму за руку и с улыбкой объявил ее выигрыш. Семьдесят фунтов. Не так много, как она рассчитывала, но терпимо. Ее репутация, как женщины, обладающей поразительной интуицией, порой служила ей не лучшую службу. Прислушиваясь к ее мнению, люди часто ставили на того же участника, что и она, и в результате выигрыш делился на большее число заключивших пари.

Вздохнув, Эмма засунула банкноты в перчатку. Скользя глазами по скучному лицу мистера Джонса, она проводила взглядом Мейдертона, который, направляясь в комнату для игры в карты, дружески помахивал знакомым, проходя мимо. Эмма пошла следом, но по пути ее задержала леди Мейдертон. Раскрасневшись от возбуждения, она быстро-быстро причитала, что скорее всего ее персидский ковер безнадежно испорчен. После всех ахов и охов и неизменно приветливого обмена любезностями Эмма отошла от хозяйки и быстро пошла туда, где собрались любители попытать судьбу за карточным столом.

Она не могла не улыбнуться, когда увидела знакомую копну седых волос, ярко выделявшихся в полумраке коридора. Лорд Мейдертон изображал роль поверженного в схватке игрока очень хорошо. Без сомнения, он планировал осудить ее за предательство и за то, что она поставила на Осборна. Может быть, стоит позволить ему выиграть одну партию в пикет, чтобы он мог удовлетворить уязвленное самолюбие?

Эмма уже приготовилась окликнуть его, но когда ее губы приоткрылись, она вдруг увидела лицо мужчины, с которым разговаривал Мейдертон. Увидела и замерла на месте. Кто-то нечаянно толкнул ее в спину.

— О, милая, извините.

Эмма прислонилась к стене, а провинившийся джентльмен попытался помочь ей. Но она не отводила глаз от брюнета впереди.

— Не стоит извиняться, сэр. Это моя вина.

— И все же мне надо быть повнимательнее.

— Нет, это я внезапно остановилась. — Она наконец подняла глаза на своего обидчика. — Адмирал Хартфорд, мне кажется, я знаю этого джентльмена, того, что стоит рядом с Мейдертоном, но не могу вспомнить, кто это.

— О-о! — Глаза адмирала расширились, затем остановились на ней. Лукавые искорки блеснули в них.

— Это, моя милая, герцог Сомерхарт. Боюсь, убежденный холостяк.

— Сомерхарт, — прошептала она, осязая имя на своих губах. О да, конечно, Сомерхарт. — Благодарю вас, адмирал.

Эмма повернулась и поспешила пройти в главный холл. Затем завернула за угол и оказалась в уютной гостиной, предназначенной для отдыха дам. Она устроилась в уголке, присев на мягкий стул.

Герцог? Она никогда бы не поверила в это.

Видел ли он ее? И если видел, то узнал ли?

— Конечно, нет, — прошептала Эмма. Смешно предположить, ведь она лишь однажды встречалась с этим мужчиной... и что? И к тому же десять лет назад. Да. Тогда ей было девять. Нет, он не может помнить ее.

Она лгала всем, утверждая, что она вдова барона Денмора, но если герцог Сомерхарт вспомнит ее, тогда ее игре придет конец, потому как на самом деле она никогда не была замужем за своим родным старым дядюшкой.

Она планировала продержаться по крайней мере месяца два, чтобы ее ложь не успела стать очевидной для всех. В том графстве, откуда она родом, есть несколько известных членов общества, но пока никто из них не прибыл в Лондон на заседание парламента. Ей нужно еще несколько недель...

Эмма сидела прямо и смотрела на свое отражение в зеркале, висевшем на противоположной стене. Нет, герцог не узнает ее. Ее каштановые волосы тогда были гораздо светлее. И она повзрослела с тех пор. Тогда на ней была ночная рубашка, две косички лежали на спине... Нет, она неузнаваема.

А он, напротив, отчетливо запечатлелся в ее памяти с той первой минуты, когда она увидела его в темном коридоре своего дома.

— Привет, малышка! — сказал он тогда, увидев, как она бродит по коридору, пытаясь украдкой подсмотреть за гостями отца.

Господи. Его голос прозвучал внезапно, как голос призрака, витающего в темноте. Затем он вышел на свет, и Эмма ахнула.

— Что ты делаешь здесь так поздно? — спросил он, мягким, глубоким голосом. Эмма подумала, что, может быть, он ангел. Он был красивее любого из друзей ее отца. Но разве ангелы носят пурпурные жилеты и курят сигары? — Тебе давно пора быть в постели, котенок.

— Я... я хотела посмотреть, как танцуют гости. Музыка слышна в моей комнате и...

Он наклонился к ней, и его ясные, как весеннее небо, глаза оглядели ее от косичек на голове до босых ног, а его красивое лицо подернулось печалью.

— Но это место не для тебя. Ты не должна появляться на вечеринках, которые устраивает твой отец. Тебе лучше оставаться в своей комнате.

— Ох. — Она вздохнула, сраженная добротой его тона. Он ангел, настоящий ангел, такого красивого человека она еще никогда не видела. Эмма отставила одну ногу, намереваясь вернуться к черной лестнице, которой пользовались слуги, но его глаза удержали ее, голубое тепло проникло в нее вместе с надеждой. Она снова вздохнула. — Но... — Когда она потянулась чуть-чуть вперед, он улыбнулся. Стоило ему заметить слезы, дрожащие в ее глазах, как его улыбка исчезла. — Но кто-то... заходил в мою комнату.

— Что? — Он выпрямился. Она думала, что он очень высокий, но оказалось, что еще выше. Его красивые губы сложились в жесткую линию. — Что ты имеешь в виду?

Эмма отступила на шаг.

— Я не... в мою... в мою комнату кто-то приходил ночью, пока я спала. Я не хочу оставаться там. — Ее щеки полыхали под его взглядом. — Он поцеловал меня.

Что-то жесткое и страшное показалось на его лице. Эмма поежилась и хотела уйти, но его губы тотчас дрогнули и смягчились. Протянув руку, он взял ее ладонку и сжал пальцы.

— Извини. — Наклонившись, он улыбнулся ей. — Ты такая хорошенькая, что тебя действительно хочется поцеловать, но это сможет сделать только твой муж. Когда ты вырастешь. Поняла?

— Да, сэра.

— Никто не обидел тебя?

Эмма покачала головой.

— Хорошо. Твоя дверь запирается? Да? Тогда возвращайся в свою комнату и запри дверь. Потом подопрь ее стулом. Ты понимаешь, что я имею в виду?

Она снова кивнула.

— Сделай так. И потом... пока у твоего отца гости, тебе лучше не выходить в этот темный коридор, детка.

— Да, — сказала она и ушла. И хотя она не перестала шпионить за гостями отца, но следующие четыре года лелеяла страстную влюбленность в этого безымянного мужчину. Затем она забыла о нем. До этого вечера.

Герцог. Печально известный герцог. Прославившийся отнюдь не своей добротой. И все же самый красивый мужчина, какого ей приходилось встречать в своей жизни.

Что ж, выбора не было, она не добьется цели, если станет прятаться в течение следующих дней. Если ее план в опасности, то лучше узнать об этом немедленно. Поэтому Эмма заставила себя подняться и пойти навстречу своему старому защитнику.

— Невероятно! Маленькая предательница, леди Денмор! — воскликнул лорд Мейдертон, и Сомерхарт повернулся, услышав женский смех за своей спиной.

Его брови удивленно приподнялись. Нечасто встречаешь новое лицо в высшем свете, и еще реже столь прелестную молодую особу.

— Я не понимаю, о чем вы, сэра? — снова рассмеялась она, и ее ореховые глаза блеснули. Она взглянула на Сомерхарта и быстро отвернулась.

— Как вы могли так поступить, леди Денмор? Поставить на другого человека?

Она вытянула руку в тонкой лайковой перчатке и коснулась рукава Мейдертона.

— Я глубоко опечалена, милорд. Правда. Вы не могли не видеть, как я поддерживала вас. Я думала только о том, как бы спасти гордость Осборна, уверенная, что вы побьете его.

Мейдертон хмыкнул.

— Вы, мадам, сделали бы своему графству большое одолжение, если бы занялись дипломатией. Вы плетете столь восхитительные словесные узоры, что абсолютно не имеет значения, говорите вы правду или сочиняете.

Она снова рассмеялась, и Сомерхарт обнаружил, что с удовольствием прислушивается к ее смеху. Какой приятный звук, мягкий и мелодичный. Хотя, кроме этого смеха, вряд ли в ней есть нечто особенное. Она довольно мила, но не экзотична.

— Леди Денмор, вы позволите представить вам герцога Сомерхарта? Ваша светлость эта прелестная дама — баронесса Денмор.

Он наблюдал, как она присела в поклоне, ее темно-лиловые юбки чуть шелохнулись. Когда он взял ее руку, ореховые глаза лучились улыбкой.

— Леди Денмор, я польщен. И никаких герцогов, ради Бога. Сомерхарт или просто Харт.

— Вы считаете, что не заслужили этот титул? — пошутила она.

— О, я не слишком часто пользуюсь им.

— Ах, так вы тот, чья личность имеет силу и значимость независимо от титула?

Харт улыбнулся, наблюдая, как ее полные розовые губы изогнулись, и быстро соображая, присутствует ли здесь ее муж. Если нет...

— Леди, — перебил Мейдертон, его глаза устремились к двери слева, — я вижу, игроки ждут меня. Могу я предоставить вас заботе Сомерхарта?

— Конечно. Между прочим, лорд, я скоро приберу к рукам ваши денежки, так что не расслабляйтесь.

Харт улыбнулся, услышав вздох Мейдертона, сам же испытал радость оттого, что остался один на один с этой интригующей женщиной.

— Я могу проводить вас к вашему мужу? — невинно поинтересовался он.

— Ах... Я вдова, Сомерхарт. Вдовствующая баронесса Денмор.

Харт поднял брови, удивленный ее словами.

— Простите. — Эта молодая леди вдова? Она выглядит не старше, чем его младшая сестра. — И примите мои соболезнования в связи с вашей утратой. — Он стал в уме перебирать сведения о родословной Денморов.

Барон Денмор. Он знал девятого барона Денмора, который развратничал, без меры пил и умер много лет назад. Харт понятия не имел, кто унаследовал титул. Подошел слуга, и Харт взял с подноса два бокала шампанского.

— Вы собираетесь долго пробыть в Лондоне?

Розовые губы леди Денмор дрогнули в улыбке, когда он передал ей бокал.

— Нет...

— И вы не останетесь с нами на сезон?

Услышав это «с нами», она взмахнула ресницами. Удивление промелькнуло в ее глазах. Он флиртует с ней? Что ж... Ему не нравятся обычные женщины, он мужчина, обладающий утонченным вкусом и соответствующим воспитанием, или по меньшей мере именно так ведет себя сейчас.

— Возможно, ненадолго, — пробормотала она, прежде чем поднести бокал к губам.

Харт не без удивления наблюдал за ней. Эта скромная юная женщина опрокинула залпом полный бокал шампанского и протянула пустой ему в руки.

— Благодарю. Это было прекрасно.

И затем, круто повернувшись, она удалилась в комнату для карточных игр, оставив недоумевающего герцога вдыхать тонкий аромат цитрусов.

Кристаллы переливались в ее волосах, ловя отблески мерцающего света, пока она сосредоточенно рассматривала свои карты. Харт наблюдал за ней.

— Поровну, — сказала она и сделала новую ставку.

Она хорошо играла в эту игру — двадцать одно — и постоянно выигрывала, с тех пор как четверть часа назад села за стол. Но сейчас, делая очередную ставку, казалась расстроенной... заскучала и посматривала на другой стол, где играли в «мушку».

— Что вы знаете о леди Денмор? — спросил Харт мужчину, стоявшего рядом с ним.

Лорд Марш хмыкнул.

— Довольно соблазнительная особа. Вы не находите? Год была замужем за одним пожилым джентльменом, а сейчас свободна и вправе подыскать себе что-то более интересное.

— А тот господин?

— Барон Денмор? Когда они поженились, ему было семьдесят, не меньше, а ей не больше девятнадцати. Он даже не успел вывести ее в свет.

Харт обдумывал услышанное.

— И кто же ввел ее в лондонское общество?

— Ха! Никто. Она приехала в октябре, все еще в трауре. Мейдертоны были практически единственными, кто оставался в городе. И Осборны, конечно. Она сразу стала у них своим человеком.

Харт наблюдал, как леди Денмор собрала выигрыш и встала. Она тут же подошла к другому столу, где играли в «мушку». Игроки вздрогнули.

— Она опытный игрок, я вижу?

— Мм-м... Смотрите-ка, этот трус Брейшер уже сбежал из-за стола. Видите, как мужчины дрожат, стоит ей подойти.

Харт позволил себе улыбнуться. Мужчины и правда были не рады ее присутствию за карточным столом.

— Она выглядит как женщина, которая обожает рисковать.

— Именно. — Марш усмехнулся. — И я надеюсь, это проявляется и в других вещах. Вы только взгляните на ее рот!

Харт сжал губы. Он знал, что его собственная репутация в вопросе, касающемся женщин, весьма сомнительна. И не менее хорошо было известно, что он превыше всего ценит личную свободу. Но он отказывался говорить о женщинах как о шлюхах, выставленных на торги, равно как не хотел, чтобы его самого рассматривали как племенного жеребца.

— Что ж, старина, — продолжал Марш, заметив злость Харта. — Я думаю, что получу удовольствие от игры. Возможно, мне удастся обыграть ее и, оставив без денег, склонить к другому занятию.

Лорд Марш подошел к столу, и когда леди Денмор подняла голову, она встретилась глазами с Хартом. Ее брови приподнялись, ореховые глаза расширились, словно его присутствие чем-то удивило ее. Странно, что он последовал за ней в комнату. Она вздрогнула, ее ресницы затрепетали, и она отвернулась от него, чтобы сосредоточиться на картах, которые взяла.

Она реагировала на него так, словно знала его. Может быть, виной всему его репутация? Именно это заставило ее нервничать? Она не кто иная, как простодушная мисс из предместья, несмотря на то что ее голос рождал в его голове образы смятых простыней и дивно пахнувших влажных волос.

Муж семидесяти лет. Харт покачал головой и отошел от стеллажа с книгами, к которому прислонился. Она напряглась, когда он проходил мимо ее стола к двери. Он чуть было не остановился за ее спиной... но не поддался искушению.

Возможно, она слишком юна для него? Он предпочитал вдов и, кроме того, в настоящее время сам был свободен. И к тому же благовоспитанность и невинность редко предлагали в постели нечто волнующее, разве что одни бесконечные заверения в любви. Это было не для него. Не то чтобы у него был большой опыт общения с невинными девушками, но он слышал об этом.

Быстрым шагом направляясь в зал, Харт не обращал внимания на людей, которые пытались поймать его взгляд, пока он проходил мимо. Положение герцога очень схоже с положением призового жеребца, а к тому же он еще и перспективный жених... Он едва сдерживал отвращение, даже разглядывая намеченную жертву, когда наблюдал за танцующими.

— Осборн, — начал он, останавливаясь рядом с пожилым джентльменом.

— Ах, это вы, Сомерхарт! Что привело вас в город?

— Леди Мейдerton была очень добра предложить мне комнату, так что мне не придется сражаться с этим проклятым снегом.

— Что ж, слава Богу, никто из новеньких соискательниц не прибыл. Если бы это было в апреле, вы бы подверглись атаке страждущих мамаш.

— Ну да. Между прочим, я познакомился с вашей юной подругой леди Денмор.

— Да? А где Эмма? Наверное, уже за карточным столом?

— Да, мужчины дрожат в страхе.

— Так им и надо. Но, Господи, если бы вы знали, как она оживила нашу скучную жизнь этой зимой. Кстати, научила меня паре вещей в игре в вист, уверяю вас. Вы играете в брэг? Мне нравится эта старинная игра наподобие покера. Не вздумайте только ставить свое имя на кон, если будете играть с ней. Она отберет у вас не только вашу гордость.

Харт улыбнулся, услышав сердечный смех Осборна.

— Я никогда не встречался с ее мужем.

— Я тоже не был знаком с бароном Денмором. Когда я знал его, он был просто старым мистером Дженсенем. Мы вместе ездили в город много лет назад. Знаете ли, он никак не ожидал, что унаследует титул. Я не видел его... — Осборн пожал плечами, — должно быть, лет пятнадцать.

— Значит, вы никогда не встречались с леди Денмор?

— Нет, нет. Денмор заполучил эту цветущую девушку в весьма почтенном возрасте. У него не было времени на балы или охоту. Он даже прекратил писать письма. — Густые брови Осборна опустились. — Я не могу представить, что могло заинтересовать его в такой юной девушке, как Эмма, но полагаю, что вместе с титулом приходят обязанности. Они, должно быть, хорошо ладили. Она знала все старые истории обо мне, честно говоря, некоторые из них мне бы хотелось забыть. — Его смех превратился в глубокий вздох. — Она говорила о нем с большим уважением.

— Разумеется.

Что-то похожее на сомнение прозвучало в голосе Харта, поэтому Осборн удивленно посмотрел на него.

— Я сказал бы, она знала его даже лучше, чем я. А она провела всего лишь год в его доме. Она прекрасная женщина, и ясно, что была хорошей женой. Немножко настораживает ее пристрастие к азартным играм, но все же она славная девушка.

— Мне нечего добавить. Она действительно прелестна.

— Хм-мм...

— Как ваша рука?

— Дьявольски болит, но я не жалуясь. Леди Осборн это не понравится.

— Что ж, вам остается одно — очаровать ее, и тогда она перестанет сердиться.

Лицо Осборна озарилось осуждающей улыбкой.

— Я это и делаю, молодой человек. Это и делаю.

Эмма резко поднялась из-за стола, удивив других игроков. Она проиграла двадцать фунтов, но лучше двадцать, чем двести, ей все равно не отыграться. Она не могла сосредоточиться на игре, все время отвлекалась, думая о Сомерхарте.

Оглядев холл и заметив, что он ушел, Эмма поспешила в музыкальный салон. Она не была готова к встрече с ним. Сейчас она понимала, почему тогда, в ту ночь, он показался ей ангелом. Он был красивый, сильный, таинственный. Эти бледно-голубые глаза, очерченные густыми черными ресницами. Этот соблазнительный рот и сдержанность. Высокий, именно такой, каким она его помнила, высокий и невероятно элегантный.

Он не узнал ее, так что она может расслабиться и не нервничать. Но он немного флиртовал с ней. И она флиртовала в ответ.

Неумно и рискованно. Она-то думала, что уже получила надлежащий урок.

Музыкальный салон гудел женскими голосами, и Эмма остановилась в дверях. Удушающая жара стала совсем невыносимой, когда она услышала имя, какое жаждала услышать.

Сомерхарт. Эмма сгорала от нетерпеливого желания узнать что-нибудь об этом мужчине, и, к ее счастью, все гости, казалось, были взволнованы появлением герцога.

Эмма и раньше слышала разговоры о знаменитом герцоге. Холодное Сердце — таково было его прозвище. Но она никогда не обращала внимания на эти разговоры. Не понимала, что они касаются человека, которого она знала. И сейчас... то, что она слышала, обрушилось черной тенью на те фантазии, которые она когда-то сотворила.

О да, она жила мечтой о герое их короткой встречи, она придумала его... Да, она встретила его в доме своего отца, хорошо известном своими скандальными ассамблеями, но он ушел после их неожиданной встречи. Эмма пыталась выведать информацию от экономки и узнала не много: этот господин покинул Денмор после короткого разговора с ее отцом. Поэтому она простила ему присутствие в их доме. Он, возможно, понятия не имел, что это за прием, и, узнав, повздорил с ее отцом. Возможно, он даже угрожал ему, прежде чем уйти.

Десять лет назад это не казалось ей фантазией. Напротив, казалось весьма вероятным развитием событий. Он скорее всего даже подумывал вернуться, чтобы проверить, как ей живется в доме своего отца.

Но... нет. Нет. Разумеется, нет. Он обладал многими совершенствами. Но увы, никогда не был ангелом. Простая сплетня подтвердила это. Проходя мимо толпы, Эмма подобрала ее, как низко висящий плод.

Холодный. Жестокий. Опасный.

Приглушенные голоса шептали и другие слова, слагая мифы о его прошлом, которое никак не вязалось с настоящим. Испорченный и злой. Бесстыжий и ненасытный.

Он не был ни оплотом морали, ни образцом джентльмена. Оказывается, как и в юности, он посещал скандально известные сборища, хотя с годами стал более осмотрителен. Умалчивая о своих удовольствиях, он все еще искал их. Распутник, как и ее отец, тогда почему он так беспокоился о защите маленькой девочки?

— Он, должно быть, потрясающий любовник, — услышала Эмма шепот леди Шерборн обращенный к подруге. — Он появляется с единственной целью — подцепить новую партнершу для своей постели. — Она заговорила громче, ничего не замечая. — Без сомнения, эта Кэролайн Уайт раздражала его своей несдержанной болтовней. Вы, конечно, знаете, почему он презирает болтовню?

Другая дама задумчиво кивнула, затем подняла проницательные глаза на леди Шерборн. — Вы действительно видели эти письма?

Эмма придвинулась ближе, чтобы услышать ответ. Но ее усилия не увенчались успехом. Ей удалось только услышать слово «бесстыдство».

Он ищет женщину, которая согрела бы его герцогскую постель? Он флиртовал с ней. Эмма почувствовала, как вдруг горячо стало в животе. Жар поднимался, заливая грудь и отдаваясь в голове легким головокружением.

Мысль о его постели возбуждала ее, хотя она старалась не чувствовать ничего, кроме отвращения. Она ненавидела тот взрыв нетерпения, который всегда пробуждался в ней в рискованных ситуациях. Она знала, что ей никуда не уйти от этого — кровь ее отца текла в ней. И если она даст себе волю, то, несомненно, последует по его дорожке в поисках очередного приключения, очередной победы, пока ее душа не высохнет от невоздержанности и распутства.

Она не хочет мириться с отцовской наследственностью. Она не превратится в шлюху, дарящую наслаждение первому встречному.

Стиснув зубы, Эмма пробиравалась сквозь толпу, направляясь к карточным столам и стараясь выкинуть из головы разговоры о Сомерхарте и перешептывания о его скандальной сестре.

Она не позволит унижить себя. У нее в запасе всего несколько недель, чтобы завершить начатую работу и покинуть город. И даже сейчас она рискует. Осборны приняли ее с неожиданной теплотой, их поддержка открыла ей доступ в свет. Но вскоре начнется сезон, и все представители высшего общества начнут постепенно возвращаться в город.

Приедет и кто-то из Чешира, приедет и узнает ее. А в городе начнут задавать неудобные вопросы. И ее игра будет окончена.

Вместо того чтобы присоединиться к игрокам, Эмма обнаружила, что стоит против окна, выходящего в сад. Она смотрела на застывшую в покое землю и говорила себе, что должна радоваться тому, что герцог не узнал ее, и благодарить Бога, что он далеко не ангел.

Ее обман будет продолжаться, пока не начнется сезон. Затем ей придется распрощаться со своими выигрышами и никогда больше ее нога не ступит в этот вежливый мир столь безжалостного общества.

И если герцог Сомерхарт такой же бессердечный негодяй, как ее отец, ей лучше исчезнуть. У нее есть одна-единственная мечта, одна фантазия, и она не имеет ничего общего с человеком, когда-то пришедшим ей на помощь.

Харт прошел в маленькую столовую, где обычно накрывали завтрак, чувствуя необычное нетерпение. Он не любил многолюдные обеды и на подобных приемах всегда предпочитал завтракать в своей комнате, но на этот раз обнаружил, что стремится найти кое-кого из гостей. У него был шанс найти ее, она ускользнула в полночь, когда ужин еще не подали. Сейчас позднее утро, и, конечно, она уже должна была встать.

Он бросил быстрый взгляд на высокий сугроб за окном слева от него. Солнечные лучи проникали сквозь разрисованные морозом стекла. Он увидел ее у этого окна вчера вечером с пальчиками, прижатыми к стеклу. Живописная картина заморозила его, заинтриговала, и Харт наблюдал, вместо того чтобы подойти. Когда леди Денмор вернулась в зал и прошла мимо группы гостей, не заметив его, он не сделал ни шагу, чтобы приблизиться к ней. Взгляд ее глаз даже на расстоянии поразил его.

Она поднялась по лестнице, ни разу не обернувшись. Может быть, она чуть-чуть пьяна? А вовсе не одинока и потеряна?

Харт покачал головой, вспоминая. Очаровательная глупость. Запах кофе нарушил ход его мыслей и привел его в маленькую гостиную, к столу, у которого люди говорили бессмысленные слова год из года. Мужчины, которые обожали его или завидовали его титулу; женщины, которые насмехались над ним или возбуждались, зная его репутацию. Педанты, которые осуждали бы его скандально известную сестру, если бы она была сейчас здесь. Незнакомцы, знакомые, фальшивые друзья... Но Эммы не было среди них.

— Снег тает, — сказал джентльмен, предлагая Харту занять место рядом.

— Адмирал Хартфорд, — поклонился Сомерхарт.

— Дороги развезло. Вы едете?

Пожимая плечами, Харт обдумывал ответ. Лондон был в получасе езды, может быть, час или два при такой погоде. Простой выход избавиться от этой неприятной компании. Странно, что он не сделал это, как только забрезжило утро.

— Жена будет ругать себя за то, что не поехала. Моя маленькая Лизбет в этом году начнет выходить в свет. Хотя о чем это я? Сомневаюсь, что вы ищете невесту. — Адмирал заметил равнодушный взгляд Харта.

— Я полагаю, вы правы, адмирал. И сомневаюсь, что мог бы стать идеальным мужем для юной Лизбет.

Адмирал вежливо кивнул в ответ, но было ясно, что герцог был бы желанным мужем для его дочери. Сама девушка... тут не было полной уверенности.

Харт молча выпил кофе, посмотрел на тарелку с едой, к которой так и не притронулся, и вышел из-за стола.

Он должен уехать. Ради всего святого ему следует оставить городской дом и вместе с ним это глупое любопытство к девушке, слишком юной, чтобы быть вдовой. Решение сформировалось в его голове, заставив повернуться к лестнице. Он уезжает. Попросит слугу упаковать вещи, и они уедут в течение часа. Наверное, лучше попросить у Мейдертона лошадь, и он отправится верхом, а карета будет тащиться сзади по грязи.

Взрыв смеха послышался с улицы, застав Харта на третьей ступеньке. Он нахмурился, прищурил глаза и взглянул на окно, у которого прошлым вечером увидел леди Денмор. И снова смех и крики. Молодежь затеяла какие-то игры, не представляющие для него никакого интереса. Но смех и возгласы были такими громкими, что не оставалось сомнений — на улице собралась целая толпа и происходило нечто из ряда вон выходящее. И среди прочих

голосов он отчетливо различил голос леди Денмор. Не особенно вдумываясь в то, что там происходит, Харт подошел и приник к окну так близко, что ощутил дуновение холодного воздуха.

Солнце, растопившее глыбы снега и льда, ослепило его. Прошло какое-то время, прежде чем тени начали фокусироваться в различимые фигуры. И когда раздался новый взрыв смеха, он понял причину.

Несколько женщин стояли в окружении молодых мужчин. Харт поморщился. Прижавшись к окну и чувствуя собственную глупость, он был не в состоянии оторваться от открывшейся картины. Три женщины шли против ветра, кутаясь в меховые накидки и палантины. Одна была слишком мала ростом, и он успел заметить белокурые волосы, выглядывающие из-под голубого капора другой. Но третья?.. Да, это была она.

Вся группа стояла вполоборота к нему, лицом к большому пруду на окраине сада. На другом конце пруда на его замерзшей поверхности собралась группа поменьше. Мужчины, подталкивая один другого, осторожно продвигались вперед, пробуя лед каблуком и подпрыгивая.

Харт видел, как третья дама, смеясь, повернула голову и округлила глаза. Он выпрямился. Это была леди Денмор, ее лицо светилось белизной на фоне черного плаща.

— Хм-м... — Харт вытащил часы из кармана, раздумывая, что делать — либо немедленного исчезнуть, либо удовлетворить неожиданное желание попрощаться с леди Денмор. Когда он снова взглянул на нее, она сбросила капюшон и солнце заиграло в ее волосах, похожих на осеннюю листву.

Но если прощаться, тогда надо торопиться... Она уже отошла к дальней стороне пруда. Мужчины радостными возгласами приветствовали ее. Харт повернулся и направился к выходу, ища лакея, который взял у него пальто прошлым вечером.

— Леди Денмор!

Эмма от души смеялась над суровым выражением лица молодого джентльмена. Это был мистер Кэнтри. Его приятель, мистер Джонс, подталкивал друга, бросая горячие взгляды в ее сторону.

— Мистер Кэнтри, вы, право, не должны воспринимать меня как матрону, желающую нарушить вашу игру. Осмелюсь сказать, вы старше меня всего на два или три года, ведь так?

— О, наверное. — Он окинул ее взглядом мутно-зеленых глаз, словно мог увидеть под плащом голубое платье, а под ним ее нежную кожу. Его глаза сверкнули. — Да. Конечно. — Улыбка, которую он изобразил на этот раз, содержала больше чем простое любопытство.

— Вы думаете, пруд замерз настолько, что ходить по льду не опасно?

— Я уверен. — Кэнтри усмехнулся через плечо. — Эти трусы боятся шагнуть на лед.

— Да, он кажется мне довольно прочным.

— Но посмотрите, леди Денмор, как темно в центре, — настаивал Джонс.

— Да, только на большой глубине может быть так. Вы не думаете, мистер Кэнтри?

— Согласен.

Эмма улыбнулась молодому человеку и, взяв его за рукав пальто, притянула к себе.

— Что вы скажете, если мы докажем этим джентльменам, что они ошибаются? Может быть, пари?

— Пари?

Она снова улыбнулась. Еще один джентльмен, постарше остальных, смягчил смех

кашлем. Его глаза остановились на ней, разгадав ее игру. Эмма кивнула.

— Мой брат, — пробормотал Кэнтри, — виконт Ланкастер.

— Виконт, — отозвалась она, — очень рада.

— Я тоже, мадам. Уверяю вас.

Она видела, как его взгляд остановился на ее губах. Мужчины такие простые существа.

— Что ж, позвольте нам преподать урок этому лорду, вы готовы, мистер Кэнтри?

— Разумеется, — согласился младший брат.

— Пари становится все интереснее, правда? Необходимо добраться до противоположной стороны пруда... хм-м... Мы можем заключить пари на пятьдесят фунтов?

— Ах... леди Денмор, конечно, вы не имеете в виду, что я буду соревноваться против вас?

— Не волнуйтесь, ваша гордость в безопасности, сэр. Я принимаю вызов. Сознаться, вы боитесь, что я буду лучше вас?

Кэнтри не мог сдержать смеха.

— И вы доставите мне большое удовольствие. Правда. — Он был разгорячен предстоящим состязанием. Она наблюдала, как в его глазах зажегся огонек азарта. — Конечно, я не смогу принять ваши деньги. Но если вы предложите вместо них...

— Ах! Поцелуй вместо пятидесяти фунтов? — Она на мгновение опустила глаза, стараясь выглядеть смущенной. — Поцелуй. Прекрасно. Итак, пари, мистер Кэнтри. Поцелуй, если вы победите. Пятьдесят фунтов — если я.

Молодой джентльмен был окрылен открывшейся возможностью, хотя его брат, который был явно умнее, стоял, с сомнением качая головой. Джонс тоже выглядел озабоченным.

— Это опасно, — протестовал он.

— Я тоже так думаю, — согласился виконт Ланкастер.

— Глупости, джентльмены. Я деревенская девчонка, между прочим, и имею представление о подобной опасности. Пруд не больше чем четыре фута глубиной в середине. Ничего страшного. — И она направилась к берегу, прежде чем мужчины могли выразить протест, и с удивлением оглянулась, когда сильная рука ухватила ее за локоть.

— Ах, это вы, лорд Ланкастер. Не возьмете ли мой плащ?

— Конечно. — Он потянулся, чтобы помочь ей, и мягко прошептал на ухо: — Может быть, это не такая уж великолепная идея? Я слышал, вы обожаете хорошее пари, но если лед треснет...

— Успокойтесь. — Эмма быстро скинула плащ с плеч и обхватила себя руками, стараясь унять дрожь. Она была избавлена от опеки Ланкастера появлением его брата. Он покраснел от возбуждения и уже тайно торжествовал.

— Леди Денмор, я могу дать вам фору, скажем десять шагов?

— Едва ли мне это нужно, мистер Кэнтри.

Джонс объявил старт, и соревнующиеся вышли на лед. Изыщные полуботинки Эммы легко скользили по льду, но широкие шаги Кэнтри давали ему преимущество. Большая группа рядом с домом начала освистывать его, выказывая свое неодобрение, что заставило Эмму рассмеяться, несмотря на то что она тяжело дышала, пытаясь не отстать от него.

Кэнтри почти пересек пруд на добрую треть, прежде чем замедлить ход. И тут, даже находясь в пятнадцати шагах позади него, Эмма услышала зловещий треск. Она заскользила быстрее.

— Подождите, — закричал он, останавливаясь в нерешительности. На его лице отпечаталось тревожное выражение, когда она промчалась мимо него. Он стоял, боясь двинуться дальше. Теперь резкий треск прозвучал за ней. Эмма сбавила скорость, постаралась распределить вес на обе ноги и, осторожно скользя, добралась до середины пруда.

Кэнтри, должно быть, двинулся вперед или примеривался, прежде чем сделать новый шаг, когда новый шквал звуков прозвучал в воздухе. Она оглянулась назад, желая удостовериться, что он не провалился в пруд. Но он оставался на ногах. Хотя явно пребывал в затруднительном положении, но он устоял. Его глаза расширились в ответ на ее улыбку.

— Не двигайтесь дальше, — закричал он, когда она отвернулась и заскользила вперед.

— Вы куда тяжелее, чем я, мистер Кэнтри. Я верю, что лед выдержит мой вес.

Она миновала центр пруда и вздохнула с облегчением, но следующий шаг опроверг ее надежды. Лед обрушился под ее ногами, и одна нога оказалась в ледяной воде. Все ее усилия выбраться привели к тому, что и другое колено ударилось о лед с глухим стуком. Крики коснулись ее ушей.

Мучительная, тягучая боль охватила ступню и голень, затем, безжалостно пульсируя, подобралась к колену и потом к бедру. Проклятия слетали с ее губ, она старалась улыбнуться, услышав очередной крик. Это был лорд Ланкастер, стоявший в дюжине шагов от нее. Его туфли тонули в мокром снегу, который покрывал берег.

— Не двигайтесь, лорд Ланкастер. Лед не выдержит вас, а если вы спасете меня, я потеряю свой выигрыш.

— К черту это глупое пари! — крикнул он, но не двинулся. Он и не мог, лед бы никогда не выдержал его.

— Я в порядке, — солгала она и, стоя по колено в воде, уперлась в лед руками в перчатках и старалась вытащить ноги из полыньи.

— Что тут происходит?

Резкий голос привлек ее внимание и заставил в тревоге поднять голову. Герцог Сомерхарт подошел к пруду, его лицо пересекла суровая гримаса.

— Черт побери, — прошептала она и рванулась изо всей мочи. Ее ноги выбрались из ледяной купели, но, внезапно поскользнувшись, она упала и ударила лицом о мокрую жижу. — О дьявол...

Лед затрещал и двинулся под ней, как зверь, которого она пробудила от спячки. Она не видела сейчас Сомерхарта, но слышала его ужасные проклятия.

— Какого дьявола вы это затеяли? — пророкотал Харт, словно имел право вмешиваться. Злость помогла Эмме приподняться, опираясь на руки и колени.

— Стойте спокойно. Я подойду.

— Нет! — закричала она, останавливая его взглядом, стараясь не обращать внимания на то, как ее сердце затрепетало при виде его высокой фигуры. — Я не собираюсь отказываться от своего приза.

Сомерхарт пробормотал что-то, от чего глаза Ланкастера расширились.

— Я отдаю вам победу, — закричал Кэнтри позади нее.

Герцог ступил на лед.

Эмма продвинулась вперед, подбираясь к полоске белого прочного льда, который маячил впереди. Треск и брызги говорили ей, что нога герцога уже проломила лед. Она старалась сдержать улыбку, слыша его ворчание.

— Пусть я и женщина, джентльмены, но имею чувство собственного достоинства. Я не собираюсь уступать сейчас, хотя и понимаю, что лед слишком тонкий, чтобы выдержать мистера Кэнтри. — Она подвинулась вперед к более прочному участку и поднялась на ноги, надеясь, что ноги выдержат ее. Новая боль присоединилась к страху, на этот раз более резкая, и Эмма сделала осторожный шаг, затем другой... В течение двух минут она приблизилась к противоположному берегу и толпе любопытных, которые собрались там.

Молодые люди дружески похлопывали ее по спине, хотя две юные дамы, стоявшие поодаль, презрительно поджали губы. Пусть думают что хотят, говорила про себя Эмма, я стала богаче на пятьдесят фунтов. Внезапно наступившая тишина дала ей время изобразить улыбку.

— Ваша светлость, — пробормотала она, когда герцог возник перед ней.

— Вы не поранились?

— О нет, благодарю.

— Леди Денмор, — перебил Ланкастер, — ваш плащ.

— Я не ожидал, что вы одобряете подобные вещи, Ланкастер.

Виконт обернул плащом ее плечи и незаметно усмехнулся в ответ на упрек Сомерхарта, глядя Эмме в глаза. Она подавила нервный смешок, встретив его взгляд.

— Я не использовал бы слово «одобряете». Леди очень решительная особа.

— Решительная, — пророкотал Сомерхарт. — Решительная, когда рискует собственной жизнью ради нескольких фунтов.

Ланкастер отошел в сторону. Разговоры в толпе затихли, и все головы повернулись к Сомерхарту.

Кровь бросилась Эмме в лицо, но она заставила себя улыбнуться. Он нахмурился и что-то вспомнил, потому что его лицо тоже покраснело.

— И где же мой выигрыш, джентльмены?

Кэнтри подошел с деньгами в руке.

— Я восхищен вашей храбростью, мадам, — сказал он с поклоном, смущенно улыбаясь.

Эмма тоже склонила голову в поклоне, затем чуть повела плечами, отворачиваясь от Сомерхарта и его голубых глаз.

— Небольшое развлечение, а день еще только начался... Спасибо, мистер Кэнтри, что приняли мое предложение. Приятно было познакомиться с вами, лорд Ланкастер.

Сомерхарт подошел ближе, его пальцы сомкнулись на ее локте.

— Позвольте мне проводить вас.

Эмма стиснула зубы и почувствовала, как маска веселья исчезла с ее лица. Она не смогла сдержать смешок, когда взглянула на его руку на своем рукаве. В ответ он разжал пальцы. Легкий шепот раздался в толпе.

— Виконт? Мне кажется, мои юбки намокли. Вы не проводите меня в холл?

— Вы окажете мне честь, мадам. — Ланкастер подал ей руку.

Харт наблюдал, как леди Денмор ускользнула от него во второй раз за эти несколько дней. В прошлый раз он, правда, не оскорблял ее в глазах ее поклонников.

— Что ж, я сказал бы, счастливой охоты, ваша светлость.

Сжав скулы, он обратил взгляд к юному молокососу, который сказал это.

— Что? Что вы сказали?

— Хм-м... — Взгляд юноши упал на снег на ногах Харта. — Ничего, сэр.

Он скользнул глазами по группе людей, отметив многозначительные взгляды, которыми

они обменялись. Чудесно. Он дал им повод, и теперь им будет о чем поговорить на ленче. Не желая того, он был груб с Эммой. Он не заметил боли в ее глазах. Она вспыхнула.

И, играя злодея, он тем самым предоставил Ланкастеру роль спасителя. Ланкастер — этот кареглазый, золотоволосый баловень судьбы — воспользовался случаем проявить благородство.

Харт скрестил руки на груди и, спрятав свой гнев за холодным неприятием, окинул взглядом группу мужчин. Молодые люди, поняв намек, потянулись за остальными гостями назад к дому. Женщины уже удалились, без сомнения, торопясь обсудить детали возмутительного поступка леди Денмор и вызывающе неуважительного поведения герцога Сомерхарта. А он просто стоял на холоде, наблюдая, как под ярким солнцем его дыхание конденсируется в облачко пара.

Слава Богу, что его осенило пойти к пруду, чтобы попрощаться с леди Денмор. И когда он увидел, как она скользит по льду, подобно веселому безумцу... И когда она упала, когда ее лицо исказилось гримасой боли, он ощутил такой сильный прилив жалости, что почти растерялся. Почему он так волновался за нее? Он не мог объяснить.

Покачав головой, Харт попытался выбросить мучительные мысли из головы и направился к дому с единственной целью — уехать. Но его взгляд привлекло нечто необычное... шокирующее. Он прищурился, рассматривая снег в шаге от него. Четыре пятна крови выделялись на белоснежном покрове. Пока он наблюдал, красный цвет постепенно светлел, становясь розовым...

Кровь. Несомненно, кровь. Он стал тщательнее осматривать снег и заметил пару капель крови на тропинке, по которой леди Денмор шла к дому. Эта забава, оказалось, имела последствия — вероятно, она порезала ногу о лед. Господи!

Харт ходил у двери взад и вперед, пока не заметил Ланкастера, выходявшего из холла. Не обращая внимания на прилив раздражения, он взбежал по ступеням и решительно направился в коридор, где располагались комнаты для гостей. Приоткрыв одну из дверей, он столкнулся лицом к лицу с молоденькой горничной. Она ахнула, увидев герцога.

— Будьте добры, укажите мне комнату леди Денмор.

— О-о... — Ее голубые глаза медленно моргали, видимо, бедняжка остолбенела от удивления. — Третья дверь слева по коридору.

— Пожалуйста, принесите горячей воды и полотенце в ее комнату.

Девушка пришла в себя и провожала его любопытным взглядом, когда он, повернувшись, пошел дальше по коридору и постучал в дверь.

— Входите, — раздался мелодичный голос, едва он успел опустить руку. Харт распахнул дверь. — Если вы... — Слова повисли в воздухе, и она быстрым движением поправила юбки, но Харт успел заметить длинную рану, тянущуюся от середины икры к колену.

Он с ужасом смотрел на ее запачканный кровью ботинок и скомканные шелковые чулки, валявшиеся на полу.

— Девушка принесет мыло и воду.

— Зачем вы пришли? — запинаясь, проговорила она.

— Я увидел на снегу кровь. И хотел убедиться, что с вами все в порядке.

Харт закрыл за собой дверь и неожиданно опустился на колени у ее ног.

Она отодвинулась от него.

— Как вы видите, ничего страшного.

— Напротив, ничего хорошего.

— Просто царапина. И оставьте свое мнение при себе.

Он едва не рассмеялся, услышав этот вызывающий тон. Он был убежден, что никто никогда не посмел бы так разговаривать с ним. За исключением его отца, конечно, но тот давно умер.

— Это выглядит совсем не как царапина. И возможно, придется наложить швы.

— Вряд ли. Пожалуйста, уходите.

Харт немножко отступил назад, пораженный твердостью ее интонации. Ее ореховые глаза встретились с его взглядом.

— Я прошу извинить меня, леди Денмор, за мои предыдущие слова.

— Прекрасно. А теперь уходите.

— Я вернулся, когда увидел, что вы в опасности.

— Не знаю, что вы там увидели, ваша светлость. Мы едва знакомы. И я не имею никакого желания быть причисленной к списку ваших любовниц, поэтому, пожалуйста, оставьте мою комнату.

— Я понимаю. — Харт встал, движение было вызвано злостью. — Простите, что беспокоил вас.

— Извиняетесь за то, что пришли убедиться, что со мной ничего не случилось? Только потому, что я не пожелала оказаться в вашей постели?

Он заморгал, поражаясь ее логике.

— Нет, я...

— Ее усмешка была способна растопить любую неловкость, которую он ощущал.

— Всего доброго, леди Денмор.

Кивок, которым она удостоила его, скорее был просто рывком головы.

Харт смотрел на нее сверху. Она сидела прямо, вцепившись в кровать. Он посмотрел на ее руки. Одна вцепилась в спинку кровати, другая придерживала юбки. Костяшки обеих рук побелели от напряжения. И ее скулы двигались вверх и вниз, потому что она изо всей силы стиснула зубы.

Он почувствовал, как и его скулы напряглись, и вздохнул. Вполне возможно, что он раздражает ее, но ее злость вряд ли связана с ним, скорее с той болью, которую она испытывает. Стук в дверь спас их от дальнейшего спора.

Открыв дверь, горничная снова взглянула на него с любопытством. И Харт, достав из кармана монету, сунул ей, когда она поставила таз с водой и положила полотенце.

— Можно, я еще беспокою вас? Нам нужны еще бинты и мазь. Если что-то подобное есть у вас под рукой, то, пожалуйста...

— Конечно, сэр, — прошептала горничная, закрывая дверь.

Леди Денмор подняла на него глаза.

— Я думала, вы ушли.

Он пожал плечами и опустился на колени у ее ног, как проситель, подставляющий себя под ее острый язык. Прежде чем она снова открыла рот, чтобы возразить, Харт поднял ее юбки на колени. Его ладонь удерживала их, несмотря на ее возражения и попытки воспротивиться.

— Я не приглашала вас сюда, чтобы задирать мои юбки.

Харт смотрел вниз, избегая ее глаз, и поморщился при виде кровавой раны на ноге. Прекрасной ноге, стройной и длинной.

— Я сделаю это сама! — вскрикнула она, когда он опустил полотенце в таз с водой. —

О-о-о...

— Извините. Будет немножко щипать.

— Немножко!

Дыхание вырывалось из ее плотно сжатых губ, пока он осторожно промывал рану, заставляя ее вздрагивать снова и снова. Когда он увидел, как слезы блеснули в ее глазах, то почти примирился с ее требованием оставить ее одну, просто хотел сунуть полотенце ей в руки и уйти, но он не был трусом. И когда она закрыла глаза и прилегла на постель, он и сам чуть-чуть успокоился.

Стараясь не обращать внимания на то, как дрожат ее руки, он осторожно промывал рану, пытаясь не причинять ей боли.

— Боюсь, останется шрам.

Надув щеки, она шумно выдохнула и рассмеялась.

— Тогда лучше сдать меня в архив. Теперь я буду совершенно ни на что не пригодна.

Хитрая девчонка.

— Действительно, кому вы теперь нужны? Можете запереться в четырех стенах. — Сначала он смыл кровь вокруг раны, и теперь оставалась наиболее болезненная часть. Ее грудь поднималась и опускалась в постоянном ритме. Лучше пожалеть и не дразнить ее больше. — Я последнее время обнаруживаю, что меня окружают сплошь непригодные женщины. К чему бы это?

— Наверное, это не самая загадочная история в мире. — Она напряглась, когда мокрое полотенце прикоснулось к ране, но его жертвенность была вознаграждена, когда она продолжила: — Вы повеса.

— Я не согласен. — Когда он прикоснулся к особенно болезненному месту, она заскулила и сжала в кулаке желтое бархатное покрывало. — Простите.

— Как... почему вы не согласны? Вы же распутник. Любитель женщин. И я думаю, вы провели большую часть своей молодости, совершенствуя свой вкус.

— Вы сказали — вкус? Хм-м, интересно...

Она подняла голову и растерянно заморгала, поняв, что сказала некую двусмысленность.

— Я не имела в виду... просто я хотела сказать, что вы провели лучшие годы... О Господи. Вы скоро закончите? Это не очень-то приятно. — Ее лицо снова скривилось.

Наконец он закончил и посмотрел на кровь, сочившуюся из ее икры. Он не обманывал ее, говоря о возможном шраме, но ее, казалось, не заботило это. Странная девушка.

— Горничная принесет бинты, — сказал он и услышал, как зашуршало покрывало, когда она кивнула.

Боль в ране усилилась. Она оставила свои нападki и просто лежала на постели. Странная неловкость сковала его, когда он сел и посмотрел на голые ноги женщины, которая ничего не хотела от него. Ее розовые пальчики согнулись, привлекая его внимание. И он заметил, что ее нога немного дрожит от боли и холода. Погладив ее стопу, он помассировал ее пальцы. Потом поднял ее ногу и, расстегнув жилет, прижал ее ступню к своему животу, чтобы согреть ее. Когда она коснулась его рубашки, что-то заискрилось внизу живота, и ее легкий вздох показался ему глубоким стоном.

— Вы... — Он прочистил вдруг осипшее горло. — Вас преследуют кредиторы, леди Денмор?

— Нет, насколько я знаю. Разве кто-то стоит у моих дверей? — Ее пальцы снова зашевелились. Харт провел рукой по ее стопе и лодыжке, чувствуя гусиную кожу под своей ладонью. Прежде этого не было.

Он покачал головой.

— Вы рисковали из-за нескольких фунтов. Разве ваш покойный муж не обеспечил вас? — И снова волна холода. — Я не могу понять, зачем вы сделали это?

— Неужели? К тому же это вас не касается.

Харт улыбнулся, не обращая внимания на ее пренебрежительный тон. Ее тело между тем так или иначе, но отвечало на его прикосновения. Он погладил большим пальцем ее икру и сделал несколько маленьких кругов по узкой маленькой ступне. Аккуратные розовые пальчики послушно задвигались, а ее колено чуть отклонилось в сторону. Воображение Харта тут же разыгралось не на шутку, и серия умопомрачительных, захватывающих видений возникла перед его мысленным взором. Она еще больше отклонила колено, и теперь он мог видеть нежную кожу на внутренней стороне ее бедра. Его бедра могли прекрасно вписаться в развилку ее бедер; кожа была такой белой, словно ее никогда не касались лучи солнца.

Харт вздохнул. У него была душа распутника, но его сознание было неотъемлемо связано с такими понятиями, как гордость и чувство ответственности. Ему было уже не двадцать. И хотя он думал, что она утонченная, она не была полностью таковой. И была лишена осмотрительности. Ему уже пришлось краснеть за них обоих.

Он в последний раз потер ее ногу, затем опустил ее на пол.

— Я должен поискать вашу горничную.

— Спасибо, — сказала она с таким выражением, словно была шокирована этим. Она потерла ступню о пушистый ковер, и не успел Харт уйти, как открылась дверь.

Горничная влетела в комнату, ее светлые пряди выбивались из-под наколки.

— Простите, милорд! Там было...

— Чудесно. — Он взял бинты и маленькую коричневую баночку из ее рук. — Благодарю.

— Да, сэр, — ахнула она, снова и снова приседая в реверансе, пока он закрывал дверь.

Леди Денмор приподнялась, опираясь на локти и следя за ним с улыбкой.

— Я готова поверить, что вы скрытый покоритель сердец. Ай-ай-ай... Такая почтительность.

— Вам не грозит конкуренция, леди Денмор.

Она громко рассмеялась.

Теперь это был тот самый резкий смех, который он уже слышал раньше.

— Вы правы, — проговорила она. — Абсолютно.

Женщины никогда не смеялись над ним.

— Вы напоминаете мне мою сестру.

Изумление погасло в ее мерцающих глазах.

— Меня это не удивляет.

— Что вы хотите сказать? — Он снова опустился перед ней на колени и поднял юбки, которыми она старательно прикрыла ноги. Нижние юбки были испачканы темными пятнами крови. — Вы ведь не знакомы с Александрой?

— Не знакома. Но я слышала... что она... очень необычная.

— Да, — с некоторой долей осторожности произнес он. Нанес на кусочек бинта немного мази и приложил к ране на ее ноге. — Она такая.

Он ждал, что она заскулит от боли или хотя бы охнет, но вместо этого ее мышцы расслабились.

— О, это не так уж плохо. Спасибо.

— Я рад.

— Я воображаю, что ваша сестра заключала уж точно не одно рискованное пари в своей жизни. А может быть, и два.

— Хм-м... — Харт начал бинтовать ее икру, прикасаясь пальцами к бархатистой коже позади колена. До невозможности нежной. — Моя сестра, — продолжал он, — заключала пари на более существенные вещи, чем деньги. Ну вот, я забинтовал как сумел.

Она опустила юбки, прежде чем он успел убрать свои руки. Так уж вышло, что из-за ее скромности Харт так и остался с руками под ее юбками. Куда более интригующая картина, чем ее ноги. Он позволил бы своим пальцам потянуться дальше, но она ударила бы его по рукам.

— Что ж, тогда все. — Он поднялся с поклоном. — И стоило это пятидесяти фунтов?

— Терпеть ваше высокомерие? Нет. Конечно.

Он вздохнул, удивленный тем, что раздражение как рукой сняло.

— Тогда мне остается пожалеть вас и оставить упражняться в остроумии. Так?

— Благодарю, ваша светлость.

Он сам не мог понять, почему ему хотелось остаться, это и вправду было смешно. Он резко повернулся и направился к двери. Она не скрывала своего раздражения. Но зачем давать ей повод съязвить в его адрес еще раз? Или зимняя скука свела его с ума? Или это постоянная скука? Слишком много денег, слишком много власти, слишком много разговоров о том, кто и когда побывал в его постели. И слишком много одиночества.

— Бесс! — крикнула Эмма, захлопнув за собой дверь, как только услышала звук отъехавшей кареты Мейдертона. Ее спина заныла, когда она нагнулась, чтобы справиться с замком своего дорожного сундука. Она очень поздно легла вчера и после долгого путешествия из Уэмбли, поместья Мейдертона, спина просто разламывалась, но она должна была продолжить работу.

Бесс спешила на зов, на ходу вытирая руки о передник.

— Помоги мне отнести это назад. Я еду к Моултерам менее чем через неделю. Если покрасить, едва ли высохнет.

Эмма собрала целый ворох платьев, с трудом удерживая их. Когда она повернулась, чтобы идти на кухню, Бесс подняла синее платье.

— А что с этим?

— Слишком темное. В любом случае если я и надену его еще раз, то потом его надо выбросить. Если мы не сможем переделать его, я обменяю его на другое.

Бесс кивнула и пошла следом за госпожой, держа остальные платья.

— Я думаю, если мы поменяем лиф на этом сером, будет правильно. Юбка не бросается в глаза, да и цвет незапоминающийся.

— Да. Я согласна.

— У нас есть индиго? Платье очень изменится, если покрасить в цвет индиго.

— Да, мэм.

Эмма спрятала улыбку в ворохе шелка и атласа. Бесс была очень работающая, неприязнительная и неболтливая. И ее не волновало ни капельки то, что ее госпожа доведена до бедности. Бесс была рада уйти от своего мужа куда угодно. Хотя была прекрасной хозяйкой для этого негодяя.

Эмма бросила груды платьев на кухонный стол и подождала, пока Бесс сделает то же самое. Затем ее экономка прошла к печи и взяла огромный чан для воды. Эмма проверяла каждую вещь.

— Вот это я надевала всего один раз, — проговорила она и отложила темно-зеленое платье в сторону. — Но в лиловом Осборны уже дважды видели меня. Я думаю, если добавить индиго, получится хороший оттенок.

— Я отложу в сторонку серое, мэм, пока мы ждем, когда вскипит вода.

— Спасибо, Бесс. Дай мне минутку переодеться во что-то более подходящее, и я помогу тебе. По крайней мере я не испорчу то, что на мне.

Бесс была к тому же отличной швеей, что было очень кстати, так как Эмма за свою жизнь не сделала ни одного правильного стежка, но она не могла позволить себе просто взять и выкинуть платье. Поэтому Бесс была для нее бесценным помощником. Эмма благодарила судьбу за то, что Бесс наконец решила оставить мужа именно в тот момент, когда почтовый дилижанс, в котором Эмма ехала в Лондон, проезжал мимо ее маленького домика. Как только женщина села в карету, ее глаза потемнели, а рот сложился в жесткую линию. Исподволь разглядывая ее, Эмма пыталась угадать, что стоит за непроницаемой маской ее новой попутчицы. «Это женщина, которой нужно начать новую жизнь еще больше, чем мне», — думала она. И когда она предложила Бесс стать ее экономкой, та с готовностью согласилась.

— Я буду рядом столько, сколько вы намерены жить в Лондоне.

Оставалось только два месяца до того, как закончится срок аренды городского дома. Эмма не могла позволить себе долгосрочного пребывания в столице, а лондонский сезон — активный сезон балов, охоты и прочих светских развлечений — вовсе не интересовал ее. То есть у нее есть еще два месяца, затем она уедет навсегда.

Она закончила сортировать платья, когда раздался стук в кухонную дверь.

— Я открою, — сказала Эмма, видя, что Бесс хочет прервать работу. Она открыла дверь, перед ней в темной передней стоял тощий невысокий парнишка.

Враждебно нахмутив брови, он оглядел ее с ног до головы.

— Вы кто? — спросил он.

Эмма с любопытством смотрела на гостя.

— Что тебе нужно?

— У меня есть информация, которая может представлять для вас интерес.

— Правда? — Он выглядел довольно-таки сомнительно. Одежда потрепанная, лицо неумытое.

— Один человек интересуется вашей госпожой. Он хочет знать, кто живет здесь, ну, и все такое...

Эмма подавила тревогу.

Этот мальчик так же похож на интригана, как она на восточного шейха, он только и может, что ходить по домам и приставать к людям со своими глупостями.

— Почему это должно интересовать меня?

Он пожал плечами:

— Может, и нет...

Что ж. Он симпатичный и не очень настырный. В его глазах внезапно заблестела влага.

— Вы не верите мне, и правильно... Но он говорил, что вы приехали полтора месяца назад. Так и было?

Эмма кивнула:

— Да, это так. Но ты можешь знать это, если живешь рядом.

— Я живу, — он приподнял подбородок, — на углу улицы. Но я не знал, что вы приехали из Чешира.

Кровь отлила от ее лица, и щеки побледнели. А воздух внезапно стал холодным как лед.

В глазах мальчика промелькнула другая догадка.

— Вот что он сказал: «Узнай, действительно ли они приехали из Чешира».

«Ох, Господи. Мэтью». Она боялась, что он станет преследовать ее. Он может разрушить все, помешать ей достигнуть намеченной цели. Эмма старалась собраться с мыслями.

— И что ты сказал этому человеку?

— Я взял у него пенни и пообещал, что разузнаю.

— И поэтому ты пришел? Разузнать?

— М-м-может, и так. — Он вдруг улыбнулся, открывая ровные белые зубы. — Он не очень-то хорошо выглядел. Я подумал, а не попытать ли счастья. Один пенни не изменит мою жизнь или жизнь моей матушки.

Эмма кивнула. Он был честен относительно своих планов, по крайней мере больше, чем она сама.

— Как тебя зовут?

— Слимп.

— Слимп?

Он пожал плечами в ответ на ее вопрос.

— Что ж, Слимп. Пенни сейчас и пенни потом, после того как ты снова поговоришь с ним.

— Шиллинг. Издержки на обратный путь.

— Шиллинг? — Она посмотрела на него сверху вниз. Ну, по крайней мере он не босой. Башмаки начищены до блеска, что говорит о заработной плате. Черные башмаки. Он не был нищим. — Прекрасно. Шиллинг, но только тогда, когда ты сделаешь то, что я попрошу.

Он улыбнулся. И эта улыбка выдала его намерение ускользнуть с ее деньгами, стоит ей только замешкаться.

— Хорошо.

— А теперь расскажи мне подробнее об этом человеке.

Эмма провела рукой по юбке темно-синего платья. Если бы здесь были леди, которые беспокоятся о подобных вещах, они, вероятно, подумали бы о ее старомодности или по крайней мере о ее явной бедности, не позволяющей ей приобрести платье получше. Правда заключалась в том, что она вообще не могла позволить себе новое платье, разве что купить что-то уже бывшее в употреблении, затем покрасить и переделать, прежде чем оно окажется в ее гардеробе. Это не приводило ее в отчаяние, как, впрочем, и ее карточная игра, которая скорее была работой, а не забавой или проявлением эксцентричности характера.

— Прелестная леди Денмор, — послышался мужской голос за ее спиной.

Эмма оглянулась через плечо и увидела лорда Марша, плотоядно посматривающего на нее. Она подавила желание поморщиться от отвращения.

— Лорд Марш, — приветствовала она его.

— Я надеюсь, вы посетите мою скромную вечеринку.

— Я рада, что пришла. И с удовольствием сыграю с вашими гостями.

— Именно это я имел в виду. И заранее предвкушаю удовольствие.

— Мм... — Она притворилась, что не замечает, как он флиртует с ней, хотя не могла не видеть, как он облизывает губы, когда смотрит на нее.

— Позвольте мне показать вам мой дом.

Не в состоянии сообразить, как повежливее выпутаться из щекотливого положения, Эмма приняла предложение. Опершись на руку Марша, она последовала с ним на второй этаж особняка. Несколько джентльменов провожали ее взглядами, пока они проходили мимо, но Марш не остановился, чтобы представить их. Эта вечеринка не отличалась особой респектабельностью, и Эмма не заметила, чтобы кто-то знал о ее семейном положении. Но вдовы пользовались большей свободой, чем невинные девушки, и присутствие нескольких дам полусвета едва ли могло шокировать ее.

Напряжение не оставляло ее, когда лорд Марш провел ее в первую комнату и остановился.

— Пикет, — объявил он.

Это была просто обычная вечеринка, леди и джентльмены пришли, чтобы поиграть в карты. Ничего похожего на «карточные» вечеринки ее отца, где вместо карт можно было увидеть мужчину и женщину, лежащих на столе в весьма фривольных позах.

— Но пикет не ваша игра, не так ли? — полюбопытствовал Марш.

— Почему же? Я играю в пикет, но это действительно не моя любимая игра.

— Слишком простая для вас, я думаю. Вы любите нечто более изощренное.

Эмма быстро взглянула на него, давая понять, что он слишком далеко зашел, но он лишь невинно улыбнулся в ответ.

— Пойдемте в следующую комнату. — Так они прошли шесть комнат, каждая из которых выявляла скрытые намерения лорда Марша, а Эмма делала вид, что не замечает этого.

— Спасибо за экскурсию, милорд. Теперь вы можете оставить меня.

К сожалению, лорд Марш оказался непослушным. Он помахал рукой, когда она повернулась и направилась во вторую комнату, которую видела, когда они совершали тур по особняку. Лакей стоял во всеоружии с виски и шампанским. Эмма взяла виски, но передумала и поставила назад, так как решила играть.

Ни одна женщина не принимала участия в игре, хотя несколько дам стояли вокруг стола за спинами игроков. Внизу, у лестницы, Эмма видела даму, которую узнала, но женщины, собравшиеся в этой комнате, были скорее всего сомнительного поведения или просто обычные шлюхи. Что ж, они утешат мужчин, когда Эмма обчистит их.

— Леди Денмор? — Знакомый голос остановил ее, когда она подошла к ближайшему столу.

Эмма повернулась и увидела герцога Сомерхарта. Его неожиданное присутствие заставило ее кровь бежать быстрее.

Голубые глаза оглядели ее с ног до головы. Когда она снова встретилась с ним взглядом, он поморщился.

— Что вы здесь делаете?

— Что? Играю, конечно. Что еще я могу делать?

— Ничего, хотел бы я сказать.

— Совершенно верно, ваша светлость. Рада снова видеть вас. Это так замечательно!

За исключением того, что ему это вовсе не казалось замечательным. Когда она отвернулась, Сомерхарт взял ее за локоть, и тепло разлилось по ее телу. Несносный человек. Он мог быть грубым, когда хотел, и его руки были горячими и сильными. Она до сих пор помнила его большой палец на самых чувствительных местах своей стопы и лодыжки...

— Что-то не так? — спросила Эмма.

— Да. Честно говоря, я крайне изумлен. Видеть вас здесь?..

— Но вы ведь тоже здесь?

— Я не юная девушка из предместья.

Она рассмеялась, скрывая раздражение. О да, она была невинна и наивна.

— Сомерхарт, я не юная мисс, только что прибывшая из загородного поместья. Я вдова и вольна делать то, что хочу. И уверена, что именно это привлекло ваше внимание к моей скромной персоне.

— Не совсем понимаю вас.

— Вдовы. Именно их вы предпочитаете, разве нет?

Он отпустил ее руку, и недовольная гримаса на его лице превратилась в усмешку.

— Не могу поверить, что слышу это, я думал, вы утонченная натура.

— Утонченная? Господи Боже мой, как глубоко вы заблуждаетесь.

Злость удержала его от желания остановить ее на этот раз, и Эмма прошла к свободному месту за столом, где играли в брэг. Она надеялась, что он уйдет прежде, чем она приступит к

игре, и поэтому даже не оглянулась. Она не доставит ему удовольствия, ни ему, ни гостям, собравшимся в этой в комнате и с интересом наблюдавшим за ней.

И она не позволит ему отвлечь ее от игры. Она начала играть и быстро выиграла триста фунтов, а затем так же быстро проиграла их. Один из игроков рассмеялся:

— Леди Денмор, вы рискуете. Сегодня явно не ваш день.

— Да, — вздохнула она и сделала новую ставку. Каждым нервом она чувствовала присутствие Сомерхарта в нескольких шагах от себя. Ощущала его взгляд на своей шее. Она сожалела, что ее волосы забраны наверх, что на ней платье с глубоким вырезом на спине. Но главное, сожалела о том, что думает о нем с таким волнением.

Она старалась сосредоточиться на игре. Ее партнеры расслабились и с радостью делали ставки, уверенные, что она потеряла игру. Когда же она выложила свои карты, раздался общий вздох.

— Да, рискую... — пробормотала она еле слышно, сгребая к себе столбики монет. Да, она рискованная, неутонченная и лгунья.

«Еще два месяца».

И часом позже она выиграла двести фунтов и испытывала тошноту, глядя на шлюх, окружавших ее, тех, чьи объемные груди, казалось, все время были в движении.

— Спокойной ночи, джентльмены.

Невидимые руки вытащили из-под нее стул, но она знала, чьи это руки. Сомерхарт не ушел, когда она начала играть. И ей только и оставалось, что терпеть его присутствие, мысленно воображая, как он стоит, наблюдая за игрой: рука упирается в спинку ее стула, рубашка расстегнута на груди, кончики пальцев скользят по ее шее, доставляя ей удовольствие... Но он не делал ничего подобного и, как всегда, выглядел строго и элегантно, когда она повернулась к нему. Его глаза горели. Он ждал, чтобы продолжить их спор?

Эмма проигнорировала его руку.

— Чего вы ждете, Сомерхарт? — бросила она через плечо, выходя из комнаты.

— Поговорить с вами.

— Зачем? Я, кажется, раздражаю вас, не прилагая к тому никаких усилий.

— Да.

— Тогда зачем вы домогаетесь меня? Вам так нравится страдать? Я не слышала, чтобы вы относились к числу людей, которые получают удовольствие, когда их отшлепают хорошенько или унижат.

— Пардон?

— И еще... — Она остановилась. — Вы настаиваете на более осмотрительном выборе партнеров.

— Вы действуете слишком необдуманно, — повторил он остерегающим тоном, но Эмма улыбнулась ему с балюстрады. Он мог сколько угодно пугать ее, но правда в том, что она развлекала его. — Надеюсь, вы понимаете, сколько мне лет? И вы говорите, что меня «отшлепают»?

— Да, я сказала это, но ведь вы поняли, что я имела в виду.

Он пробормотал что-то, но она не могла разобрать, что именно. И это заставило ее рассмеяться. Из того, что она слышала о герцоге, у нее сложилось впечатление, что он никогда не ворчал. И никогда не кричал. Но за те три раза, что она встречала его, он успел сделать и то и другое.

— Вы говорите вещи, которые удивляют меня, — сказал он, когда они вышли в

центральный холл особняка.

Эмма ответила ему широкой улыбкой.

— Разве я специально делаю это, чтобы удивлять вас?

— Я думаю потому, что это забавляет вас, — произнес он.

— И вас.

Сомерхарт, нахмурившись, смотрел на нее. Он смотрел, и Эмма почувствовала, что краснеет. Не от смущения — от удовольствия, что нравится этому незаурядному, привлекательному мужчине. Мужественные черты его лица особенно подчеркивались жесткой линией его рта и очертаниями скул и подбородка. Эмма не могла оторвать взгляда от его твердых снисходительных губ. Она подумала, что, если прикоснуться к его щеке, возможно, будет ощущение, что осязаешь каменную поверхность. Или же она ощутит намек на темную щетину и уколет руку?

— Где вы научились играть? — спросил он, прерывая затянувшееся молчание.

Эмма удивленно заморгала и постаралась собраться с мыслями.

— Лорд Денмор любил карты. Ничего общего с деньгами, я думаю. Он мог играть на пенни, даже на фасоль, то есть просто на интерес. Мы проводили вечера за карточным столом. Он говорил, что у меня талант.

— Но вы играете не потому, что у вас талант. И не играете на фасоль или мелочь.

— Мм... — Она задумалась и поискала глазами лакея. — Мой плащ, пожалуйста. И экипаж.

— Я отвезу вас.

— Нет необходимости. Пойдут разговоры.

— Разговоры уже идут. Весь Лондон только и делает, что обсуждает эту тему, не сомневаясь, что мы любовники.

Эмма чуть не задохнулась. Его голос обрел незнакомый тембр, когда он говорил это. Она услышала в нем нотку удовольствия. Ничего похожего на обычный сдержанный тон.

— Мы не любовники, — прошептала она. Он взял ее плащ и набросил ей на плечи. Руки снова и снова прикасались к ее шее, когда он завязывал ленты. Его пальцы стали неожиданно мягкими, а касания более чувственными. Ну конечно, как и подобает настоящему распутнику. Наверное, он был таким в юности, гедонистом, ищущим наслаждения в каждом темном закоулке. Дрожь пробежала по ее спине, и соски затвердели.

— Я не утонченная и не осмотрительная, — напомнила она ему.

— Разговоры уже начались, леди Денмор. И будут продолжаться, сделаем мы это или нет. Я устроил сцену у Мейдертонов, как вы сказали.

— И здесь, — удалось ей добавить, хотя все ее нутро дрожало.

— Да. И здесь.

На какой-то момент она задохнулась, но... не могла позволить себе это... Она не могла пустить этого мужчину в свою постель, несмотря на то что страшно хотела. Она действительно хотела его. Обнаженного полностью и возбужденного. Хотела позволить ему поэкспериментировать с ее неопытностью. Но может быть, он слишком привык командовать, чтобы позволить ей играть по ее собственным правилам. Может быть, он будет настаивать, чтобы она следовала его указаниям?

Эти мысли взволновали ее, и она приоткрыла рот, чтобы вздохнуть поглубже. Сомерхарт наклонился над ней.

— Я шокировал вас, леди Денмор?

— Вы... вы не нравитесь мне.

— Вы... интригуете.

— О, теперь я понимаю, как такому суровому джентльмену удалось соблазнить добрую половину женщин из его окружения. Напоминаю вам, что я не желаю присоединять свое имя к вашей коллекции.

Чувственность исчезла с его лица. Ушла из глаз, когда он выпрямился, передернув плечами.

— Ах да. Я забыл, что вы ужасная скромница.

Эмма стиснула зубы от злости. Жизнь проста для богатых мужчин. И все же вздохнула с облегчением: пусть лучше злость, чем возбуждение.

— Да, — сказала она, — я такая. И мне не понравится, если мне скажут: «Не раздвинете ли колени для герцога?» Возможно, кто-то сочтет это глупостью, но я так не считаю.

Она действительно снова удивила его. И его скулы теперь стали одного и того же цвета с его алым шейным платком.

— Пересматриваете свое предложение относительно кареты, ваша светлость?

— Нет, — отрезал он и, натянув пальто, поправил сбившиеся манжеты. — Несмотря на ваш вульгарный тон, предложение остается в силе.

— Как это благородно с вашей стороны!

Сомерхарт прошел к выходу и открыл перед ней дверь, опередив лакея. Бедняга выглядел так, словно вот-вот упадет в обморок от отчаяния.

— Прощу, — приказным тоном произнес Сомерхарт.

— Я не принимаю ваше предложение, — ответила она. — Мою репутацию слишком легко разрушить.

— О, ради Бога. Вы и так пользуетесь дурной славой, леди Денмор. Ваша неистовая страсть к игре и взбалмошное поведение... а вы в городе всего лишь месяц.

— Верно, но у меня никогда не было любовника, Сомерхарт, и никто не может осудить меня за это.

Его скулы прекратили дергаться, и глаза медленно проšliсь по ее фигуре, полные соблазнительного блеска, который она заметила несколько мгновений назад. «Никогда не было любовника». Он повторял про себя эти слова, она знала это. Она думала о том же. Если она согласится, он станет ее первым любовником. Этот мужчина, известный своим искусством. Он знал такие вещи... Она видела это по его глазам. Все, что касалось женского тела и того, как доставить наслаждение женщине.

Тепло его глаз сменилось жаром.

— Вы можете проводить меня до дома, — быстро сказала она, стараясь остудить желание, бурлившее в крови. — Это все, что вы можете сделать.

— Это звучит очень убедительно, — пробормотал он, придвигаясь ближе. Эмма ощутила чистый запах его белья, приятный аромат мыла. Она провела кончиками пальцев по его груди и оставила их там на секунду-другую. Она чувствовала, как бьется его сердце, как струится кровь, пульсируя в мускулах, согревая его кожу... затем оттолкнула его так резко, что он покачнулся.

— Что, ваша светлость? Ведете подсчет? Загибаете следующий палец? По крайней мере сделайте мне пустячный комплимент, прежде чем запихнуть в карету.

Сомерхарт выглядел так, словно хотел ударить ее, но чувство собственного достоинства не позволило ему. Он снова поправил манжеты пальто и бросил взгляд на лакея, который

невозмутимо смотрел куда-то в сторону.

— Да садитесь же вы в эту проклятую карету! — не выдержал он, и Эмма, спрятав улыбку, послушалась и пошла к экипажу. — Вы невозможны, — пророкотал он, последовав за ней. И добавил: — Дерзкая девчонка.

И, соглашаясь, Эмма не могла не рассмеяться.

Харт постучал в лакированную стенку кареты, стоя одной ногой на улице.

— Куда ехать? — спросил он леди Денмор, которая усаживалась на сиденье.

Была небольшая пауза, прежде чем она ответила:

— Белгрейвия.

Харт не выдал своего раздражения, он не мог позволить себе снизойти до такого. Но с его губ слетел легкий вздох удивления.

— Где в Белгрейвии?

Последовала еще более продолжительная пауза.

— Мальборо-роуд, 23.

Он смотрел на бледный овал ее лица в темном пространстве кареты. Мальборо-роуд. Тогда это не точно Белгрейвия — скорее, Челси. Или на границе. Харт говорил себе, что обязан проводить ее, что ему следует довезти ее и потом возвратиться к себе.

Если он останется с ней, то пойдут слухи о ее молниеносном падении, упрочив и без того легкомысленную славу и воскресив прошлые разговоры о нем. Разговоры, которые он старался забыть с годами. И леди Денмор будет и дальше изводить его, разжигая мысли об обольщении и подстрекая его двигаться дальше...

Но она жила в Челси, о Господи. На границе приличия. Небезопасное место, чтобы бросить женщину у дверей и пожелать ей всего хорошего. Но у него не было выбора.

Харт назвал кучеру улицу и номер дома, затем занял свое место. Карета качнулась от его веса, напоминая ему, что лодка жизни может преспокойно утонуть в глубоких водах. И вздох разочарования слетел с его губ.

Когда его глаза привыкли к полумраку кареты, он смог разглядеть ее руки в перчатках, лежавшие на темном плаще, а на бледном лице тонкую линию бровей. Эти брови скептически приподнялись.

Харт удержался от атаки и медленно погрузился в незнакомое ощущение: он не знал, как вести себя с этой с женщиной, оставшись с ней наедине в замкнутом мирке кареты. Она бесконечно раздражала его, будила в нем зверя, которого ему с таким трудом удалось утихомирить. Он обитал где-то на свободе, а она лишила его этого, воскресив прежний голод.

Вспоминая ее лодыжки, он ощутил возбуждение, и эти лодыжки сейчас были в нескольких дюймах от его собственных. Харт мог потянуться и легко снять с нее туфли. Зажать ее ноги между своих колен. Он мог исследовать их нежные изгибы. И трогать их, пока его рука не поднимется выше по ее икре... Сильные ноги. Мускулы деревенской девчонки, которые знали и лес, и пустоши, и холмы. Ее икры расслабятся, а ее бедра... О, ее бедра, напротив, станут напряженными от его прикосновений. Они задрожат... он хотел, чтобы они задрожали.

Он невольно сжал кулаки, сдерживая себя.

Так он никогда не выбирал любовницу. Никогда. Он никогда не выбирал женщину по ее лодыжкам. Он выбирал женщин, с которыми было легко. Просто. Женщин, которые были

счастливы уступить и сами хотели его так, что готовы были на все. Харт диктовал условия и заставлял женщин соглашаться с ним и только потом организовывал свидание. Все шло по деловому и вело к постели, и даже тогда... даже тогда он не терял головы и...

— Вы удивили меня, — сказала леди Денмор, чуть задыхаясь, словно она не хотела говорить, но не могла устоять.

Харт вздрогнул и ощутил, что вернулся в свое тело. Его новое тело. То, которое прежде никогда не взрывалось от фантазий ни с одной желанной женщиной.

— Простите?..

— Ваше предположение, что мы можем доставить удовольствие друг другу... Оно шокировало меня. Ваша репутация... — она чуть-чуть всплеснула руками, — смущает.

Харт откинулся на бархатные подушки сиденья. Он позволил своим глазам остановиться на ее юбках, снова вернувшись мыслями к ее проклятым лодыжкам.

— Вы распутник. Вы не влюблены и даже не пытаетесь притвориться влюбленным. Вы просто организуете связь. Все знают это. Я знаю это. Но... — Ее руки снова поднялись и тяжело опустились. — В юности вы были хуже, чем распутник. Безнравственный и погрязший в грехе. Вы посещали вечеринки... — Дыхание вырывалось из ее рта.

Харт подумал, что леди Денмор, возможно, тоже присутствовала на этих вечеринках... Но теперь она должна быть только с ним, только с ним.

— Вы пользуетесь дурной славой, Сомерхарт, но вы изменились. Осмотрительный герцог с холодным сердцем, постоянно контролирующийся себя. И все равно распутник. Как все это может сочетаться?

Его раздражение исчезло, и Харт почувствовал нечто схожее с паникой. Ему не нравилось это. Не нравилось, как она смотрит на него, что говорит.

— Ваши обвинения просто опровергнуть. Я не распутник.

— Но были.

— Я никогда не соблазнял невинных. Никогда не лгал, лежа в постели с женщиной.

— Да? Но вы делили постель с миссис Шарлотт Браун и ее невесткой в одно и то же время.

— Мне было тогда девятнадцать, — отрезал он, покраснев от своих собственных слов. Он чувствовал себя глупо. Она заставила его чувствовать себя глупо, и он готов был отдать многое, лишь бы не сознавать этого. Ее лодыжки могут отправляться ко всем чертям!

Она даже не была красавицей. Просто хорошенькая. Неприметная, за исключением этих пронзительных глаз и этого божественного голоса. И этих нежных розовых пальчиков и напряженных бедер.

Леди Денмор задумчиво пожевала губами.

— Это было...

— Зачем вы приняли мое предложение? — спросил Харт. — Вам явно не доставляет удовольствия моя компания, как, впрочем, и мне ваша. Может быть, чтобы наказать меня?

Она резко засмеялась, прерывая его:

— Возможно. Но вы привлекательный мужчина, Сомерхарт, и такой холодный и высокомерный. Признаюсь, мне нравится дразнить вас. И более того, вам нужно это. Никто, кроме меня, не осмелится на это.

— Да, они скорее будут оттачивать свое злословие на расстоянии.

Она чуть-чуть приподняла голову, и Харт хотел было отказаться от только что сказанных слов, но она снова прервала его.

— Это то, что вы хотите от меня? — спросила она. — Ждете, чтобы я говорила вам то, что думаю? Вы знаете, что все боятся вас. И я думаю, вам нравится, что каждый мужчина, каждая женщина дрожат при вашем приближении.

— Да.

— Ну вот. А я не дрожу.

«Я заставлю тебя дрожать», — подумал он. Когда она замерла, Харт понял, что сказал это вслух. И не пожалел об этом. Он мог бы заставить ее дрожать, и часто.

— Я уверена... — Она замолчала, глотая последующие слова, какие хотела произнести. — Я уверена, что можете. Не сомневаюсь, что вы познали много интересных вещей в юные годы. Но со мной это невозможно.

Его раздражение взорвалось в нем с новой силой после ее слов. Харт резко потянулся вперед, заставляя ее вздрогнуть.

— Почему? Вы стремитесь к тихому, спокойному замужеству? Потому что не преуспели, став уважаемой вдовой? — Ее губы изогнулись в усмешке. — Любой мужчина, — продолжал Харт, — который готов принять вашу безудержную страсть к игре, примет и несколько неблагоразумных поступков.

— Да? Как это благородно с его стороны.

— Я не понимаю вас.

— Тогда мы в одинаковом положении.

Харт рассмеялся, не очень удивившись, но он мог смеяться, или выпрыгнуть из кареты, или задушить ее. Он выбрал смех. Карета подъехала к углу, и Харт опустил окно, чтобы видеть аккуратный ряд домов, протянувшихся по Белгрейв-сквер.

— Вы уж извините, герцог, но я не могу принять ваше приглашение, а именно — разделить с вами постель. Я не могу.

— Почему? — Он почувствовал себя настоящим идиотом, который пытается безуспешно соблазнить даму.

— Если вас не заставляют упражняться в искусстве, навыки пропадают. Никто не осмеливался так говорить с вами. Я полагаю, никто не смел бросить вам вызов.

Харт вглядывался в полумрак кареты, чтобы поймать ее взгляд.

— Так вот оно что? Вызов?

Ее глаза расширились в тревоге.

— Нет.

— Хм-м... — Его мускулы немного расслабились. Он отклонился на спинку сиденья и отвернулся к окну.

— Нет, — повторила леди Денмор. — Это не вызов. Пожалуйста, не развертывайте против меня военную кампанию.

— Не тревожьтесь. — Жар нетерпения пробежал по его спине, приятно согревая кожу. Как давно он не чувствовал ничего подобного! — Я не армия захватчиков.

— Вы могли бы, — настаивала она.

Харт улыбнулся, глядя в окно.

— Район совсем никуда не годится. Мы подъехали к Мальборо-роуд.

Казалось, ее раздражение наполнило всю карету, и Харт мысленно вздохнул с удовольствием. Вызов. Его кровь забурлила.

— Да, — сказал он, как если бы она что-то спросила.

— Я не вызывала вас. Моя жизнь не игра, ваша светлость, и я не стала бы оценивать

отношения подобным образом. — Он заметил, что ее голос чуть-чуть дрожал. Да, дрожал.

Харт усмехнулся:

— Моя сестра сказала бы, что я высокомерная задница, а я считаю ее пугающе умной. — Он встретил взгляд широко открытых глаз леди Денмор. — Как и вас.

Она покачала головой.

— Вы будете на приеме у Моултеров?

— Нет, — сказала она.

— Конечно, будете. Три дня среди богатых аристократов, половина которых не умеют толком играть, но думают о себе иначе. Я непременно буду там.

Потеряв желание посмеяться над ним, она нервно покусывала нижнюю губу.

— Я не могу быть вашей любовницей.

— Хм-м...

— Вы напрасно надеетесь на это.

— Я ценю предупреждение, леди Денмор.

Она скрестила руки и задумалась, доставляя необыкновенное удовольствие Сомерхарту. Женщина была готова, вполне готова, и ему не пришлось совершать особых усилий. Он был груб и бесцеремонен, не только соблазнителен, и она была готова. Остатки мучившей его скуки улетели прочь, как легкий дымок.

Когда карета завернула за угол, Харт положил руку на сиденье и широко расставил пальцы, снова думая о бедрах леди Денмор. Темная тень, промелькнувшая за окном, внезапно нарушила ход его мыслей, и Харт прилип к стеклу, морщась от раздражения. Человек стоял на углу, съежившись от холода. Только его глаза были видны над воротником грубого серого пальто, и эти глаза наблюдали за ними, когда карета проехала мимо.

Вор, подумал Харт без особой тревоги. И его кучер, и лакей вооружены на случай встречи с уличными бродягами. Но тревога подняла свою голову, когда карета остановилась в дюжине ярдов от угла.

— Ну вот, приехали. Благодарю вас, — сказала леди Денмор, подтверждая, что они подъехали к ее дому. Задвижка щелкнула, и лакей распахнул дверь. Харт не стал ждать. Он выпрыгнул из кареты, удивив слугу и, без сомнения, леди Денмор. Но он был вознагражден, заметив мужчину на углу, который быстро скрылся в темноте. Харт направился за ним, чтобы узнать, кто это, хотя и понимал, что не должен делать это.

— Что вы делаете? — послышался ее голос.

— Вор. Он как раз на углу.

— Откуда вы знаете, что это вор? Возможно, это наш местный чистильщик сапог. Он шляется здесь в любое время.

— Он ростом в шесть футов?

— Но...

— Он стоял прямо здесь, около вашего дома. Вы должны быть осторожны. Он, вероятно, уже узнал, что вы выезжаете одна.

— Да, я... — Она огляделась вокруг, глаза перебегали от тени к тени. Харт внезапно почувствовал злость. Она не должна жить здесь, в чужом городе, в этом довольно-таки новом районе, не претендующем на респектабельность. Ее должен сопровождать повсюду слуга, и ей не следует возвращаться домой одной посреди ночи.

— Вы... — начал он, но она повернулась и поспешила к ступенькам.

— Не беспокойтесь, ваша светлость. Мне достаточно одного этого слова, я понимаю,

что вы хотите сказать. Я не богата и не замужем, поэтому, что бы вы ни сказали, это бесполезно. Это место, которое я принимаю, жизнь, которую я могу вести. Доброй ночи.

Достав ключ из кармана юбки, она поднялась по ступенькам и сама открыла дверь. Харт с изумлением наблюдал, как простая серая дверь затворилась за ней с громким стуком. И леди Денмор исчезла.

Харт не мог бы сказать, сколько он простоял так, хмурясь и размышляя, но его кучер наконец не выдержал и кашлянул.

— Правильно, — буркнул Харт и шагнул к карете. — Поезжай вокруг квартала несколько раз, Ларк. И поглядывай по сторонам. Я хочу убедиться, что мы прогнали этого бродягу отсюда.

А он и леди Денмор обсудят ситуацию со всех сторон, когда встретятся в поместье Моултеров. После того как ему удастся наконец-то соблазнить ее.

Записка лежала на столе в гостиной, выделяясь на темном полированном дереве. Эмма не знала, что и думать об этом, но она была благодарна за предложенное развлечение. Поездка по парку с красивым виконтом Ланкастером прогнала ее страхи в течение нескольких минут. И в случае удачного развития этих отношений ей удалось бы наконец-то досадить Сомерхарту.

— Если этот Слимп появится, — сказала Эмма, — пожалуйста, заставь его вернуться. Скажи, что я сама хочу поговорить с ним.

Бесс пробормотала что-то из холла, давая понять, что непременно сделает так, как просит госпожа. И Эмма сосредоточила внимание на плаще, который она ремонтировала. Капюшон был оторочен дешевым мехом, уже порядком истрепавшимся, но Бесс нашла на рынке прекрасную полоску меха, и теперь оставалось только пришить ее на место старой. Работа требовала пусть маленького, но опыта. Так что задача, которая стояла перед Эммой, была нелегкой. А все ее мысли, как назло, возвращались к мужчине, прятавшемуся на углу ночью, и к той опасности, которую он представлял.

Слимп сказал, что пославший его человек был пожилым мужчиной и далеко не джентльменом. И заверил ее, что уговорит его уйти, если встретит.

Но если этот шпион был действительно пожилой... Что ж, Мэтью был не глуп, его отец магистрат, и он мог просто заплатить какому-то бандиту, чтобы тот следил за ней. Она подумала о деликатной внешности Мэтью, его худощавой, стройной фигуре... Нет, он не стал бы слоняться по лондонским улицам, рискуя жизнью, если можно просто нанять кого-то за деньги.

Наемный бродяга мог исчезнуть или уйти, хотя этот, казалось, решил остаться. Или, может быть, Сомерхарт прав? И это просто обыкновенный вор?

Эмма вздохнула, оборвала нить и подняла шерстяной плащ с колен. Он выглядел вполне прилично, но и это не улучшило ее настроения. Она устала от этого района, от этого холодного дома, который постоянно напоминал ей о ее бедности. Большинство комнат были пусты, и ни одна не обставлена как подобает — всего лишь несколько случайных предметов мебели. Может быть, ей стоило поселиться в отеле, но хозяин отеля уговорил ее снять этот дом, который предположительно должен был пустовать до марта.

Сомерхарт думал, что она живет на грани между респектабельностью и бедностью, но не знал почему. Она сейчас, как никогда, была близка к краю. После смерти матери их родовой дом превратился в персональную арену для развлечений ее отца, а Эмму и ее брата по большей части опекали его подружки. Дом перестал быть родным, это была просто крыша над головой. А она хотела иметь свой собственный дом, нуждалась в нем, и для осуществления этой мечты ей нужно было иметь не меньше чем две тысячи фунтов.

Вечеринка у Моултеров состоится через три дня. Три дня. И Эмма уже чувствовала, как монеты согревают ее пальцы. Но не деньги были причиной ее волнения. Сомерхарт, этот негодник, угадал сразу два самых уязвимых ее места. Игра и вождение. Он не мог знать, но он знал. И та злость, которая рождалась в ней, несомненно, передавалась и ему.

После той ночи в карете она много думала о нем. Представляла, что он делает с ней такие вещи, которые она видела, подглядывая за мужчинами и женщинами на вечеринках отца. Она выросла в обстановке разврата и вседозволенности и сейчас хотела испытать

это сама. Но не сможет.

Она не сможет.

Эмма задрожала и бросила взгляд на затухающий огонь в камине. Она уйдет через полчаса. Нет смысла тратить дорогой уголь и обогревать пустую комнату, поэтому Эмма набросила плащ на плечи и снова уселась на стул в ожидании, пока появится лорд Ланкастер.

— Ну и как, вам удалось улучшить свое положение, леди Денмор? Я имею в виду ваши рискованные затеи.

Она улыбнулась, заметив искорки в карих глазах Ланкастера.

— Даже не знаю, что сказать, сэр. Я думаю, именно этим и объясняется моя привлекательность в обществе.

— Нет, вовсе нет, — запротестовал он, хотя не мог сохранить строгое лицо.

— Я была удивлена, получив ваше приглашение.

— Удивлены?

— Да, очень приятно удивлена. Вы были так галантны в тот день, когда я выиграла пари у вашего брата.

— Вы заслужили это. Мой младший брат слишком высокомерен, впрочем, как все молодые люди. Слишком много мнит о себе.

— А вы старше и мудрее.

Он поблагодарил ее широкой улыбкой.

— Я становлюсь мудрее, чувствуя ответственность перед своей семьей.

Эмма с симпатией посмотрела на него.

— Да. Я слышала, вы собираетесь жениться на богатой наследнице.

Ланкастер нахмурился, прежде чем громко рассмеяться. Лошади в раздражении задвигали ушами.

— Это правда, хотя я не знал, что это всем известно. — Когда смех растаял, на его лице появилась гримаса усталости. — Мой отец умер в прошлом году. До этого момента я не думал...

— Я понимаю.

Он криво улыбнулся.

— Понимаете? Тогда давайте не будем портить день печальным разговором.

— День действительно прекрасный.

— Моя дорогая леди Денмор, я полагаю, вас должны устраивать спокойные, доброжелательные отношения. Я джентльмен, всего лишь пригласивший вас на зимнюю прогулку. — Он снова рассмеялся, и Эмма поняла, что его искренний смех доставляет ей удовольствие, и расслабилась. Если бы она была богатой наследницей, ищущей мужа, она была бы в восторге.

— Надеюсь, вы не думаете, что у меня есть деньги?

— Нет. — Он покачал головой и снова улыбнулся ей. — Нет, я смею предположить, что у вас нет ни цента. Но мне очень хотелось пригласить вас на прогулку, эта мысль не покидала меня. Я надеюсь, вы не возражаете против моего общества? Я не могу ухаживать за вами и успокоился, когда вы с таким тактом обрисовали мое положение.

На этот раз смех Эммы отразился эхом от каменной стены дома, мимо которого проезжала карета. Ланкастер не внушал ей чувства вожеления, но был опасен в других

аспектах. Он мог украсть ее сердце, как мог украсть сердце любой другой женщины, не прилагая к этому никаких усилий. И без сомнения, мог без труда найти богатую наследницу.

— Вы, должно быть, были очень юной, когда вышли замуж, — заметил Ланкастер. — Вам сейчас двадцать один?

— Да, — не моргнув глазом солгала она. — Лорд Денмор был чудесный человек. Я не возражала против этого брака.

— И вы надеетесь вскоре снова выйти замуж?

— Нет.

Он бросил на нее удивленный взгляд, но то, что хотел сказать, оставил при себе.

— Здесь... — пробормотал он и наклонился, роясь в ящике под сиденьем. Он выпрямился, держа в руках толстое шерстяное одеяло, и набросил его ей на колени. Оно показалось теплее, чем грелка.

— О-о! — ахнула она. — Это так мило, благодарю.

— Хм-м... Что ж, получив эту благодарность, я не рассчитываю на большее. — Его глаза остановились на ее лице, прошли по ее губам. И Эмма почувствовала, как жар заликает щеки. — Я надеюсь, вы не сочтете мои слова дерзостью, но Сомерхарт чертовски везучий мужчина.

Она покраснела еще сильнее, хотя, казалось бы, не было особой причины краснеть.

— Вы вполне уверены, что ваш муж не оставил вам секретное наследство? Это было бы очень кстати.

— К сожалению, нет. — Смущение Эммы ушло, она снова рассмеялась, но подумала: ей больше не нужно ездить в карете с таким красивым мужчиной. Она достаточно умна, чтобы избегать этого.

Резкий стук заставил Эмму поднять голову и замереть в страхе. Это был вовсе не деликатный стук, и стучали не в черную дверь. Первой и единственно правдоподобной мыслью была та, что это констебль.

Эмма отложила шитье и вытерла руки о юбку. Платье было темно-коричневое и едва ли подходящее для приемов, и ей пришлось в голову, что она одета вполне соответствующе для утренней поездки в суд.

Когда она поднялась, в дверь снова постучали. Эмма краем глаза видела, как Бесс спускается по лестнице, чтобы открыть дверь. Эмма остановилась в гостиной, наблюдая, как служанка открыла входную дверь и сделала книксен.

— Ваша госпожа дома? — раздался знакомый голос. Сомерхарт. Колени Эммы вдруг угрожающе ослабли.

Бесс что-то бормотала в ответ, пытаясь закрыть дверь, но Сомерхарт жестом остановил ее.

— Уже полдень, — пояснил он и, толкнув дверь, переступил через порог. Его взгляд прошелся по холлу и задержался на ней. — А, леди Денмор. Можете уделить мне минутку?

— Почему же... — буркнула она, стараясь рассердиться на его вторжение, но была слишком оживлена, чтобы искусно притвориться. Она вернулась к кушетке и села.

Когда Сомерхарт вошел, он бегло осмотрелся вокруг и направился прямо к Эмме. Глаза его остановились на темно-коричневом платье.

— Я не вижу никаких признаков роскоши, из чего делаю вывод, что Ланкастер не помышляет о женитьбе.

— Что? — Эмма онемела, чувствуя, как спокойствие покидает ее.

— Несколько доброжелателей остановили меня вчера в клубе, надеясь, что я порадую их своей реакцией на новость, какую они сообщили мне. А именно, что вы уехали с лордом Ланкастером.

— О-о? И это разожгло ваш аппетит?

— Конечно, нет. Но им этого явно хотелось. Вы сами виноваты в этом.

— Что ж, прекрасная причина закончить наши иллюзорные отношения, ваша светлость.

— Мм... — Он без приглашения сел рядом с ней и положил ногу на ногу. — Вы настаиваете, что вам абсолютно неинтересно иметь любовника? А что же тогда связывает вас с Ланкастером?

— Это вас не касается.

— Но я...

— Что вы делаете здесь? Как вы сказали, уже полдень. Это совершенно невыносимо!

— Ха! — Он хмыкнул, затем разразился громким смехом. — Невыносимо? И это говорит женщина, которая заключает рискованные пари! — Он потер рукой глаза и рассмеялся еще громче. — Невыносимо наносить визиты до трех. Я ворвался сюда до трех, и все из-за ревности. Господи, я сошел с ума.

В этот момент он был совсем не похож на герцога. Без шляпы, которая была бы уместна в дождливый день, его темные волосы стали влажными и растрепанными. Голубые глаза блестели от азарта и восхищения, не скрывая от нее ни одной своей эмоции. Эмма, увидев его в таком состоянии, едва сдерживала смех и даже хмыкнула, что было скорее похоже на хрюканье.

Сомерхарт поднял подбородок.

— Вы смеетесь надо мной?

— Я уверена... Я не стала бы... Да! Вы сказали — ревность?

— Да, именно так я сказал, что тут смешного? Перестаньте смеяться.

Но Эмму вновь потряс взрыв смеха. Она смеялась не столько над Сомерхартом, сколько над собой, над тем, что утратила равновесие и лишилась спокойствия. Когда она прекратила смеяться, она увидела, что Сомерхарт рассматривает ее с затаенной улыбкой. Горло перехватило, она поняла, что не может произнести ни слова. Открыв рот, она ждала, когда дыхание придет в норму, но напрасно. Прежде чем она успела переварить эту соблазнительную улыбку, Сомерхарт прижался губами к ее открытому рту. Его губы были теплыми, нежными и шелковистыми. Но его язык, когда он коснулся ее рта, был даже лучше... горячий и неторопливый, похожий на бархат.

Она не ожидала ничего подобного. Но его рот был само волшебство. Как мог этот холодный, сдержанный мужчина быть таким сладким на вкус? А его губы? Как они могли так нежно касаться ее рта? Его язык был так соблазнителен, что она захотела большего. Эмма всем своим существом впитывала это несказанное блаженство, чувствуя, как его руки сжимают ее плечи.

— Совершенно невероятно. — Он поласкал ее нижнюю губу, затем верхнюю и прервал ее вздох более продолжительным поцелуем, чем предыдущий. Этот поцелуй прогнал прочь нежные мысли, и Эмма почувствовала, как тонет. Погружается в жар. «Мой первый настоящий поцелуй», — думала она не без любопытства. Ее целовали и прежде. Но этот... в этом было столько интимности. Это было вступлением в совсем другой мир. Мир, который она наблюдала и о котором думала, мир удовольствия, тайн и вожделения.

— Вы... — прошептал Сомерхарт. Он поцеловал уголок ее рта, ее щеку. — Вы сводите меня с ума. — Его зубы коснулись ее скулы, прежде чем перейти к нежной коже возле уха. Его губы дотронулись до этого места, и Эмма задрожала.

— Я был так зол, когда вышел из дома.

— Почему?

— Вы знаете почему. — Он снова коснулся языком ее губ, и ее охватил жар.

Ненавидя себя за то, что делает это, Эмма отклонила назад голову, подставляя ему шею.

— Но по пути... — Его губы проложили тропинку к мочке ее уха. — Я понял... — Каждое слово горячим шепотом обжигало ее влажную кожу. — И дал себе слово соблазнить вас.

Она хотела покачать головой, но он схватил ее мочку зубами, не давая ей шевельнуться.

— О-о! — вздохнула Эмма и прошептала что-то неразборчивое, когда он начал ласкать мочку языком.

Его язык нашел такое чувствительное место, что его ласки дрожью отозвались в самых интимных уголках ее тела. И Эмма думала, что не выдержит, что упадет в обморок от удовольствия, которое он дарил ей.

Она вцепилась в его пальто, прежде чем он позволил ее уху услышать короткие слова.

— Я могу? — спросил он.

— Мм?..

— Я могу быть соблазнительным, леди Денмор?

— Нет. — Само слово, сказанное так нежно и мягко, опровергало себя.

Его смех раздался так близко, что она почти физически ощущала его всей кожей.

— Маленькая лгунья, — прошептал он и снова начал покусывать ее ухо.

Она пыталась возразить, но ее тело торжествовало. Она хотела этого, она хотела большего, потому что знала... Знала, что он хочет сказать этими поцелуями, знала, что он станет целовать ее так и в других местах. Более важных, более чувствительных.

Да! Ее тело пело, когда его губы спустились ниже по ее шее к декольте и наконец остановились в последнем, продолжительном поцелуе.

— Сейчас нам есть о чем поразмышлять, кроме вашей поездки с Ланкастером.

Эмма заморгала, когда он поднялся, поправляя пальто.

— Я использовал весь утренний запас своего обаяния. Увижу вас снова через два дня.

Его слова еще долго звучали в ее ушах после того, как он ушел, закрыв за собой дверь.

Харт не знал, что и думать. Не имел представления. Он снова чувствовал себя молодым. Молодым и горячим, готовым пуститься в самые рискованные авантюры. Давно забытые ощущения оживали в его памяти, мучительные от удовольствия, к которому, увы, примешивалось чувство обреченности.

Сердечная боль сопровождала эти чувства последнее время. Сердечная боль, унижение, злость и стыд. Он думал, что когда-то полученного урока хватит ему на всю жизнь, но оказалось, что его свободолюбивая душа возродилась и вновь открыта для нового чувства.

Леди Денмор... Женщина, рожденная для наслаждения. И Харт знал, что готов с ней не все, что она позволит. Он снова хотел дать себе волю. Снова хотел жить.

Когда он пришел в себя, он все еще стоял около ее дома, растерянно моргая. Он увидел, что его кучер очень внимательно смотрит куда-то поверх его головы. Внимательно, но не акцентируя. Видя, но не замечая. Настоящий слуга.

— Я пройду, — сказал Харт, подумав о воре, которого видел здесь. — Подожди меня. — Ее район был привлекательнее днем, даже в такой пасмурный, холодный день, как этот. Фасады домов были простые, а окна прятались за занавесками из яркой ткани в цветочек, нет, не шелковой. Все было достойно, хотя и не богато. И все же Харт думал, что леди Денмор не вписывалась в эту обстановку.

Холл и гостиная были потертые и полупустые. Увидев все это, Харт не мог взять в толк, почему она не охотится за богатым мужем. Или, возможно, она делает это? Может быть, в отношении него у нее тоже есть скрытые цели, а не то равнодушие, какое она выказывает?

Хмурясь от этой мысли, Харт завернул за тот угол, куда нырнул вор. Но конечно, сейчас там никого не было.

Возможно, леди Денмор, будучи интриганкой, обманщицей и распутницей, представляла проблему, потому что Харт подозревал, что она обманщица и распутница, с того самого момента, как услышал о ее вдовстве и необычном приезде в Лондон. Но это никак не повлияло на ее привлекательность. Скорее это было частью ее женского очарования.

Он знал по опыту, что экстравагантные женщины были такими же раскованными в личной жизни, как и на публике. Леди Денмор рисковала, играла с опасностью, наслаждалась конфронтацией. И эта женщина оказалась способна выбить почву из-под ног сдержанного герцога одним своим вздохом. В этом, безусловно, и заключался ее талант. И его слабость.

Но он мечтал об этом преображении. Хотя бы на несколько ночей. Достаточно после десяти лет сдержанности. Это стоило бы того... если бы он мог избежать ловушки, если бы это не затронуло его душу. Господи, ради этого стоило рискнуть.

Положение герцога обязывало его сдерживать свои чувства, но он возложил на себя эту роль в виде исключения. У него не было выбора, и он не дитя, чтобы хныкать и топтать ногами. Что касается опасений или сопротивления... его отец до того, как умер, успел показать ему цену благоразумия и респектабельности. Преподал урок с его обычной брутальной эффективностью. Проще добиться нужного от человека, если предварительно как следует обработать его.

И после того как отец умер и Харт стал главой семьи, на него легли заботы по воспитанию сестры, связанные с титулом общественные обязанности, в том числе членство в палате лордов, не говоря уже об изнуряющем внимании со стороны мамаш, охотившихся на холостых мужчин для своих дочек.

Поэтому постоянное чувство меланхолии не так-то просто было игнорировать, но что-то все же изменилось со временем. Он стал мудрее с годами, или, может быть, это следствие одиночества? Его сестра больше не игривый ребенок, ожидавший его возвращения из Лондона. Она оставила свои вызывающие выходки, причинявшие ему столько беспокойства. Теперь она замужняя дама и живет отдельно.

Харт вел одинокую жизнь, это был его собственный выбор. И казалось, никто ничего не знает о нем, никто, кроме очень проницательной маленькой вдовы из этого ужасного Чешира.

Он скрылся в тени аллеи, взглядываясь в туманную даль. И тут в дальнем ее конце заметил мальчика. Он наблюдал за Хартом без страха и не двинулся, когда Харт, выйдя из тени, шагнул на мокрую мостовую. Вместо этого он скрестил руки на груди и поднял подбородок.

Он был слишком мал, чтобы быть ночным вором, но это не означало, что он не может относиться к преступному миру.

— Ищете что-то необычное, сэр? — спросил он беспокойным голосом, пока Харт приближался к нему.

— Может быть. — Он остановился в нескольких шагах от мальчика.

— Если вы ищете развлечений, то это не ко мне.

— Господи, нет. — Харт покачал головой. — На кого ты работаешь?

Подбородок поднялся выше.

— Ни на кого.

Харт оглянулся, чтобы удостовериться, что никто не ударит его сзади.

— Ясно, что ты что-то продаешь. Что именно?

— Ясно, что вы хотите что-то купить. Что именно?

Харт неожиданно рассмеялся. Может быть, мальчишка научился этому у леди Денмор?

— Мне нужна информация, — наконец сказал он.

Упрямое лицо мальчика просветлело.

— Прекрасно, сэр, это по моей специальности.

— Мм... — Харт изучал его. Ясные глаза и тощая фигурка. Его перчатки были запачканы черной сажей, и пальто тоже. Местный разносчик угля?

Что ж, так или иначе, вряд ли он может нанести значительный вред.

— Я видел здесь вора как-то ночью, рядом с домом леди Денмор. Ты ее знаешь?

— Конечно.

— А ты знаешь, кто этот вор?

Он быстро покачал головой.

— Что ж, я бы хотел узнать. Я должен знать, если он снова придет и зачем. Сколько?

Мальчишка прищурился.

— Фунт.

— Фунт. — Харт оглядел его, прежде чем вытащить из кармана пару монет. — Я могу производить впечатление блестящего человека, но я не идиот. Фунт — это слишком много. — Рот мальчика приоткрылся, когда Харт разжал ладонь. — Два фунта стерлингов, но это покупает твою преданность. Я жду абсолютной преданности, ты понял? Это стоит двух фунтов?

— Да, сэр.

— Ты не должен работать на этого бродягу или на кого-то еще. Если ты снова увидишь его, ты пошлешь мне записку. Я хочу спровоцировать его на действия. По крайней мере узнать, кто он и кто еще работает на этой территории. Ты сможешь сделать это?

— Да, сэр.

— Что ж, хорошо. — Харт протянул монеты. — Я Сомерхарт.

— Стип, — ответил мальчик.

— Я вернусь завтра, мой дом на Гросвенор-стрит, если я понадобится тебе раньше.

— Идет. Хорошо получить работу, сэр. — И мальчик пошел прочь, зажав между зубами монеты, прежде чем Харт успел сказать еще хоть слово.

Приторный аромат ладана парил над головой Мэтью Бромли, затем окутал его, даря странное, экзотическое ощущение комфорта и вины. Склонив голову, он продолжал молиться вместе с другими прихожанами, но когда они поднялись и вышли, он остался один.

Господь вернет ее ему. Он горячо, свято молился, чтобы она вернулась. Он не хотел ее для себя самого, женщина сбила его с пути, и Мэтью думал спасти обе их души от вечного проклятия. Замужество, тихое, скромное, разве не благородное желание для мужчины?

— Пятно на твоей душе! — говорил преподобный Уиттир, и Мэтью рыдал, слушая правду. Он хотел очиститься от вожделения и блуда, в которые она ввергла его. Он не понимал опасности, ослепленный ее обманом. Он думал, что все это любовь. И ни разу не подумал о дьяволе, пока не признался преподобному Уиттиру и не увидел, какая она на самом деле.

Но даже с ее отъездом лучше не стало. Каждую ночь она приходила к нему в его бесстыдных снах. Каждую ночь она ласкала его тело, пробуждая вожделение. Он просыпался утром с чувством греха, которое, словно клеймо, жгло его кожу.

Он не мог забыть ее. Чтобы спасти себя, он обязан спасти ее. Она должна стать его женой, или они оба обречены. Как только они поженятся, он искупит свои грехи и сможет трудиться во славу Бога. Он начнет с ее распутной души и соблазнительного тела.

— Господь приведет меня к ней. Скоро, — пробормотал он, поднимаясь с колен. — И я спасу ее от нее самой.

* * *

Эмма прибыла в поместье Моултеров в шесть часов. В восемь она была причесана и одета к вечеру. К девяти она чувствовала приятное возбуждение от удачной игры и еще больше от выпитого шампанского. Все гости тоже развеселились, хотя она сомневалась, что они пили по той же причине, что и она. Вероятно, никто из них не испытывал подобного волнения и не беспокоился, приедет ли Сомерхарт.

Голова снова закружилась, и Эмма сделала очередной глоток. На этот раз не очень большой. И подавила стон, понимая, что проиграла первую партию.

Он, возможно, даже не появится здесь, но она знала, где его комната, потому что горничная проговорила, когда распаковывала ее вещи. Дверь Сомерхарта оказалась как раз напротив двери Эммы, подобная комбинация наверняка не обошлась без помощи хозяина. Любовнице герцога должно быть уделено особое внимание.

Она не имела представления, как ей избежать встречи с человеком, если он спит всего в нескольких шагах от нее.

Эмма покачала головой и положила несколько монет в столбик. Его появление на вечере не было бы проблемой, если бы ее собственное искушение не было так велико. Опасность заключалась в ней самой. Воображать, что он рядом, было бы куда более волнующим, чем его физическое присутствие.

Шепот удивления пронесся над столом, когда Эмма выложила на стол свои карты. Они не ожидали, что она победит, и она понимала почему. Ее беспокойство о Сомерхарте начало сказываться на ее игре. На этот раз она выиграла, но не могла рассчитывать, что ей будет везти и дальше. Она должна сконцентрироваться, так как не могла позволить, чтобы мысли о герцоге помешали ей.

Эмма повысила ставку, бросая вызов судьбе. Следующие три партии выиграл молодой лорд, которого она никогда не встречала прежде, но Эмма проявила упорство. К тому времени как она подняла глаза часом позже, она снова была в выигрыше и больше не думала

о герцоге Сомерхарте.

Но вот наконец он появился. Вызвав смех у других игроков, она чуть не подпрыгнула от неожиданности, увидев, что он стоит возле стола. Мужчины обменялись понимающими, снисходительными улыбками. Даже сам герцог приподнял бровь в изумлении.

— Леди Денмор. — Он вежливо поклонился.

— Ваша светлость, — проговорила она в ответ.

Снова раздался смех, хотя мгновенно прекратился, когда Сомерхарт хмуро посмотрел на джентльменов. Марионетки, подумала Эмма. Неудивительно, что он скучает в их компании.

— Я уверен, что эти джентльмены оценят, если я провожу вас в столовую. Они так побледнели от проигрыша, что вряд ли рискнут опозориться снова.

— Вы льстите мне, — сказала Эмма и, нашарив под столом туфли, сунула в них ноги.

— Наслаждайтесь шампанским, — сказал один из мужчин, и остальные снова рассмеялись.

— Да, конечно, — послышалось в ответ.

Забирая свой выигрыш, Эмма одарила каждого самой радушной улыбкой. Сомерхарт склонился к ее стулу, и она была уверена, что чувствует жар его тела, пока он стоял позади нее. Волнение переполняло ее, добавляя подтверждение тому, что предполагали другие гости.

Поспешно взяв себя в руки, она повесила сумочку на запястье и быстро встала, нечаянно коснувшись плечом бедра герцога. Ее рука естественным образом легла в его руку. Когда ее сумочка коснулась его живота, послышался металлический звон.

— О, мне кажется, я сопровождаю пирата.

Эмма позволила ему вывести себя из-за стола, но не поддержала его шутку.

— Прекратите играть роль моего любовника, — пробормотала она, когда они шли к дверям.

— Только одному из нас позволено соблюдать правила вежливости сегодня, не правда ли?

Она поджала губы.

— Возможно.

— Что ж, теперь моя очередь. Хотите шампанского?

— Да, — ответила она слишком быстро, но ее пальцы начали дрожать. Она думала о нем постоянно с того момента, как он поцеловал ее. Она чувствовала, что он читает ее мысли, и каждая фантазия отзывалась мурашками на ее коже. Его губы и глаза, влажный блеск его зубов, когда он улыбнулся... все это напоминало ей о том, что он сделал и что она хотела, чтобы он сделал снова.

Она едва сдерживалась, чтобы не выхватить бокал из его рук, когда он наконец нашел слугу с подносом, на котором стояло шампанское. Как только бокал оказался в ее руках, она отвернулась и, не в состоянии пить медленно, выпила залпом все без остатка. Когда она снова повернулась к нему, Сомерхарт ничего не сказал, взял пустой бокал из ее рук и протянул ей свой собственный.

— Вы так поработали, и неудивительно, что чувствуете жажду, леди Денмор. Вы, должно быть, проголодались?

— Да. Нет... — Она сделала несколько глотков из его бокала и поднесла руку ко рту, хотя ей безумно хотелось прижать ее к его груди, к его плоскому животу. Ее сердце билось как бешеное, подгоняемое той борьбой, которая шла внутри ее. Вождение и... страх. Она

не привыкла к этому, не знала, как утолить возникшую жажду. Она боялась его, но еще больше боялась себя.

— Леди Денмор... — Сомерхарт взял ее за локоть и подвел к большому окну, которое смотрело в темноту. — Скажите мне, что не так?

— Вы. Вот что не так.

— Я просто пытаюсь накормить вас.

— Глупости. Вы стараетесь обольстить меня. А я уже объяснила, что...

— Да, вы объяснили. — Он задернул шторы и подвел ее к диванчику у окна, его плечи, поражающие своим размахом, нависли над ней. — Вы были очень грубы... и высокомерны. Вот почему я удивлен, видя, что вы струсили.

— Да, струсил. Да, я боюсь вас. Пожалуйста, оставьте меня.

Он приподнял ее лицо за подбородок, и Эмма посмотрела ему в глаза.

— Бойтесь? — прошептал он. — Или что-то вроде этого? Но непохоже, что вы боитесь, леди Денмор. Вы выглядите взволнованной и немножко злитесь. — Его пальцы прошли по ее подбородку, заставляя ее дрожать.

— Я злюсь, потому что вы преследуете меня.

— Я не намерен набрасываться на вас в темном коридоре. Но вы же контролируете себя, тогда почему вы так расстроены?

Она покачала головой и сделала еще один глоток.

— Кто-нибудь говорил вам, леди Денмор, что вы пьете как сапожник?

— Скорее, как матрос, это более верное сравнение.

— Ха! Девчонка-сорванец! — Он покачал головой. — Подвиньтесь.

Она подвинулась в сторону, и он сел на полукруглую кушетку, стоявшую в небольшой нише в стене. Он расположился точно напротив Эммы. Его руки напротив ее рук. Его бедра напротив ее бедер. Если бы она наклонилась, ее голова точно легла бы на его плечо. Если она поднимет глаза, его губы найдут ее поцелуй.

— Сколько вам было, когда вы вышли замуж?

— Девятнадцать, — без промедления ответила она.

— Вы были счастливы в этом браке?

— Я не была несчастлива. Лорд Денмор был прекрасным человеком, и моя семья была принята в свете.

— Значит, вы были местной достопримечательностью, то есть мисс, которая привлекла внимание пожилого джентльмена?

— Да.

— Дочь сквайра?

— Я не выросла в таверне, если вы об этом спрашиваете.

Его плечи коснулись ее.

— Нет, вы прекрасно воспитаны, по крайней мере по сравнению с остальными.

Эмма улыбнулась и сделала еще один, на этот раз маленький глоток.

— Вы тоскуете по нему? — спросил Сомерхарт тихим проникновенным тоном.

Она была поставлена в тупик этим неожиданным вопросом. Никто не спрашивал ее об этом. Все полагали, что она счастлива избавиться от уз брака по расчету, и она думала, что, возможно, это так бы и было. За исключением того, что лорд Денмор приходился ей дядей и любил ее. Он заботился о ней и дал ей настоящий дом на короткий, счастливый момент ее жизни.

— Да, — наконец ответила она, испугавшись, когда ее голос дрогнул. Она кашлянула, чтобы прогнать набежавшие слезы. — Он погиб во время пожара, вы знаете. Он не болел, и это было так внезапно.

— Мне очень жаль.

Эмма кивнула и быстро допила шампанское.

— Теперь вы видите, Сомерхарт, я закоренелый игрок и злоупотребляю спиртным, но к тому же я уважаемая провинциальная вдовушка. Скучная и абсолютно не готовая к скандальной связи с блестящим герцогом.

— Хм-м...

Она знала, что должна встать и освободиться от этой интимной близости. И место было укромное, несмотря на случайные звуки, которые достигали их гнездышка. Она чувствовала себя здесь в безопасности. Тепло и уютно. Спрятавшись рядом с сильным крупным хищником, который готов съесть ее. Каким-то образом опасность обострила все чувства, заставляя принять сладость момента.

Сомерхарт подвинулся, повернулся к ней, она ждала, что он обнимет ее.

— Я едва вижу вас. Здесь так темно, — сказал он. — Но ваш голос — само искушение, леди Денмор. — И тогда он встал и вышел из ниши на свет. — Пойдемте обедать?

— Обед? — переспросила она. — Сейчас?

Он улыбнулся:

— А вы хотите пойти куда-то еще... Сейчас?

— Нет! — воскликнула она и встала, даже не покачнувшись.

— Тогда обед. — Он предложил ей руку.

Эмма стиснула зубы.

— Прекратите быть очаровательным и предупредительным, Сомерхарт. Это вам не идет.

— Лгунья.

Эмма подала ему руку, но ее не покидало ощущение, что он ведет ее не в столовую, а к неминуемому концу.

Ничего. Ни поцелуя, ни... Напрасные волнения и ожидания, Сомерхарт даже не погладил ее по спине. Эмма безвольно провела рукой по вечернему платью, по напрягшимся соскам, по изгибам груди и потом по животу, пока не прижала ладонь к мягкому холмику внизу.

Если бы она позволила ему, то он прикоснулся бы именно к этому месту. И она готова была позволить. Что ж, если она готова открыть свой секрет, то должна всего лишь пересечь коридор и подойти к его двери. Она слышала, как он пришел часом раньше, слышала, как десять минут спустя из комнаты вышел его слуга. Она ждала, что он постучит... что слуга появится с запиской, или... Более вероятно, Сомерхарт появится сам уже без сюртука, а в его выразительных глазах будет сиять нетерпение.

Она задрожала при этой мысли, прикасаясь ладонью к разгоряченной плоти.

Она прижмется к нему, она будет готова. Но минуты шли, и никто не потревожил ее, сопротивление постепенно ушло, ненужное и нежеланное. А может быть, это часть его замысла? Заставить ее разозлиться, чтобы она ворвалась в его комнату и потребовала ответа?

Эмма вздохнула. Она снова одинока, как всегда, и невозможно забыть это.

Снег медленно падал за окном, сверкающие крошечные льдинки таили столько очарования, что Эмме невольно захотелось затеряться в этой снежной мгле. Свет из комнат нижнего этажа освещал белоснежный покров. Три обледеневшие ветки сверкали, словно усыпанные бриллиантами. Все недвижно — ни ветерка, ни шороха... Еще одна одинокая ночь, и она наедине со своим желанием.

Ей хотелось сбежать вниз по лестнице, выбежать босиком в сад через заднюю дверь. Ей хотелось кожей почувствовать этот немислимый холод, который бы остудил ее жар. Она могла бы идти и идти, не выбирая дороги, и потом ее тело замерзнет и превратится в кристаллы и рассыплется на мельчайшие кусочки от порывов ветра, и ее маленькие частички будут летать повсюду, и весь небосвод станет ей домом. Она будет везде, и в то же время нигде.

Звуки, раздавшиеся в коридоре, привлекли ее внимание. Ее сердце замерло. Эмма затаила дыхание и ждала. Ждала... но все затихло. Никого.

Что, если она выйдет в холл? Что, если она просто проскользнет в его постель и они утолят свою страсть? Тогда он узнает ее секрет, и она расскажет ему всю правду. Это будет такое облегчение!

Вчера он был так мил, его невероятное высокомерие, которое он выказывает только в присутствии других, ушло. Он улыбался и пробовал шутить, как в ту ночь, когда встал на защиту маленькой девочки.

Но если она расскажет ему всю правду, подойдет ли он к ней снова?

Сердце Эммы гулко стучало в груди. Он был так нежен... задавая вопросы о ее жизни, сопровождая ее от стола к столу, терпеливо следя за ходом игры. Затем он поднялся вместе с ней по лестнице, прижался губами к ее руке. И ждал, пока она подойдет к своей комнате, его горячий взгляд жег ее спину.

Он не вел себя с ней вызывающе. Он был... само очарование.

А сейчас она сидела одна в своей комнате, размышляя, изменит ли общение с Сомерхартом ее жизнь.

Сердце стучало гулко, стоило ей подумать об этом, голова шла кругом, переворачивая все внутри. Сомерхарт появился, чтобы спасти ее. Это была фантазия из ее детства, надежда, теплившаяся в душе маленькой девочки.

Он казался таким галантным, таким хорошим. И она хотела, чтобы он вернулся, молилась о его возвращении. Прошли месяцы и годы, она выросла, и ее тело обрело женственные формы. И когда стоны и вздохи, которые раздавались из покоев отца, перестали пугать ее, а стали возбуждать... О, она тогда все еще ждала спасения. Мечтая о замужестве и супружеском ложе.

Но потом умер отец, уведя в могилу и ее младшего брата. И Эмма поняла, что надежды нет. Или думала, что поняла, но стук ее сердца был все тот же. Глупая, бессмысленная надежда все еще жила в ней.

— Нет, — громко проговорила она. Ее сердце забилося ровнее, тверже. — Нет. — Спасение не ждет ее за углом. Это не будет избавление. Она больше не верит в мечты и волшебные сказки.

О, она не сомневалась, что он помог бы ей. Мужчины всегда хотят помочь женщинам, оказавшимся в трудном положении. Она встречала много подобных женщин в доме отца.

И как просто представить... Вообразить себя любовницей Сомерхарта, живущей с ним в его прекрасном доме. Она могла бы жить в роскоши, вести безмятежную жизнь, яркую и полную удовольствий, смеха и рискованных ночных забав. Она могла бы забыть все свои тревоги и жить так, как подобает красивой женщине.

Но любовница не жена, пройдут годы, и ей придется искать нового покровителя и потом снова и снова... и чем дальше, тем все менее достойными будут эти джентльмены. И очень скоро она станет старше, очарование ее потускнеет, и вот она уже просто шлюха, пробравшаяся на загородную вечеринку в поисках любого гостя, готового употребить ее в ближайшем кресле.

Нет, она не питала иллюзий, что жизнь держится на жалких юных леди. Шлюха или жена. И будь она проклята, если станет похожа на свою мать. Шлюха или жена. Эмма не хотела ни того ни другого.

Она пригасила лампу и забралась под одеяло.

Сомерхарт пытался очаровать ее, и ему это удалось. Даже в большей степени, чем она ожидала. Но мужское обаяние такое хрупкое. И оно разбивается так же просто, как стеклянный бокал.

В ту ночь она не видела снов о герцоге Сомерхарте. Вместо этого ей снился Уилл, ее младший брат. Его теплые руки, всегда запачканные землей. Его залиvistый, громкий смех. Его упрямые скулы. Ей снилось, как, уцепившись за ее шею, он крепко обнимал ее за талию своими маленькими ногами. Даже когда он подросток, он все равно делал это. Стоило ему увидеть во сне что-то плохое, как он бежал к ней.

О Боже... его шелковистые каштановые кудри и светлые ореховые глаза. Ореховые глаза, в которых отражалось солнце.

Она не сможет примириться с этим. Не сможет никогда. Как его маленькое тело... всегда такое теплое от беготни, прыжков, лазания, всегда в движении — как оно могло стать таким холодным? А розовые щеки налились восковой желтизной. Маленькие, прямые пальчики стали как деревянные.

Ей казалось, что это тело не имело ничего общего с Уиллом. И, Господи, она была

уверена, что произошла ошибка. Это не могло случиться с ним. С ее Уиллом.

Но это случилось.

Эмма проснулась с глубокими красными отметинами на ладонях. Ее подушка была соленой от слез, горло пересохло от ярости и новой решимости.

Она не слабая и беззащитная, чтобы ждать избавления. Она сама спасет себя.

Невероятно. Он искал эту женщину все утро и продолжал искать и сейчас.

В течение всего предыдущего вечера он вел себя наилучшим образом, делая все, чтобы она расслабилась, и провел на редкость приятные часы. Он с удовольствием наблюдал, как подозрительность исчезла из ее глаз, а щеки порозовели. Он наслаждался мыслью, что, по всей видимости, она размышляет о том, почему он прекратил свои преследования. Но он провел ночь, мечтая о ее теле, вместо того чтобы предпринять реальные шаги.

Вчера она ела очень мало. И Харт ожидал, что она появится за завтраком и он будет дразнить ее из-за разгулявшегося аппетита. Но он уже целый час фланировал по столовой, где был накрыт завтрак, а она так и не появилась. Горничная вернулась из ее комнаты, и Харт узнал, что мадам куда-то ушла. Но куда? Для прогулки чертовски холодно.

Но эта неизвестность длилась недолго. Харт нашел леди Денмор там, куда ему следовало заглянуть в первую очередь — в одном из кабинетов, предназначенных для карточных игр. Просто на какой-то момент он забыл, что в душе она вовсе не респектабельная вдова. Она напомнила ему об этом сейчас. И он начал думать, что она вовсе не пыталась подшутить над ним, вмешавшись в его судьбу... она хотела подшутить над многими.

— Хо! — воскликнули разом несколько молодых людей. — Еще вина!

— Леди Денмор, — проговорил один из них, когда она поднесла бутылку вина к губам, — вы постоянный возмутитель спокойствия.

Харт выглянул из-за двери, стараясь припомнить имя юнца.

— И снова двадцать пять фунтов. Джентльмены, — она жестом указала на стопку банкнот и монет, — теперь ваша очередь.

Мужчины поставили деньги, и тогда один из них взял в углу тяжелый кожаный мяч, а леди Денмор установила пять бутылок вина в ровную линию на полу. Харт заметил, как двое игроков развалились около камина и устали на ее бедра, пока она, нагнувшись, расставляла бутылки, и почувствовал, как гнев закипает в груди. Они тихо переговаривались, затем провозгласили тост и выпили.

Один из молодых людей, тот, что держал мяч в руках — мистер Ричард Джонс, как определил Харт, — попросил благословить его на удачу. И леди Денмор поцеловала черную кожу мяча. Все мужчины в комнате следили за ее губами.

— Теперь определенно повезет, — пробормотал один из них, и тогда мяч покатился по ковру. Три пустые бутылки упали, но стукнулись друг о друга, и две из них разбились. Комната огласилась дружным смехом, все снова выпили, и Ричард Джонс бросил несколько монет на стол.

— Время играть на приз. — Она жестом указала на середину стола. — Большинство бутылок с вином. И если вы разобьете хоть одну, то выходите из игры. Согласны?

Мужчины еще не переоделись после вчерашнего вечера, то есть еще не добрались до своих постелей. Эмма, напротив, выглядела как роза на поле посреди скал. На ней было простое утреннее платье из муслина цвета «пыльной розы», с турнюрком сзади. Маленькие бледно-розовые бутоны украшали прическу. Она выглядела свежей, как цветок. И вероятно, желала быть сорванной.

Двое мужчин у камина — лорд Марш и какой-то юный толстяк — подошли, чтобы

принять участие в последнем раунде игры. Отяжелев от выпитого вина и бессонной ночи, они вели себя чересчур развязно, слишком близко подошли к леди Денмор, но, казалось, она не имела ничего против. Она улыбалась, потягивая вино из бутылки. Марш склонился к ней, жадно оглядывая ее нежную кожу и шепча что-то на ухо. Она покраснела, рассмеялась и покачала головой. Ее глаза были устремлены на мужчину с мячом. Одна из бутылок с треском разбилась, и Эмма улыбнулась шире. И тогда рука Марша легла на ее бедро.

Дверь с шумом распахнулась, привлекая внимание всех присутствующих в комнате. Марш повернулся и растерянно заморгал, но стоило ему увидеть в дверях Сомерхарта, как он тут же отошел от леди Денмор и ее влекущих бедер.

— Ваша светлость, — пробормотала она. И все мужчины в комнате последовали ее примеру. — Вы поднялись в такую рань ради нашей игры... в кегли?

Он не ответил. Она раскраснелась, глаза светились удачей, она вовсе не удивилась, увидев его.

— Продолжим, джентльмены. — В ответ на его молчание леди Денмор рассмеялась ему в лицо. — Мы близки к финалу. — Молодые люди не двигались. — Тогда моя очередь?

Взяв новую бутылку, заменила разбитую. Снова расставив все бутылки в аккуратную линию, взяла мяч и прошла с небрежным видом к столу.

— Не пожелаете мне удачи? — спросила она, но никто из мужчин не проронил ни слова. Их глаза были направлены на Сомерхарта.

Ничего плохого не происходило, мог бы сказать Харт, но каждый из этих юнцов втайне думал об этом. Их виноватые глаза говорили без слов.

Леди Денмор пожалала плечами и, поднеся мяч к губам, поцеловала его. Ее губы медленно прошлись по его тугой поверхности, и взгляды мужчин как по команде обратились к ней. Харт почувствовал, как его лицо приняло напряженное выражение. Он не мог точно сказать, что это было за выражение, но знал, что оно не сулит ничего хорошего. Она балансировала на грани вседозволенности, окружая себя и всех присутствующих какой-то скандальной аурой, которая разжигала пламя страстей. И она тащила его за собой в это пламя. Ему не следовало даже входить в эту комнату. Он должен был повернуться к ней спиной и уйти.

Бутылки звякнули. И четыре упали на ковер, не разбившись.

— Четыре! — вскрикнула она, и Ричард Джонс скрепя сердце произнес слова поздравления. — Кто посмеет выбить больше? — Ее губы изогнулись в зазывной улыбке. — Никто? Мистер Джонс?

Прежде чем что-то сказать, он оглядел остальных.

— Ваша взяла, леди Денмор.

— Я думаю, — вдруг раздался низкий голос Сомерхарта, — вам, молодые люди, пора разойтись по своим постелям.

— Что правда, то правда, — смеясь, согласился Марш, и другие подхватили этот смех, собирая свои выигрыши. Большая стопка осталась посреди стола, когда комната опустела. Сомерхарт закрыл дверь.

Леди Денмор молча подбирала пустые бутылки. Когда она поставила их в длинную линию вдоль стены, она начала разворачивать толстый ковер, который убрали на время игры. Разбитое стекло звенело под ее ногами.

Сомерхарт скрипнул зубами.

— Вы на все готовы ради денег?

Она вежливо улыбнулась, продолжая собирать разбитое стекло.

— Мне кажется, вы необыкновенно жадны до денег. А у меня их много.

Она кивнула и смахнула пыль с рук.

— И?..

— И если вы готовы сделать кое-что, чтобы получить их, вам стоит только сказать мне.

Я думаю, мы договоримся.

Ее улыбка стала шире, открывая ряд мелких ровных зубов. Но она по-прежнему не смотрела на него, продолжая делать то, что делала.

— Вы думаете, мне понравится, если меня станут называть шлюхой, ваша светлость?

Проклятие. Сомерхарт оглянулся, но не было стены, чтобы ударить в нее кулаком.

— Я ждал, что вместо этой забавы вы придете на завтрак, — прорычал он. — Я не ожидал, что вы уединитесь с группой молодых балбесов, чтобы участвовать в глупом спектакле.

— Не ожидали? Но мне кажется, я говорила вам прежде, что вы очень наивны, когда дело касается моего поведения.

— Черт побери, я далеко не наивен. Но подобные вещи вызывают у меня отвращение.

— О Боже! Я полагаю, тогда вам надо оградить себя от моего присутствия. Потому что дальше будет только хуже. Игра. Флирт. Вино с самого утра. И компания сомнительных любителей рискованных развлечений. И я ни капельки не удивлюсь, если буду опозорена еще до начала сезона. Зачем вам это? Ведь я потащу вас за собой, ваша светлость. Обещаю вам это.

Она наконец встретила его взгляд, и ее ореховые глаза озарились улыбкой. О Господи! Она смеется над ним.

— Вчера вы были совсем другой, — заметил он.

— Вы тоже. Обаятельный и добрый.

Сомерхарт покачал головой.

— И что же это? Урок?

— Не для вас, ваша светлость. Для меня.

— Как понимать это? — спросил он, чувствуя пустоту внутри.

— Вчера вы решили быть обаятельным и преуспели, но шарм не характер, я не путаю одно с другим.

— Да? Тогда чем же можно прельстить вас? Юностью? Пьянством? Забавной игрой?

— Деньгами? — подхватила она.

Ее насмешливая улыбка разожгла гнев в его крови. Эта маленькая усмешка говорила о ее уверенности в своей правоте.

— Чтобы получить вас, нужны не деньги, — сказал он. — Вы можете сколько угодно говорить о скромности, но мы оба знаем: чтобы обольстить вас, деньги не нужны. Вы хотите этого, леди Денмор, хотите так же, как и я.

Кровь прилила к лицу. Она начала говорить, но Харт махнул рукой.

— Вы можете говорить что угодно, но ваши слова щит весьма ненадежный.

— Хотите чего-то, не делая этого...

— О, это для таких, как вы. И дело не в том, что вы сдерживаете себя. Вы делаете то, что вам нравится. И сделаете это тоже.

— Я не хочу. — Ее скулы дрожали, но глаза были сухи.

Харт двинулся к ней, наблюдая, как она отошла назад, ее бедра уперлись в край

массивного стола из красного дерева. Несколько монет выскользнули из стопки и, звякая, покатались по полу.

— Зачем вы делаете это? — Он подошел ближе. Ее пальцы впились в стол. — Из-за денег? Почему бы просто не выйти замуж?

— Я... я не хочу замуж. — Костяшки ее пальцев побелели, тогда как губы приобрели темно-розовый оттенок.

— Почему? Вы уже однажды согласились на брак из-за денег, хотя, как видно, это не помогло. Или вы все спустили, играя в карты?

Она покачала головой. Он почти касался сейчас ее юбок. Тонкий муслин прижимался к его черным брюкам. Харт молча смотрел на нее с высоты своего роста. Она была такая юная и свежая, совсем не вписывалась в обстановку этой комнаты, пропахшей виски и сигарным дымом. Она была как утро, как невинность, украденная из райского сада и помещенная в ад. Он был потрясен своим желанием, ему вдруг страшно захотелось создать ей соответствующее обрамление.

— Леди Денмор, — прошептал он, слушая дыхание, вырывавшееся из ее рта. Ее грудь поднималась и опускалась при каждом вздохе. Она не выглядела испуганной. Она была взволнованна. Возбуждена почти так же, как он. — Поднимите юбки.

— Что? Нет, я...

— Делайте, что я сказал. Поднимите юбки.

Она снова покачала головой, ее дыхание стало слишком быстрым, она задыхалась.

— Ваше платье, — приказал он, и ее руки медленно утонули в складках розового муслина. Она потянула юбки вверх, и Харт поморщился от того возбуждения, что охватило его. Кровь воспылала в каждой жилке, и его тело возродилось к жизни.

— Выше, еще выше...

Она вздрогнула чуть-чуть, услышав его суровый голос, но послушалась. Она подняла юбки выше и крепче ухватила их. Харт увидел верх кремовых чулок и бледную кожу на внутренней стороне бедер. Но когда он увидел кружевной край ее панталон, его колени задрожали.

Он обхватил ее за талию и осторожно усадил на стол.

— Я не хочу быть вашей любовницей, — протестовала она, но ее пальцы сжимали лацканы его сюртука.

— О-о. Я не посмею взять тебя здесь, вот так. — Он одной рукой обхватил ее шею и притянул ближе. — Конечно, возьму, но не в первый раз. Я боюсь, что нам могут помешать. Раздвинь колени, — приказал он.

Она послушно развела колени шире, и Харт пододвинулся, оказавшись между ними.

— Сомерхарт...

— Зови меня Харт. И я, — он приблизил свой рот к ее губам, — буду звать тебя Эмма. — Ее губы открылись, ее язык желал встречи с его языком. Вожделение охватило его, воспламеняя кожу. Он целовал ее глубоко и сильно, чувствуя, как ее колени сжимают его бедра. Она целовала его еще сильнее, ее пальцы проникли под его сюртук, и ногти впились в ребра.

Она боролась с собой, хотя и понимала, что проиграет. Харту было знакомо это чувство. Он жил с этим десятилетие и так же, как она, понимал непрочность подобной позиции. Он был здесь, несмотря на все ее резкие заверения о недопустимости скандала и о собственной гордости. Он сам боролся с собой и проиграл, и будь он проклят, если не заслужит

благодарности.

Он ухватил ворох ее юбок и потянул. Когда он прикоснулся к ее бедрам, она уже дрожала в ожидании этого прикосновения. Харт позволил своим пальцам исследовать то, что скрывалось под юбками. О да, ее мускулы под нежной кожей были напряжены в ожидании. Он нежно укусил ее нижнюю губу, прежде чем прервать поцелуй.

— Скажи мне, чего ты хочешь. — Он все сильнее гладил ее, пробегая большим пальцем по краю ее панталон.

— Нет, — вздохнула она.

Он просунул руку под материал и погладил нежную кожу, где почувствовал... Да, его пальцы легли на жесткие завитки... Эмма ахнула.

— Скажи мне.

— Нет.

— Ты же не станешь утверждать, что я бессердечный соблазнитель, когда сама хочешь этого так же, как я. Ты уже вся влажная. Да? Влажная и такая красивая. Ты хочешь?

Замотав головой, она закрыла глаза, и Харт опустил на колени. Он целовал внутреннюю сторону ее бедер, провел губами по напряженной линии мускулов, пока она не зарыдала.

— Я думал об этом ночью. Мечтал познать твой вкус, прижаться ртом к твоему лону и возбуждался сам от этих фантазий. Скажи мне, Эмма!

— О Господи!

Его губы подбирались все ближе...

— О, пожалуйста, — простонала она.

— Что?

— Пожалуйста... Прикоснись ко мне... там.

Его руки дрожали, как дрожали и ее собственные. Он тяжело дышал, видя, как она дрожит от переполнявших ее чувств.

— Ты сказала, что не хочешь быть моей любовницей?

— Да. Не хочу. Просто прикоснись ко мне там, мучитель.

Харт хмыкнул.

— Наглая девчонка! — Он прижался ртом к тонкой материи ее панталон, она оказалась влажной и душистой. Эмма вскрикнула, когда он прижался сильнее. Его рука потянулась к тесемке на талии. Развязав ее, он соединил ее колени и без труда спустил панталоны. Снова разведя ее ноги, он наслаждался видом ее открывшегося лона, розового и влажного. Готового принять его ласки. Дрожь желания сотрясала его тело.

— Пожалуйста, — шептала Эмма, но его не нужно было понукать и сомневаться, что что-то может остановить его. Он неспешно гладил ее бедра, пока его руки не подошли к ее святой святым. Легчайшими прикосновениями больших пальцев он прошелся вверх и вниз. Вверх и вниз. Через влажность, и жар, и темные завитки. Она прогнулась в спине, упираясь на локти.

Господи, он хотел немедленно проникнуть внутрь. Взять ее здесь, на столе, самому пробиться в ее сердцевину. Но не мог. Пока не мог. Он помнил то, о чем говорил. Им действительно могут помешать, и тогда...

Мысль, что дверь внезапно откроется и кто-то может войти и застать его меж ее поднятых ног... Сознание Харта мутилось от возжеления, кровь пульсировала все сильнее...

Его пальцы развели лепестки ее розы, готовя ее для своего рта.

Легкое прикосновение его языка, и... она застонала.

— Да! Да!

Сначала он исследовал ее нежно, вдыхая ее дурманящий запах. Ее вкус растекался по его языку, заставляя его хотеть больше. И когда он коснулся ее тугого лепестка, Эмма вздрогнула, издав глубокий стон, который не могла сдержать, хотя и стиснула зубы. Он снова ласкал это место. И улыбнулся, когда ее пальцы с силой сжали его голову.

— Да, — стонала она, — да, там...

Она могла не говорить, Харт снова приник к ее плоти и ответил на ее требования более интенсивными прикосновениями. Она задрожала, придвигая бедра к его рту.

— Харт. — Едва дыша, проговорила она чужим высоким голосом. — Я хотела этого...

Господи, он тоже хотел этого. Почти с того момента, когда увидел ее в первый раз. Один палец скользнул внутрь... Она задвигалась, стараясь сдержать крик. Ее плоть впустила его... о, если бы это был не палец, а его... вошел в нее, нашел себе путь в этой влажной глубине. Он захватил губами тугой лепесток, почувствовал, как напряглись ее мускулы, как его желание поднимается все выше и выше.

Харт посмотрел на нее, ожидая, что при приближении окончательного наслаждения увидит закрытые глаза, и был поражен, встретив ее взгляд. Она наблюдала за ним без тени колебаний. Ее глаза были прищурены, зрачки расширились, и от этого казались совсем темными. Ее губы приоткрылись и чуть-чуть изгибались в уголках, ища удовлетворения и требуя... Когда он посмотрел на нее, она не отвела взгляда. Вместо этого ее глаза еще больше сузились и сверкнули злостью.

Этот сорт бесстыдства заслуживал награды. Харт взял губами тугой лепесток, приник и просунул еще один палец в сердцевину ее розы. С гримасой отклонив голову, Эмма вскрикнула. Она старалась отстраниться, но было поздно. Ее бедра дрогнули и вытянулись. Имя Харта слетело с ее губ в протяжном низком стоне.

Он отпустил ее, и ее бедра наконец безвольно обмякли. Он прижался щекой к ее разгоряченной коже, стараясь успокоиться. Это было не просто, но он старался. Но этот блеск в ее глазах...

Он понял ее. Они родственные души. Развратные и недобрые. И скрывающие это от всех. Но ей нравилось это. Нравилось исполнять приказы, нравилось отдаваться на столе. Риск и разврат горячили кровь. И как бы она ни пыталась переубедить себя, она ничего не могла поделать с тем, что хотела этого. И Харт вполне понимал ее.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Понимание помогло ему собраться с силами и поправить ее юбки. Быстрый взгляд на пол — и он поднял розовые панталоны.

Эмма пришла в себя. Она села и так быстро соскользнула со стола на пол, что Харт последовал за ней. Он упал на спину, и внезапно увидел себя со стороны: герцог, лежащий в неудобной позе на полу, растрепанный и красный, с женскими панталонами в руке. Довольно смешно. Недопустимо. Позор. Харт не мог удержаться от улыбки.

Его любовница, казалось, не оценила юмора ситуации. Она взглянула на него, обжигая взором потемневших глаз, затем потянулась и взяла у него деликатный предмет женского туалета, пробормотав что-то неразборчивое.

Харт разобрал лишь одно слово — «несносно».

Она выглядела рассерженной, когда, повернувшись спиной, приводила себя в порядок.

— Ты вся дрожишь, моя дорогая Эмма.

— Вы что, хотели замучить меня до смерти?

— Нет. Просто спровоцировать на что-то импульсивное.

— Ах вот как! Вы... — Она повернулась и обожгла его взглядом. — Вам не стоит так радоваться. Не только потому, что это полнейший абсурд, учитывая ваше герцогское высокомерие, но вы так наивны в своей радости. Я не буду вашей любовницей. Ваши усилия тщетны.

— Возможно. Но не твои, я надеюсь. Кажется, ты получила то, что хотела?

Она изобразила на лице отвращение.

— Вам-то какое дело? Вы, несомненно... — Она описала рукой круг. — Это не смешно.

— Нет. — Харт покачал головой и наконец встал на ноги. — Это не смешно, разумеется. — Он обнял ее, прежде чем она успела возразить. Звук замер на ее губах, когда он прикоснулся к ним своим ртом. Он целовал ее. И когда позволил ей уйти, она заморгала и прижала пальцы к губам.

— Я все-таки не буду вашей любовницей, — прошептала она.

Харт наклонил голову.

— Я верю, что ты можешь отказать мне, Эмма. Но не верю, что ты сможешь отказать своей собственной натуре.

Ее розовые щеки побледнели в ответ на его слова.

— Мне кажется, ты сегодня не завтракала. Позволь проводить тебя в столовую?

Эмма покачала головой. Повернувшись, чтобы собрать свой выигрыш, она прошла мимо него, не говоря ни слова. Он проводил ее до дверей, но когда ее рука легла на дверную ручку, дверь внезапно открылась.

— Ох! — Удивленная горничная ахнула и присела в реверансе так быстро, что едва не упала. — Извините. Мадам! Сэр!

— О, ради Бога, — пробормотала Эмма, и девушка попятилась. Но Эмма не смотрела на горничную. Она посмотрела на дверь и потом на Харта. — Больше не осуждайте меня за неблагоразумие, Харт. Вы превзошли меня.

— Согласен, — хмыкнул он, чувствуя себя легко и свободно, так, словно сбросил несколько лет.

Толстый ковер лишал ее возможности получить разрядку, которую она хотела обрести, ходя из угла в угол своей комнаты. Ее шаги, как назло, звучали слишком тихо, и она готова была запустить чем угодно в стену, лишь бы поднять шум. И каждый ее шаг напоминал о новом ощущении между ногами. О болезненном удовлетворении, которое растекалось внутри.

Господи! Она хотела большего... Большого, большего... И это было именно то, чего она боялась. Она сознавала всю необузданность желания, кипевшего в ней. Он пробудил чувственность, которая скрывалась внутри ее. Она хотела его опять, сейчас же. А потом остаться в его постели, томная, голая... Ожидая его возвращения с ужина. Дать ему все, что он потребует. Спать с ним, просыпаться с ним. Она хотела испытать блаженство от слияния их тел.

Эмма прижала руку к воспаленному лбу и прикрыла глаза. Ей нужно взять себя в руки. Но она никогда не думала, что его прикосновения могут быть такими потрясающими. А его рот...

— О Боже, его рот... — простонала она.

Ей следует уехать. Да, уехать. Бежать прочь до захода солнца и вернуться назад в холодный маленький дом в Лондоне. Но джентльмены потеряли деньги, так же как она потеряла свою волю. Она выиграла почти триста фунтов за два дня. Уехать — значит потерять столь выгодную возможность увеличить свой капитал. Она не может позволить себе подобную роскошь. Она должна остаться еще на один день и продолжить игру.

Она думала, что была жесткой с ним в это утро. И высокомерной, какой только могла быть. Получая удовольствие оттого, что сводила его с ума, флиртуя с другими мужчинами, раздражая его своей дерзостью. И он был так зол, что ей это нравилось — его испепеляющий взгляд и грубые требования.

Ни один мужчина никогда не воздействовал на нее так. Откуда Харт мог знать, как к ней подступиться? Или другие леди тоже таяли от вожделения, когда им приказывали поднять юбки? Эмма задрожала при мысли, куда бы все это могло ее увести, — она бросила бы свои планы на ветер, и это было бы началом ее конца.

Если она и сомневалась, что развратная кровь отца течет в ее венах, то сейчас получила неопровержимое доказательство.

Ее единственное спасение заключалось в ее лжи, говорила она себе. Именно ее желание избежать разоблачения заставит ее покинуть Лондон, прежде чем греховная жизнь войдет в привычку. Но до начала сезона, когда большинство представителей высшей знати, в том числе и представители ее графства, вернутся в город на сессию парламента, еще слишком далеко, и она не сможет так долго избегать его постели, поэтому у нее нет другого выбора, как уехать, исчезнуть до того, как ее обман раскроется. Но может быть... Пока еще... Если бы она могла попросить его еще разочек прикоснуться к ней... там...

Безумие, шипел ее мозг, и она знала, что это правда. Безумие. Не говоря о глупости. И она не сделает этого. Никогда.

Но это счастливое вожделение в его улыбке, когда они были в игровой комнате... оно будет преследовать ее во сне и наяву, потому что если он выглядит так после того, как доставил ей удовольствие, то, что же будет, когда он сам обретет его?

Она не позволит себе узнать это.

Ее противник, лорд Честершир, поднял свои маленькие глазки и, глядя на нее, усмехнулся с триумфом. Марш тоже посматривал на нее, облизывая губы. Эмма хотела, чтобы Сомерхарт стоял за ее спиной, но он ушел часом раньше.

Марш наклонился ближе и проговорил, глядя на ее грудь:

— Похоже, удача изменила вам, леди Денмор. Могу я предложить вам мою руку, чтобы прогуляться по комнате?

Вот идиот... Даже Честершир бросил на него удивленный взгляд. Если и оставались какие-то сомнения по поводу ее отношений с Сомерхартом, то все они испарились во время обеда. Они сидели на противоположных концах стола, но расстояние не останавливало Сомерхарта от своих притязаний. Он то и дело бросал на нее многозначительные взгляды, не говоря уж об улыбках. Кое-кто из гостей смотрел на нее с нескрываемым любопытством. Герцог по прозвищу Холодное Сердце никогда не позволял себе столь открытого проявления чувств.

Но лорд Марш, очевидно, не собирался открыто ухаживать за любовницей герцога. Скорее всего он обдумывал другую стратегию. И был прав относительно одной вещи — удача не могла постоянно сопутствовать Эмме. Она была не в себе. Она потеряла сто восемнадцать фунтов стерлингов только за последний час. Марш понимал, что пришло время усилить атаку.

— Итак? — спросил он, почти прикасаясь лицом к ее ключицам. — Вы не хотите немного отвлечься?..

— Лорд Марш, — проговорила она сквозь зубы, хотя только что улыбалась публике. — Вы не отодвинете ваше лицо от моей груди?

Он повиновался, но окинул ее суровым взглядом.

— Утром вы не были так холодны.

Замечание Марша привлекло всеобщее внимание, так как было произнесено слишком громко, и разговоры за столом прекратились. Эмма прикусила губу.

— Утром у меня шла игра, Марш. Я могла себе позволить быть снисходительнее с менее удачливыми игроками. Извините меня, джентльмены.

— Глупо! — услышала она шепот Честершира, когда отошла. — Вы могли бы по крайней мере помолчать об этом.

Марш что-то пробормотал в ответ, но Эмма уже вышла из комнаты.

Весь день напряжение не покидало ее. И не только из-за мыслей о Сомерхарте и искушении, но и из-за поведения мужской половины гостей. Джентльмены начали вести себя с ней более сдержанно. За ленчем некоторые леди попытались прекратить разговор при ее появлении. Они снисходительно улыбались, но было очевидно, что разговор касался ее, или Сомерхарта, или их обоих.

А к обеду и мужчины странно поглядывали на нее и бросали косые взгляды, когда она проходила мимо. Эмма все больше беспокоилась, думая, что кто-то подсмотрел за ними утром, когда они были в игровой комнате. Но нет, говорила она себе, этого не может быть, они бы обязательно слышали, если бы кто-то подглядывал за ними.

Ее раздражение перешло в злость, в течение часа она переходила от одного стола к другому, затем направилась на застекленную террасу, которую отделяли от музыкального

салона стеклянные двери с мягкими бархатными шторами. Из салона раздавались звуки музыки. Кто-то играл на рояле, по-видимому, там собралось общество леди. Настоящих леди. Эмма спряталась среди изумрудно-зеленых листьев апельсиновых деревьев и орхидей. Двери салона были закрыты, поэтому она подняла защелку и приоткрыла дверь на дюйм, не больше. Звуки музыки наполняли воздух, смешиваясь с приглушенным гулом женских голосов.

В поместье Моултеров присутствовало не так уж много женщин, большинство были женами почтенных джентльменов. Хотя были приглашены еще две состоятельные вдовы и одна вдовствующая графиня. Графиня обожала игру в пикет и сплетни. Ее голос перекрывал все остальные голоса.

— Я просто представить не могла, что она на такое способна!

Глухой мужской голос перебил:

— Именно об этом я думаю весь вечер.

— Что ж, — продолжала графиня, — видимо, в ней что-то есть, хотя она кажется такой простенькой. А герцог! Он же недаром носит прозвище Холодное Сердце, и вот, пожалуйста, растаял как первый снег на весеннем солнце!

Другая леди кашлянула, прочищая горло.

— И это еще не все... Я заметила незнакомый блеск в его голубых глазах и видела, как он снял женский волос со своих брюк и вышел, не говоря ни слова.

Графиня разразилась смехом. Эмма была уверена, что она слышит, как другая леди вскипела.

— Это так грубо! — выпалила она.

— О, моя бедная леди Уорстер! Простите! — Несмотря на извинения, графиня продолжала смеяться еще несколько секунд. — Я как-то слышала, как герцог сказал, что если и найдется в графстве хоть одна леди, которая не обсуждала бы цвет его глаз, то он вырвет их и подарит ей.

— Эти грубые выражения... их просто немислимо слышать!

— Но придется. Вы слышали, что он приобрел еще одну железную дорогу? Теперь их у него уже три.

Мужчина покашлял.

— Да, видимо, в ней что-то есть. Герцог, оказывается, не лишен человеческих чувств.

Графиня усмехнулась:

— Ха! Он был «не лишен человеческих чувств», когда я была графиней Шрусбери. Или нет... скорее в нем есть что-то от сатира.

Старческий женский голос задрезжал от смеха:

— Да, козел с копытами. Письмо... одним словом.

— Письмо! Вы видели его?

— О, я видела.

Эмма прижалась к двери, закусив губу. Письмо. Она слышала, как шептались о нем, до нее доходили скудные обрывки информации. Уже стало легендой послание, которое Сомерхарт написал своей любовнице.

Она была уверена, что история была придумана, несмотря на утверждение очередного «очевидца», что он «видел записку собственными глазами». Мужчина по прозвищу Холодное Сердце действительно был высокомерным и сдержанным. И Эмма с трудом верила, что такие слова, как «вожделение» и «пронзить божественные бедра», могли быть

написаны его рукой. Конечно, он никогда не стал бы возводить похоть в ранг поэзии. Даже после их утреннего общения она не могла бы поверить, что этот мужчина когда-то сделал предложение женщине на десять лет старше его, которая к тому же была любовницей полдюжины пэров.

Несмотря на все усилия Эммы, слухи о его прошлом доказывали обратное. Голоса за дверь стали глуше, так как никто не хотел рисковать и заслужить неодобрение герцога. Он слишком ясно продемонстрировал свой характер за последние десять лет.

Он никого не подпускал близко к себе. Никого. Но даже шапочное знакомство с Сомерхартom было предпочтительнее холодного отчуждения или открытой враждебности с его стороны. Сомерхарт скупал чужие долги, когда слышал особенно резкие комментарии в адрес своей скандально известной сестры. Долги были тут же востребованы, и прежние условия договора менялись на глазах должников непостижимым образом. Одни просто предпочитали не ссориться с герцогом... другие, не имея ничего, ничего не теряли.

Эмма прислонилась головой к косяку двери. Подслушивание — дело никчемное, но она не хотела уходить, не подведя итог своему ночному представлению. Сдержанное изумление, чуть приподнятые брови и влажные губы... И тут же другая уловка — притворство, что она любовница Сомерхарта.

Эмма прижала пальцы к глазам, словно это могло унять то болезненное напряжение, которое в них было.

Притворяться его любовницей было тяжело — все равно что бороться с собой. Бороться против того, чего она хотела так сильно, против вожделения и радости, против чего-то недопустимого и вместе с тем необычайно притягательного.

И внезапно Эмма поняла невероятное: Харт шептал ей слова, которые никогда, никогда не могли прежде сойти с его губ.

Но разве он уже не сделал невероятные вещи — они осветили его глаза радостью, — приказав ей поднять юбки и раздвинуть ноги, целуя, лаская, рискуя всем? О, он наслаждался этим, погружался в это с той же отдачей, как и она. Он, всегда такой холодный и замкнутый. Развратный и недоступный. Чувственный и абсолютно закрытый. Словно две взаимоисключающие половинки двух разных людей.

Уйдя в свои мысли, Эмма глубоко вдыхала дивный запах деревьев и душный аромат цветов. Комната освещалась только рассеянным светом канделябров, тяжелые шторы отделяли ее от холодной ночи. Место было уютное и безопасное. Дивное уединение. Воздух, как теплый, приятный ручеек, тек по ее коже каждое мгновение, когда она двигалась, и она находила защиту даже в этом. Мир отодвинулся от нее, и она была рада, что нет рядом ни одной живой души.

Здесь, в эту тихую лунную ночь, она чувствовала себя посреди лета, и ей хотелось свернуться на постели из зеленой травы. Если бы ей не надо было хранить свой секрет, она могла бы обрести мир и покой.

Кто-то другой сел за инструмент. И теперь музыка звучала мажорно и громко. И последнее напряжение оставило тело Эммы. Она унеслась в воспоминаниях далеко-далеко... Туда, к пруду около дома ее дяди...

Она лежала с книжкой в высокой траве. Или, может быть, еще дальше, на океанском побережье со своей матерью. Счастливые, ничего не опасавшиеся... как всегда, когда им удавалось куда-то уехать. Но эта уютная сцена — она притулилась к матери, та нежно гладит ее по голове — была преисполнена плохого предчувствия, неясного ожидания того, что

ждало ее впереди, поэтому Эмма попыталась отогнать это видение.

Ее глаза открылись. Он стоял перед ней, скрестив руки на груди и наблюдая за ней.

— Харт, — прошептала она, не понимая, рада она видеть его или нет.

Он медленно наклонил свою красивую голову к плечу.

— Эмма, — прозвучало в ответ. Его язык смаковал ее имя, и его губы разошлись в полуулыбке, которая тотчас исчезла, и гримаса недовольства заменила ее. — С тобой все в порядке?

Эмма, отклонив голову назад, прислонилась к стене и кивнула.

Его холодные, жесткие глаза изучали ее. Пристальный осмотр, казалось, не удовлетворил его.

— Я помешал?

— Нет. Я... — Музыка закончилась красивым пассажем, который напомнил Эмме о ее цели. Она прикрыла французские двери, чтобы никто не подслушал их. Когда она снова повернулась к Харту, его голубые глаза сверкали изумлением.

— Подслушивала?

Она пожала плечами и отодвинулась от стены, остановив взгляд на бокале в его правой руке.

— Я надеюсь, это для меня?

И тут он улыбнулся по-настоящему.

— Ты бесстыдница.

— Мм... Умираю от жажды.

Он протянул ей бокал бренди, и Эмма быстро опустошила его. Харт взял пустой бокал из ее рук и поставил на низкий стол.

— От кого ты прячешься, Эмма?

— Я плохо играла сегодня. — Она прошла мимо него, пробегая пальцами по блестящим листьям деревьев.

— Я говорю не о сегодня, а о каждом вечере.

Несмотря на шок от его слов, Эмма улыбнулась:

— Не драматизируйте, Сомерхарт. Я прячусь не больше, чем вы. — Она бросила многозначительный взгляд, и он в недоумении приподнял брови.

— Что ж. Тогда от кого ты прячешься сегодня? Или ты сбежала сюда, чтобы шпионить за другими гостями?

— Возможно.

— Если ты хотела послушать музыку, то могла просто войти в салон.

— Может быть. — Она была не в состоянии сдержать улыбку, хотя старалась склонить голову к апельсиновому дереву, а не к этому невозможному мужчине.

— Ты услышала что-то интересное?

— Менуэт Гайдна и «Багатели» Бетховена.

— И?..

Эмма вздохнула и тяжело опустилась на каменную скамью.

— Я не думала, что вы так любите сплетни.

Он не смягчился.

— И я не думал, что ты любишь их, Эмма.

Она ничего не могла поделать и подняла голову, услышав свое имя, произнесенное с таким неподдельным чувством.

— Что-то не так?

Она глубоко вздохнула и сдалась.

— Люди стали странно относиться ко мне...

— Плохо? — перебил он.

Эмма покачала головой:

— Нет, только... они, кажется, удивлены.

— Удивлены?

Эмма встретила его взгляд и выдержала его.

— Они сплетничали о женщине, которая смогла растопить лед в душе герцога Холодное Сердце.

— Я понимаю.

— Они находят меня абсолютно ординарной и не могут понять, чем я могла заинтересовать вас...

Его скулы ходили ходуном, но он не сказал ни слова.

— Тебе просто ненавистна мысль, что кто-то обсуждает тебя. Тогда зачем ты слушаешь сплетни? И без всякой причины я напоминаю тебе, что не хочу отступать. — Хотя его лицо хранило напряженное выражение, Сомерхарт пожал плечами и опустил руки. — Я должен сказать, что утром получил такое наслаждение, какое этим людям и не снилось.

— Но больше этого не случится. — Она вложила в это заявление силу, какую на самом деле не чувствовала, и он невольно улыбнулся. Эмма сдержалась, понимая, что он пустит в ход все свое обаяние, понимая, что она может уйти, так и не приняв решения.

Но он удивил ее. Вместо того чтобы сесть рядом с ней, Сомерхарт занял скамью напротив. Казалось, он снова настроен на разговор.

— У тебя есть семья?

— Нет. Расскажите мне о своей сестре.

Он хмыкнул и скрестил длинные ноги.

— А что ты хочешь узнать?

— Она и вправду такая скандальная?

— О да. Правда.

Эмма улыбнулась теплоте его голоса.

— Вы, кажется, любите ее.

— Конечно. Она моя сестра. Почему ты не стремишься выйти замуж?

Эмма расслабилась, но тотчас снова напряглась.

— Вы должны осмотрительнее выбирать тему, сэр. Вдруг леди поймет вас не так? Решит, что вы клоните к переговорам о замужестве...

— Прости. — Его глаза потемнели от ужаса, а Эмма зашлась смехом, радуясь, что она не какая-то юная девушка, мечтающая выйти замуж за красавца герцога.

— Вы уже второй раз спрашиваете меня о замужестве. Вам действительно интересно?

— Господи, обычно я более осторожен. Это все ваше дурное влияние, я уверен.

— Мое?

— Ваше безрассудство заразительно.

Его взгляд остановился на ее губах, и она поперхнулась.

— Вы думаете, это безрассудно — избегать замужества?

— Я холостяк, мадам. И с моей стороны безрассудно даже находиться здесь рядом с незамужней женщиной. Многие из них прячут свои коготки до удобного случая, вы

понимаете?

— То есть охотятся, да?

— Именно.

— Так вот о чем вы думаете, Харт? Если речь идет о любовнице, то я худший выбор, какой только можно представить. Не замужем, бедная. И поэтому готова прельститься богатством и вниманием. И потом у меня дурная слава! Ради всего святого напрягите ваши герцогские мозги!

Ее речь не имела эффекта, или, скорее, вызвала широкую улыбку.

— Вы резки, моя госпожа.

— Я вовсе не ваша госпожа.

— Ты станешь ею.

— Едва ли.

Улыбка растаяла, превратившись в нечто тайное и робкое.

— Я должен опять приказать вам поднять юбки? Или на этот раз, может быть, что-то более безумное?

Более безумное? О Боже! Во рту стало сухо, как в пустыне.

— Нет, — начала она, но он прервал ее:

— А вы очень непослушная, да, Эмма? — Она чувствовала себя в безопасности из-за расстояния, отделявшего их друг от друга, но он опасен на любом отдалении. — Вы на столе — эта картина ни на минуту не покидает меня. И я думаю, исполните ли вы другой приказ?

— Нет.

— Что, если я потребую, чтобы вы встали на колени, Эмма? Прямо здесь?

Его слова отозвались дрожью внутри ее. Она не открыла рта, даже чтобы вздохнуть. Воображение разыгралось... Она видела подобные вещи в доме отца.

Харт наклонился вперед, локти уперлись в колени.

— Вы сделаете это, Эмма?

Она покачала головой, чувствуя, как напряглись ее соски. Его веки опустились...

— Я думаю, что сделаете.

— Нет. — Она сжала вместе подгибающиеся колени. Харт смотрел на нее невидящим взором. — Я ехала в Лондон не для того, чтобы найти любовника.

— И, не думая, заимели.

— Нет.

Отклонившись назад, он бесцеремонно рассматривал ее лицо.

— Ты хочешь, чтобы я взял ситуацию в свои руки? — Он улыбнулся, и кровь отлила от ее лица. — Не правда ли? Ты хочешь, чтобы я сказал тебе, что делать, так чтобы у тебя не оставалось иного выбора, как послушаться и получить наслаждение.

— Я хочу, чтобы вы оставили меня в покое!

— Сегодня утром ты хотела совсем другого... — Его взгляд опустился, щеки порозовели. — Там. Ты требовала этого.

— Я... не...

— Что? — Резкий взгляд растаял в мягкости, превратившись в дымку голубого желания. Его рука поднялась, и пальцы пробежали по переду ее юбки. Легкое прикосновение по синему атласу. — Ты пахнешь, как... Как то место, где я хочу быть, Эмма.

— О-о... — Она хотела дать ему это. Дать ему все. О Боже. Она хотела. — Я не могу. Вы не понимаете! — Неловко пошатнувшись, Эмма освободилась от его гипнотизирующей

близости.

Он медленно поднялся, разбивая чары, которыми сам окутал ее.

— Чего же ты хочешь?

Эмма отошла, но он преградил ей путь. Она чувствовала его длинные пальцы и тепло, которое они таили.

— Вызов? — Он кивнул в ответ на свой вопрос. — Вызов. Я делаю это слишком просто для вас. Для женщины, которая обожает рисковать.

— Нет, я не хочу...

— Прекрасно. Я не приду к вам сегодня ночью. Я не проситель и никогда им не буду. Но вызов? Я принимаю его. Мне нравится это.

Ее спина уперлась в стену. Она была всего в шести дюймах от закрытой двери, но Харт опередил. Прежде чем она могла взяться за ручку двери, его ладонь уперлась в стену над ее головой. Он нависал над ней всей мощью своего тела, его пьянящий запах проникал ей в душу.

Казалось, ее груди стали на несколько размеров больше и выглядывали из корсета при каждом коротком вздохе.

— Ты не даешь себе воли, Эмма, — прошептал он. Слова щекотали ей ухо, она чувствовала его дыхание. Дрожь пробежала по шее, по груди и животу. — Приди ко мне. — Ее шея изогнулась, ища его рот. — Если придешь, Эмма, я могу дать тебе то, что ты хочешь. А возможно, даже больше, чем ты сможешь выдержать. Риск. Вот что тебе нравится, да? Играть с огнем. Что ж, давай поиграй со мной.

Она дрожала, именно так, как он хотел. Его дыхание стало теплее, ближе, его губы вот-вот должны были коснуться ее рта и не касались. Его рот прикоснулся к ее виску, и тогда он выдохнул тайное желание.

— Прикажи мне встать на колени, Эмма.

Она задохнулась и слепо ухватилась за ручку двери. Когда она выскользнула из его рук, Харт позволил ей уйти без единого слова.

Шутки и смех то и дело раздавались в толпе, окружавшей Эмму, и она заставила себя улыбнуться. Она старалась расслабиться в кресле, дарившем уют и комфорт, но ее тело протестовало. Каждую минуту она чувствовала себя прижатой к спинке сиденья, прямая спина ныла от напряжения.

Не помогло и то, что она выиграла третью партию в бильярд. Она представления не имела, как играть, и поэтому ей пришлось наблюдать и зависеть от других игроков. А она больше всего не любила зависеть от других.

Ерзая в своем кресле, Эмма провела рукой по тугому корсету. Движение привлекло внимание по крайней мере пары глаз. Шея покраснела от сознания собственной неловкости.

Она нахмурилась. Ей не надо было поворачиваться, она и без того знала, что он здесь. Стоит, прислонившись к стене, чувствуя на себе подобострастные взгляды людей, толпившихся поблизости, и уйдя в свои мысли.

Уйти к себе и лечь в постель? Нет, ей будет только хуже. И здесь тоже не для чего оставаться, потому что игра в бильярд превратилась в ожесточенный турнир, где женщине делать нечего. Правда, Сомерхарт не принимал участия. Он был выше этого. Выше. Ха.

«Прикажи мне встать на колени». Он целенаправленно возбуждает ее. Засев в ее сознании как заноза.

Лорд Марш, который уже вышел из игры, украдкой подошел к ее стулу и положил руку на высокую спинку.

— Леди Денмор, поздравляю вас. Фортуна снова повернулась к вам лицом.

— Мистер Джонс дал верный совет.

— Надежный щенок этот молодой человек.

Эмма молча смотрела на игроков. Ее тело ныло от бездействия, ей хотелось принять участие в игре. Казалось, это не так уж трудно. Но она знала, что игра на бильярде требует навыка и умения. Это не так просто, как кажется.

— Леди Денмор... — Марш придвинул голову ближе, хотя избегал проявления интимности, продолжая следить за игрой. — Я думаю, весьма справедливо предупредить вас — вы ведь новичок в нашем обществе, — что Сомерхарт известен как...

Слуга прервал его, и Маршу пришлось отодвинуться. Эмма не обратила внимания. К чему ей лишнее беспокойство? Ей хватает своего собственного.

— Миледи, — произнес дворецкий, протягивая ей письмо на серебряном подносе. Эмма удивленно оглянулась вокруг. И только потом поняла, что он обращается к ней.

— Это мне? — Как странно. Это, конечно, не предложение тайного свидания, чего можно было ожидать от кого-то из джентльменов, собравшихся здесь. Корявый почерк говорил, что письмо пришло из Лондона.

Слуга удалился, а она, немного растерявшись, продолжала смотреть на конверт. Никого не было за этими стенами, кто бы мог написать ей. Слишком рискованно открывать конверт здесь, в присутствии гостей. Эмма поднялась и направилась к дверям.

Она думала, что Сомерхарт идет за ней, и эта мысль заставила ее идти быстрее, а по спине побежали мурашки.

Эмма завернула за угол массивной лестницы и вдохнула пропитанный лимоном воздух. В детстве так пах ее дом, когда паркет натирали полиролью, но это было еще при жизни матери. Потом дом пропах табаком.

Быстро вскрыв конверт, она узнала почерк Бесс.

Ее пульс участился. Вор. Разбитое окно. Ничего не украли. Ничего не пропало. Какой странный вор. Или не вор вовсе.

Мэтью, будь он проклят! Это был он.

Что ей следует делать? Здесь, конечно, ничего. Она должна вернуться в Лондон и постараться переубедить его, но как?

Сердце ее бешено заколотилось. Ей нужно продержаться еще несколько недель. Если бы она могла убедить, умаслить его, пообещав, что вернется в Чешир и подумает о замужестве...

Или, может быть, пришло время сдать? Если ее арестуют, все ее деньги уйдут на взятки и гонорары адвокатам. Но у нее их пока недостаточно. Зачем тогда рисковать всем, если она останется с тем же, что у нее было до приезда сюда? Тысяча фунтов поддержит ее в течение нескольких лет, но у нее нет ни ремесла, ни постоянного дохода и абсолютно нет намерения требовать помощи от других.

Но пока в ее руках недостаточная сумма.

Эмма смяла записку и, завернув за угол, пошла по главной лестнице. Мистер Джонс соберет ее деньги и сохранит их до того момента, когда она сможет забрать их. Она доверяла ему. Но она больше не может пользоваться его добротой. Если он узнает правду, то его реакция будет точно такой же жесткой, как любого другого джентльмена из тех, что

окружают ее. Злость. Наказание. Они захотят поставить ее на место. У нее нет желания ждать, пока правда откроется.

Сложить вещи? На это уйдет не больше часа. Что ж, тогда она может поспать и успеет до рассвета собраться.

Никогда прежде Эмма не задумывалась над тем, как переменчиво время. Как минута может обернуться мгновением, а ночь тянуться неимоверно долго.

Этой ночью ожидание и страх снова и снова терзали ее душу, и время, казалось, остановилось. Она ощущала дрожь и усталость и не могла спать. Да и зачем? Кто знает, принесет ли сон облегчение? Хотя до рассвета оставалось еще несколько часов и она могла бы поспать часа четыре.

Она хотела, чтобы страх прошел. Страх рождал сомнения, а сомнение — худшее в этой игре.

Заклученная в пространстве комнаты, Эмма решала: то ли ей и дальше ворочаться на смятых простынях, то ли... Она предпочла подняться с постели и ходить из угла в угол, отчетливо печатая каждый шаг.

Ей не следовало вообще приезжать в Лондон. Что, если она потеряет все, включая собственную свободу? Так много сомнений...

Эмма зашагала быстрее, бездействие выводило ее из себя. Она должна что-то сделать.

Так много сожалений...

Может быть, ей следовало остаться в Чeshire? Но Мэтью не желал мириться с ее отказом. Он стал таким агрессивным, таким несносным. И даже спустя месяцы после смерти дяди, Эмма, всякий раз проходя мимо дядиного дома, ощущала свою вину. Если бы она не ушла в ту ночь, если бы осталась дома, то могла бы спасти его, когда начался пожар...

Она потеряла рукой мокрое от слез лицо. Увы, смерть дяди не была для нее единственным горем. Она уже знала, что такое потеря. Ее брат погиб, и в этом она тоже видела свою вину. Она знала об опасности, знала, что отец пьян, и позволила ему взять Уилла кататься. Она совершала ошибки, от которых пострадали другие.

Уилл... Его тело было таким холодным. Неподвижным и мертвым.

— О Господи, помоги! — молила она. — Пожалуйста! — Боль в груди не желала ослабевать. Вина, как змея, жалила ее душу. Эмма подошла к окну и подняла скользящую раму.

Морозный воздух ворвался в комнату, охлаждая ее разгоряченную кожу. Ветер прижал рубашку к телу, окутав ее холодом. Эмма с такой жадностью глотала холодный воздух, словно тонула в воде. Она вдыхала его отчаянными глубокими вдохами.

Наконец дыхание пришло в норму, и она прислонилась к подоконнику.

Ей необходима разрядка. Вот в чем дело. Что-то, что бы отвлекло ее от ее мыслей. Если она сможет выдержать эту ночь, она сможет урегулировать все проблемы в Лондоне или по крайней мере незаметно исчезнет из города. Нужно только выдержать эту ночь. Продержаться. Преодолеть эти трудности так же, как она преодолела другие.

Эмма потянулась вперед, ее плечи коснулись стекла. Она подставила ночному воздуху шею. Она не знала, почему холод успокаивает ее, не понимала, почему она находит зиму такой желанной и привлекательной. Она только знала, что все остальное душит ее, вытесняя кровь и воздух из тела. Но, уйдя отсюда, она смогла бы дышать.

И, как ни странно, она могла дышать, когда рядом был Харт. Даже когда они постоянно спорили, даже когда он подталкивал ее к тому, чего она не хотела.

«Прикажи мне встать на колени».

Эмма испустила глубокий вздох, затем медленно, насколько могла, набрала в легкие свежего воздуха.

Она не могла рисковать. Ситуация становилась слишком опасной. Она не могла пойти в его комнату и позволить ему прикоснуться к ней. Ее желание было тонким, как паутина, измученным отчаянием и ранимостью. Но Харт, несомненно, мог дать ей то отвлечение, в котором она нуждалась.

Потрясающий мужчина. Все понимающий. Понимающий и ее одиночество, и ее проблемы.

Харт.

Это будет безумием, если она позволит ему быть рядом в эту ночь. Полное безумие.

В его комнате было тихо и слишком темно. Холодный воздух из коридора, смешавшись с теплым, насыщенным запахом из его спальни, ударил Эмме в лицо. Она задрожала и, подняв босую ногу с ковра в коридоре, переступила порог.

Когда она прошла дальше, ее глаза начали различать слабый свет ночника на столике у кровати. Короткие волосы Харта черным пятном выделялись на подушке. Одна рука была широко откинута в сторону, и Эмма быстрым взглядом прошла по ее мускулатуре, по его широким плечам.

Простыни ограничивали угол видения, и ей хотелось сорвать их, чтобы обозреть его обнаженное тело.

От волнения и сознания рискованного шага ее кожа покрылась мурашками. Она проникла в спальню мужчины, и не просто мужчины, а героя ее многолетних фантазий. Его кожа блестела в свете свечи, и хотя Эмма не могла разглядеть его лица, она видела контур его скулы и уголок рта.

Господи, как же она хотела прикоснуться к нему, погладить его кожу, осязать каждую часть его тела, но она не для этого пришла сюда. Она не смогла бы выдержать столь ошеломляющего искушения. Если она прикоснется к нему, она захочет пойти дальше... Захочет почувствовать его внутри себя.

Она задрожала от одной этой мысли. И, закрыв дверь, прижалась к ней спиной.

Мерцающий свет ночника постоянно изменял черты его лица, но она смогла разглядеть суровую линию рта. Его длинные пальцы были напряжены. Эмма наблюдала, вспоминая...

Ее губы онемели, и она облизнула их.

— Нет, — невольно проговорила она шепотом. — Не вставай с постели.

Харт шевельнулся и приподнялся, вглядываясь в темноту.

— Кто здесь?

— Я, — ответила она, — это я.

Его беспокойство испарилось. Но только на один миг. Затем в темноте сверкнула белозубая улыбка.

— Эмма. — Нога высунулась из-под простыни. Он хотел встать.

— Остановись!

Харт замер.

— Не вставай.

Он взглянул на свою ногу, потом на нее.

— Но могу я накинуть халат?

— Нет, оставайся там.

Харт потер рукой сонные глаза.

— Ты хочешь присоединиться ко мне? Ждешь, когда я приглашу?

Она могла только покачать головой, сохраняя отвагу для следующей просьбы.

Сомерхарт в раздумье пожевал нижнюю губу.

— Не знаю, чего ты хочешь, Эмма, но сейчас середина ночи и ты пришла ко мне...

— Откинь одеяло, — быстро проговорила она.

— Что?.. — Он пристально взгляделся в нее.

Эмма спрятала дрожавшие руки в складках юбки и постаралась придать голосу побольше твердости.

— Я хочу видеть тебя голым. Откинь одеяло в сторону.

На какой-то момент он замер, затем эмоции одна за другой пробежали по его лицу, как облачка: шок, любопытство и затем наконец что-то сильное и горячее и невозможно рискованное.

— Ты приняла мой вызов, Эмма?

Она сжала пальцы и оттолкнулась от двери.

— А сейчас сбрось с себя все. — Она не хотела давать ему время на раздумье, не хотела слышать его комментарии.

Ее авантюра принесла плоды. После долгого удивленного взгляда Харт послушался. Глядя ей в глаза, он потянул вниз темно-зеленый шелк, открывая свое тело.

Ее глаза, должно быть, приспособились к темноте, потому что она угадала очертания его тела прежде, чем он убрал простыни.

Дыхание остановилось в груди при виде его наготы. Темные волосы покрывали его широкую грудь, сбегали вниз по сильному, мускулистому животу, затем опускались еще ниже — туда, где кустилась темная поросль волос.

Ее сердце не издавало ни звука, но Эмма была убеждена, что дышит. Его тело было прямо перед ней, он опирался на один локоть, и ничто не мешало ей увидеть его мужское естество.

Прикусив губу, чтобы сдержать стон, она любовалась им, обхватив себя руками. Ее ладони сжимались и разжимались, теребя тонкую шерсть юбки.

— И?.. — пророкотал он. — Тебя удовлетворяет то, что ты видишь?

О да. Да, он очень сильно порадовал ее и порадовал бы еще больше, если бы сделал то, что ей хотелось.

— А теперь, — сказала она, — поласкай себя.

— Что?

— Поласкай его... Я хочу посмотреть... какие движения доставляют тебе удовольствие. — Все ее тело вздрагивало при каждом слове.

Шок снова отобразился на его красивом лице, и когда он прищурился, его брови сошлись на переносице.

— Зачем?

— Пожалуйста!

— Объясни — зачем?

Она опустила глаза вниз и наблюдала, как он вздрогнул, словно она прикоснулась к нему.

— Я хочу смотреть на тебя, Харт. Я хочу понаблюдать...

Он оттолкнулся от постели и начал спускать ноги на пол. И Эмма тут же потянулась к

дверной ручке.

— Если ты коснешься пола, я уйду. Ляг.

Он еще больше нахмурился, но лег, опираясь на локоть.

— Вот так, хорошо. — Эмма вздохнула. От мучительного ожидания внезапный взрыв тревоги прошелся спиралью по ее спине. Она наблюдала за ним, ждала... ждала, что он возмутится ее требованием.

Он провел рукой по животу. Эмма облизнула губы.

— Сделай, как я прошу... — прошептала она, и это было действительно больше похоже на просьбу, нежели на приказ, и он наконец послушался. Его пальцы опустились ниже... и стали ритмично двигаться.

Она почти застонала, видя это. Охваченная безумной сексуальной силой, Эмма взглянула ему в лицо. Его скулы покраснелись. Глаза сверкали.

— Ты думал обо мне ночью, когда делал это?

— Да. — Его голос попадал в нее, высекая искры.

— Покажи мне.

Его рука неподвижно застыла, затем сжалась в кулак. И снова стала двигаться вверх и вниз...

Ее колени задрожали. И она должна была сильнее прижаться к двери. Но он больше не смотрел на нее. На его лице отпечаталось отрешенное выражение страсти и вожделения.

— Еще, — приказала она. И все его тело задрожало. Но он послушался. Снова его руке задвигалась, работая над плотью в медленном ритме.

Эмма сияла. Аура силы и радости разгоралась в ней все энергичнее.

Но собственные ощущения потрясали ее почти так же сильно, как его действия. Ее лоно пульсировало, лицо горело.

А Харт... Он был потрясающий. Длинная линия мускулов, гармоничные прикосновения к своей коже. Ритм его движений завораживал. Она хотела почувствовать его естество, легко пробежаться по нему пальцами, поработать над ним так, чтобы увидеть, сможет ли она воспроизвести этот ритм, за который он будет благодарен ей. Она многое повидала со стороны за свою короткую жизнь, но никогда не делала этого сама.

Вместо этого Эмма снова положила ладонь на свое лоно, и ее разгоряченная плоть тут уже отозвалась, достаточно было лишь легкого давления ладони, и Эмма застонала...

Харт повернулся к ней. Его глаза открылись, мутные от удовольствия. Но его взгляд не был мягок, когда прошелся по ее телу и остановился на ее руке. Она прижала пальцы сильнее, и свободная рука Харта сжала простыню около ягодиц. Губы его приоткрылись в гримасе вожделения.

Она возбуждала его глазами вместо рук, упиваясь безумием ночи. Она хотела запомнить его навсегда. Хотела думать об этом, когда будет лежать в постели, не имея ничего, кроме собственного воображения. И, да, он тоже не забудет это. Она знала, что не забудет.

Его бедра дрогнули. Эмма посмотрела на его лицо, он стиснул зубы. В глазах сверкал огонь, близкий к безумию.

— Смотри на меня, — прошептал он, и Эмма остановила глаза на его руке. Она ласкала себя все сильнее, и ее скулы задрожали. Она вторила его движениям. Свободной рукой он сжимал шелк простыни.

— Эмма, — прохрипел он, — да-а-а! — И затем содрогнулся в последнем завершении.

О да, она хотела почувствовать его там.

Получить то, чего никогда не знала.

Его глубокое, отчаянное дыхание постепенно приходило в норму.

— Уходи, — прошептал он.

Она покачала головой. Она не хотела уходить, он прекрасно знал это. Поэтому она стояла, стараясь не двигаться. Постепенно его дыхание стало почти нормальным, тело расслабилось. Его глаза открылись, прозрачно-голубые на фоне покрасневшегося лица.

Он прищурился. Его рот дернулся в гримасе.

— Уйди из моей комнаты. Сейчас же.

И Эмма ушла, затворив за собой дверь.

Легкое атласное одеяло приятно согревало тело, даря тепло и негу. Он чувствовал, словно утопает в мягком пуховом матрасе, и не испытывал никакого желания вылезать оттуда. Прикрыв рукой глаза, чтобы заслониться от утреннего света, он медленно погружался в глубокое сонное небытие.

Прошло несколько минут. А может быть, час. И он снова проснулся. И даже не успел потянуться в постели, как необычайное ночное происшествие ожило в его воображении со всей своей ясностью. И Харт вздрогнул. Его мускулы напряглись.

Какого дьявола он позволил себе это? Как мог допустить, чтобы такое случилось? Какого дьявола он пошел на это?

Возмущение Харта тут же откликнулось новым возбуждением, что еще больше разозлило его.

Неужели вождение так неуправляемо овладевает им? Как случается, что из сдержанного герцога он превращается в скандального повесу?

Ради всего святого, если она начнет рассказывать об этом ночном происшествии...

Харт сел и потянулся к колокольчику, но едва коснулся его, как камердинер постучал в дверь.

— Входите! — крикнул Харт. Кровь слишком быстро пульсировала в венах, отчего его лицо изрядно покраснело. Он хотел бы вернуть назад эту ночь или по крайней мере внести какие-то коррективы. Что-то, что он мог контролировать, несмотря на его вызов Эмме. Почему-то то, что произошло ночью, казалось ему куда хуже, чем если бы его застали в комнате для игры в карты, когда он насиловал женщину. Если узнают об этом, то тогда уж точно он станет посмешищем. Потворствовать капризу этой странной женщины...

Голова шла кругом, когда Уэллфорд принес чай и тост.

— Мне нужна вода, чтобы умыться, — сказал Харт.

Уэллфорд нахмурился, словно хотел сказать: «Конечно, сэр. Я приношу вам горячую воду каждое утро, даже когда вы не позволяете женщине так унижать вас».

Харт жадно глотал горячий чай. Когда его нутро согрелось, мысли начали медленно приходить в порядок. Он больше не глупенький юноша. Он мог дать себе волю ночью. В конце концов, не было ни свидетелей, ни доказательств... Хуже, если эта история распространится, и, чтобы этого не случилось, он должен заплатить этой женщине.

Он закончил жевать холодный тост, и Уэллфорд вернулся с кувшином горячей воды. Он разложил полотенца и мыло рядом с ванной, затем бритву и порошок для бритья.

— Я могу вернуться через минуту, чтобы побрить вас, сэр?

— Да, — ответил Харт, продолжая думать об Эмме, комната которой была всего лишь в нескольких шагах от него. Встала ли она? Не имело значения. Он увидит ее внизу и объяснится. Она рисковала в этой истории не меньше, чем он. Подвергаться риску — это одно, человек всегда вправе решать, стоит ли рисковать. Но позволить ей контролировать ситуацию было непростительной ошибкой.

Полчаса спустя он чувствовал себя гораздо лучше. И снова ощущал себя свежим и полным сил, когда, сбросив напряжение, поправлял белоснежные манжеты.

— Вы не могли бы передать записку в комнату леди Денмор, Уэллфорд? Интересуюсь, могу ли я сопроводить ее на завтрак.

Уэллфорд исчез с обычной быстротой. Мысли Харта снова закружились, но это не был страх, это было ожидание. Он скоро увидит ее, интересно, что принесет этот день? Будет ли она холодна? Или все еще будет дрожать от желания? Заставит его смеяться или сердиться? И ночью... Как будет развиваться их игра? Чьей комнатой они воспользуются на этот раз? Как далеко это пойдет?

Он снова контролировал себя. Она может управлять ситуацией. Он может управлять этой женщиной.

— Сэр...

— Мм...

— Мне кажется, леди Денмор уже ушла, сэр.

— Прекрасно. — Она, должно быть, уже спустилась к завтраку. Если он застанет ее...

Уэллфорд смущенно кашлянул.

— Что-то еще, Уэллфорд?

— Горничная сказала, что леди Денмор ушла около восьми, то есть уехала. Лорд Моултер предложил ей свою карету.

Харт замер, доставая из кармана носовой платок.

— Что?

— Похоже, она вернулась в Лондон, ваша светлость.

Все мысли Харта о самообладании и контроле испарились, когда он услышал это маленькое уточнение — «уехала». Это больно уязвило его гордость. О да, ему придется заплатить этой женщине.

Харт, подходя к дому, бросил взгляд на дверь Эммы и повернулся к Стимпу.

— Какой-то негодяй вторгся в ее дом почти два дня назад. Почему ты ничего не рассказал мне?

— Но я не вхожу в число ее прислуги, сэр. А ее горничная рассказала мне об этом только вчера вечером. Я хотел найти кого-то, кто бы написал за меня записку и доставил вам. Я упустил вас.

— Тебе было поручено следить за домом.

— Верно, но дом большой, а ночи длинные.

— Ты знаешь, кто был этот вор?

Мальчишка широко улыбнулся, открывая рот, в котором не хватало одного зуба.

— Не знаю, как его зовут, но знаю, где он ночует.

Настроение Харта тут же поднялось, и он улыбнулся в ответ.

— Что ж, уже лучше. Показывай дорогу.

— Это в нескольких кварталах отсюда, сэр. Придется ехать в карете.

Воздержавшись от высокомерного взгляда на сорванца, Харт поднял руку, подавая знак своему кучеру. Когда карета приблизилась, глаза Стимпа заблестели. Он старался не показывать, до чего счастлив проехаться лишней раз в карете, но он был прежде всего ребенком. Его большие карие глаза светились радостью, и Харт, покачивая головой, проглотил смешок. Мальчик упрямо отстаивает свою независимость, не стоит ему мешать.

— Залезай, — приказал Харт, когда карета остановилась. Мальчик запрыгнул в карету, ловкий, как кошка. — Приоткрой эту створку и скажи кучеру, куда ехать.

Стимпа не нужно было понукать. Он назвал адрес и, усевшись на подушки, натянул плед на колени, защищаясь от ветра.

Несколько раз он указывал кучеру дорогу. Карета свернула налево, потом направо и снова налево, затем, казалось, проехала по тому же самому месту еще раз. Харт был уверен, что поездка длится куда дольше, чем требовалось.

— Выкладывай, что тебе известно? — спросил герцог Стимпа.

— Кто бы он ни был, но он странный. Неразговорчивый и действует скрытно.

— Тот самый мужчина, который платил тебе за информацию в прошлом месяце?

— Угу. И он приходил прошлой ночью, и тоже ни слова. Я следил за ним. Не уверен, что вы хотите, чтобы вмешивался констебль.

Харт пожал плечами, сам не уверенный в этом.

— Он напрямик отправился в таверну, где напился до чертиков. А теперь, наверное, отсыпается в своей берлоге.

Харт взглянул на часы:

— Три часа.

— Он пил до семи в это утро.

Стойкость мальчишки произвела впечатление на герцога.

— Ты, должно быть, устал, Стимп?

Мальчик неопределенно повел худенькими плечами, хотя его глаза все еще горели удовольствием.

— Шпионить — это не таскать уголь?

Брови мальчика удивленно поднялись в ответ на поразительно меткое замечание Харта.

— Это почти работа для джентльменов, сэр.

Харт обнаружил, что с трудом удерживается от улыбки. Неудивительно, что этот маленький шпион напомнил ему о леди Денмор. И об одиночестве в его собственной душе.

— Я не вполне уверен, что могу доверять тебе, Стимп.

Смех мальчика был звонким, как колокольчик, когда они наконец-то остановились.

Когда Харт вышел из кареты, он обнаружил, что стоит перед несуразным трехэтажным строением, точно таким же, как и все другие в этом квартале. Стимп прошмыгнул мимо него к полуоткрытой двери. Дрожь пробежала по позвоночнику, когда Харт последовал за мальчишкой по узкому коридору. Было холодно, как на улице, но воздух казался плотным от запахов человеческого пота, джина и несвежей еды. Харт старался не касаться грязных стен.

Что общего мог иметь с Эммой человек, живущий в таких условиях? Этот человек не просто вор. Тут есть что-то еще, может быть, связанное с какой-то рискованной авантюрой, он не сомневался. Какая глупая женщина!

Он поднялся по лестнице. Следуя за Стимпом, завернул за угол и оказался в еще более темном коридоре. Стимп остановился перед обшарпанной коричневой дверью. Харт ждал сигнала мальчика и только потом распахнул дверь.

Двое мужчин, подняв головы со своих грязных матрасов, уставились на Харта. Увидев его взгляд, они мгновенно поднялись и, покачиваясь, исчезли за дверью, оставив третьего мужчину лежать в углу.

Харт пробрался между кучами грязных скомканных одеял и простыней и потрогал мужчину концом ботинка.

— Это он, — казал Стимп, когда Харт снова поддел бродягу, на этот раз посильнее. Тот зашевелился, и пары джина поднялись вверх, как табачный дым.

— Иисусе...

— Если он из деревни, то скорее всего не привык к этому напитку.

Поморщившись, Харт наклонился и ухватил мужчину за рубашку. По крайней мере она была сухая.

Пьяница задергался, но его веки отказывались подняться.

— Просыпайся, ты, воровское отродье.

— Хм-м, — прозвучало в ответ.

— Проклятие! — Харт попробовал поднять пьяницу на ноги, но безуспешно. — Вставай, или я спущу тебя вниз по лестнице. — Он должен был вытащить мужчину на улицу. И сам должен был поскорее выбраться на свежий воздух, от застарелых испарений грязного белья и пота его замутило.

Он вытащил пьяницу в коридор, радуясь, что тот чуть-чуть пришел в себя и начал самостоятельно перебирать ногами.

— Лестница, — предупредил Харт, прежде чем подтолкнуть его вниз по ступеням.

Пьяница издал громкий стон протеста, и большие руки вцепились в запястья Харта с недюжинной силой. Они были не просто сильные, а дьявольски сильные. И все же Харту удалось подтащить мужчину к входной двери, и он вытер руки о сюртук.

И когда он сделал это, дверь открылась.

Стимп стоял на страже, скрестив руки и наблюдая за прохожими.

Харт сделал паузу, соображая, как лучше привести в чувство пьяницу. Вылить на голову ведро холодной воды? Может быть, пинок в ребра? Задать бродяге хорошую трепку было весьма заманчиво, но этот мужчина откуда-то знал Эмму. Она может не открыть ему секрета, но он сам откроет, допросит бродягу.

— Помоги мне затащить его в карету.

Брови Стимпа поднялись.

— Ему, вероятно, не понравится подобное обращение. — Стимп насмешливо скривил губы.

— Положим его на пол и пусть молится о лучшем.

Стимп пожал плечами и стал помогать втискивать большое тело бродяги в дверь. Они уже втолкнули его наполовину, когда кучер соскочил с козел и предложил свое плечо как эффективный рычаг.

— Может быть, вы предпочтете ехать наверху, ваша светлость? — спросил кучер, отряхивая плечо.

— Возможно. Стимп? — Но Стимп отказался, не желая упускать возможность прокатиться в карете.

Они вернулись на улицу Эммы и уже через несколько минут подъехали к ее дому, кучер выбрал более прямой маршрут. Стимп соскочил с сиденья с хмурой миной, явно недовольный этим обстоятельством.

— Иди и приведи леди Денмор, Стимп.

Мальчик бросил суровый взгляд через плечо, прежде чем скрыться за дверью. Харт следовал за ним на расстоянии, держась поближе к кирпичной стене. Он видел, как Стимп остановился у двери.

— Где ваша госпожа? — спросил Стимп, когда дверь открылась. Послышался шум шагов по каменному полу, и дверь скрипнула снова.

— Где ты был? — Это был голос Эммы. — Я посылала за тобой несколько часов назад. Мне нужна твоя помощь.

Харт чуть не задохнулся от злости при звуке ее голоса. Она сбежала от него, не сказав

ни слова. Как арендованная лошадь.

Стимп мямлил извинения, но она перебила его:

— Тот человек, про которого ты говорил, что он ушел, вернулся. Ты заметил?

— Ага.

Казалось, от ее раздражения вибрирует воздух.

— О, заметил? Потому что именно этот человек, за которым я наняла тебя следить, ворвался в мой дом. Ты должен был быть на улице, но за три дня ты только однажды бродил кругом. Он заплатил тебе?

— Кто?

— Тот человек, что ворвался в мой дом?

— Ну, я получил от него несколько пенсов в первый день, но я уже рассказывал вам об этом.

— Стимп, послушай. — Сейчас в ее голосе звучал подавленный гнев. — Узнай, кто он и чего он хочет. Мне по крайней мере нужно, чтобы он ушел. Это важно. Можно как-то сделать так, чтобы он исчез?

Харт заморгал и отступил в тень.

— Что ж... — Стимп топнул ногой. — Я думаю, я знаю пару парней, которые смыслят в таких вещах, но это будет стоить дороже...

— Нет! — воскликнула она. — Вот наказание, что ты за ребенок! Я не хочу никого убивать. Мне просто нужно припугнуть его, чтобы он убрался отсюда.

Услышав ее слова, Харт почувствовал, как напряжение спало. Она могла творить бог знает что и обманывать на каждом шагу, но, разумеется, не способна на жестокость.

— А что, если я поймаю его для вас? — продолжал Стимп, по-видимому, не очень расстроенный переменной. — За полкроны? Если бы...

— Довольно, — буркнул Харт и вышел из своего укрытия.

Увидев его, Эмма ахнула и прикрыла рот рукой, сдерживая вздох удивления. Но она не могла спрятать страх, который ожил в ее глазах. Тревога быстро смешала все ее мысли.

— Что вы здесь делаете? — спросила она, не отнимая руки от губ. Но потом опустила руку и отошла от двери. — Я не жду гостей, ваша светлость. Пожалуйста, в следующий раз соблаговолите сообщить заранее. Пришлите записку.

— Во-первых... — Он должен успокоиться, если хочет продолжать. Он так стиснул зубы, что челюсть окаменела. Он чувствовал... ярость. Да, ярость. И ожидал предательства. — Во-вторых, если бы я послал записку, ты бы ответила, что никого не принимаешь, не так ли? Во-вторых, я здесь не с официальным визитом...

Она, видимо, не знала, что думать. Ее взгляд переметнулся с него на Стимпа, затем снова на него.

— Если вы пришли из-за того, что было у Моултеров, — она покраснела, — я извиняюсь, что уехала, не попрощавшись. Но у меня просто не было времени.

— Лгунья. Ты уже ночью знала, что уедешь утром. Не притворяйся, что это было что-то другое, нежели очередной обман.

Ее глаза снова остановились на мальчике.

— Не обращай внимания...

— Да, — усмехнулся Харт, — не стоит обращать внимания, это никак не связано с той ночью, за исключением новости, которую вам сообщили в записке.

— Это было... — Она замолчала и посмотрела на него изучающим взглядом, стараясь

прочитать его мысли, но безуспешно. — Это было личное. А сейчас, если вы позволите...

— Ларк! — крикнул Харт через плечо.

Послышался какой-то грохот, предшествующий появлению кучера, который волок бродягу за шиворот. Харт не спускал глаз с Эммы, следя за малейшей реакцией. Она выглядела обеспокоенной и смущенной, но он не заметил ни намека на то, что она узнала этого человека. Но если учесть, что эта женщина профессиональный игрок, то, возможно, она и профессиональная лгунья.

— Твой вор, — сказал он, когда Ларк опустил мужчину на землю.

— Он?.. — пролепетала она и осеклась. Харт видел, как надежда и отвращение, страх и дрожь пробежали по ее лицу. Одна эмоция сменяла другую с головокружительной быстротой. — Он мертв? — наконец спросила она.

— Нет. Просто мертвецки пьян. Ты узнала его?

Она поднялась на пару ступеней и вытянула шею. Ее руки вцепились в юбки.

— Нет.

— Но тогда позволь узнать, что он искал здесь?

Харт склонился к мужчине, который теперь мирно храпел.

— Подождите, — вскрикнула она, когда Харт ударил его по щеке. Мужчина заворочался и засопел. Ничего больше.

— Просыпайся! — пророкотал Харт и снова ударил пьяницу.

— Сэр? — сказал Ларк, появившись с ведром воды.

— Отлично, — ответил Харт, не обращая внимания на просьбы Эммы подождать. Она взбежала по лестнице, когда Харт опрокинул ведро и, брызгая, замочил ей юбки. Она вернулась назад, когда пьяница наконец-то пришел в себя. Он что-то прорычал, стряхивая воду и размахивая руками.

Харт ухватился за растрепанные космы бродяги.

— Имя!

Мужчина проворчал что-то и повернулся, заработав от кучера пинок в ребра. Он застонал, когда Харт повторил:

— Имя!

— Задница.

— Твое имя Задница?

— Нет. Ваше. А теперь отпусти меня, не то я сверну тебе шею.

Харт поднял руку, останавливая Ларка, готового снова пнуть бродягу.

Он отпустил волосы бродяги и злорадно улыбнулся, когда его голова с глухим стуком ударилась о землю. Бедняга все еще держался за голову, когда Харт носком сапога осторожно прошелся по его шее и слегка надавил.

Почти немедленно коричневые глаза налились кровью от напряжения. Руки потянулись к лодыжкам Харта, но тот надавил сильнее.

— Убери свои грязные лапы, не то я не удержусь на ногах и тогда тебе крышка. — Руки дернулись, но поднялись выше по голенищу сапога герцога. Харт ослабил давление и позволил бедняге сделать пару вдохов.

— Я уверен, ты думаешь, что в наше время человек не может прикончить такого, как ты, среди бела дня и преспокойно уйти? Но позвольте представиться, мистер Задница. Я его светлость герцог Сомерхарт. Я могу убить тебя на глазах палаты лордов, и все ее члены, как один, поклянутся, что ничего не видели. А если не поклянутся, я найду общий язык с судьей,

который возьмет дело в свои руки, и так или иначе я останусь на свободе. Поэтому запомни, если ты не скажешь мне то, что я хочу узнать, я убью тебя и никогда не пожалею об этом. А если ты заартачишься, то здесь есть еще и Ларк. — Глаза бродяги остановились на кучере. — Он оттащит твой труп к Темзе и бросит в воду, а я тем временем буду сидеть в опере. Тебе все ясно?

Лицо мужчины побледнело и быстро начало приобретать неприятный зеленоватый оттенок. Он вытянул подбородок, чтобы не попасть на ботинок Харта.

Воображая, что подумает его слуга, отчищая ботинки хозяина от рвоты, Харт отошел от бродяги на пару шагов.

— И следи за своим языком. Здесь леди.

Харт успокоился, когда лицо мужчины обрело нормальный оттенок, и его взгляд остановился на Эмме, которая стояла у основания лестницы. Ее бледное лицо было явно напряжено, и Харт мог проследить, как лицо пьяницы побагровело до корней волос. Его рот дрогнул в гримасе ненависти, и он указал пальцем на Эмму.

— Ты!.. — бросил он, выдыхая пары джина.

Эмма чуть пошатнулась, но была явно загнана в угол.

— Нет, — прошептала она, и Харт почувствовал вкус предательства.

— Шлюха, — бросил мужчина, но еще хуже, чем его слова, был для Эммы сарказм во взгляде Харта.

Он смотрел на нее, как сокол смотрит на мышь. Эмма не ожидала, что подобное разоблачение случится на его глазах, и никогда не думала о том, как смогла бы исчезнуть, если пронизательный взгляд хищника встанет между ней и свободой.

— Шлюха, — повторил мужчина. От его ненависти ее сердце пустилось в галоп. Харт ударил его, не отводя взгляда от Эммы.

— Так вы не знаете его? — спросил он, и Эмма покачала головой.

Харт наконец отвернулся от нее, и тут же очередной пинок обрушился на ребра бродяги. В ушах у Эммы зазвенело от резкого звука.

— Я говорил, придержи язык. Итак, как твое имя?

— Берл. — Губы мужчины дрожали от возмущения.

— Берл. А дальше?

— Берл Смайт.

— И что тебя связывает с леди Денмор?

Смайт скорчил гримасу, его глаза потемнели от злости.

— Леди? Она так себя называет?

Харт снова пнул его и пробормотал проклятие сквозь зубы.

Эмма могла бы сказать, что он напоминал человека, который проглотил язык. Она ждала, ждала... Если бы она могла прощмыгнуть мимо кареты, они потеряли бы ее след и долго гадали бы, в каком направлении она скрылась. Но что потом? У нее при себе не было даже тех денег, которые она привезла в Лондон. Она осталась бы без гроша, и что дальше?

Поэтому ей не оставалось ничего другого, как смотреть на этого незнакомца, который разрушал мир, с таким трудом построенный ею.

— Она распутница, — пробормотал Смайт. — Шлюха, которая заманивает женщин и толкает их на скользкую дорожку. Она обманщица. Сатана, изображающая из себя благородную леди.

Какой-то частью сознания она понимала, что все это бессмыслица. Зачем этому

нанятому сыщику так оскорблять ее? Бессмыслица. Почему он так свиреп? Но другая часть ее сознания бурлила, реагируя на его несправедливые слова, заставляя ее сердце биться в панике.

Эмма глубоко вздохнула и услышала собственный стон, когда выдохнула.

— Она говорит, что не знает вас, мистер Смайт.

— Ложь! Лгунья из лгуний.

Глаза Харта вернулись к ней и задержались на какой-то момент.

Он прищурился.

— Ты знаешь, о чем он говорит?

— Не знаю, — прошептала она, сильнее прижимаясь к двери. Может быть, ей удастся проскользнуть в дверь и исчезнуть. Вернуться в Моултер-Хаус и взять свои деньги?

Харт испепелил Смайта взглядом.

— Может быть, вы поясните свои обвинения?

И тут она покачнулась...

Массивная дверь, на которую она опиралась, открылась, и Эмма погрузилась в страх и неуверенность, думая, не в обмороке ли она? Но ее рука поймала мягкую ткань, а спина уткнулась во что-то теплое.

— Мэм? — пробормотала Бесс около ее уха. Она помогла Эмме удержаться на ногах, и тут раздался резкий визг Смайта:

— Лиззи! — кричал он. — Лиззи!

Опора, которую представляла собой Бесс, стоя за спиной Эммы, вдруг ослабла.

— Ох! — выдохнула Бесс. — О нет, о Боже, спаси меня!

— Лиззи! — снова прорычал Смайт и попытался встать на ноги, но покачнулся, споткнувшись на лестнице. Харт и Ларк устремились вперед, чтобы удержать его. Он повернулся спиной, его куртка сползла с плеч, и он высвободил руки и рванулся вперед, оставляя двух мужчин с курткой в руках.

— Берл, нет! Пожалуйста! — кричала Бесс, но ее слова лишь разожгли огонь в его глазах.

— Бесстыжая шлюха, — прорычал он.

Стимп бросился на него, и тут же отлетел прочь, как муха. Берл Смайт угрожающе поднял огромные кулаки.

Бесс отшатнулась, а Эмма отпрянула назад, и ей почти удалось отвернуть голову от удара его кулака. Удар, к счастью, пришелся по касательной и отбросил ее к стене так, что она упала, а он тем временем успел ухватить Бесс за платье, когда она старалась укрыться в кухне.

Не удержавшись на ногах, Бесс покачнулась от его удара. Кровь хлынула из носа. Эмма в ужасе вскрикнула. Она старалась подняться на ноги, но когда громадная тень перекрыла ей видимость, Эмма нагнулась, обхватив руками свою несчастную голову.

— Я держу его, — сказал Харт. — Эмма, как ты? Эмма?

Она подняла голову, все плыло перед глазами, и как в тумане она увидела беспокойное лицо Харта. Он тащил Смайта за шею.

— Нормально, — пробормотала она, стараясь понять, что случилось. — Бесс? — Она заглянула за угол. — Бесс?

Оттащив Смайта к карете, Харт подошел к Эмме. Но она покачала головой.

— Со мной все в порядке.

Он кивнул и прошел мимо.

— Миссис Лиззи?

— Бесс, — рыдая, проговорила женщина. — Теперь я Бесс.

— Хорошо, Бесс. Я пошлю за доктором.

— Не беспокойтесь, пожалуйста. Это просто разбитый нос. Такое и прежде случалось.

— Я не думаю, что...

— Нет, — настаивала она, хотя ее голос звучал глуше из-за крови и обиды, руки прижимались к лицу. — Нет, не надо. Пожалуйста, сэр.

Он посмотрел на Эмму.

— Я позабочусь о ней, — сказала она.

— Бесс, — сказал он мягко. — Этот человек ваш муж?

Она зарыдала в голос.

— Извините меня, сэр. Я не знала, что он появится здесь.

— Вы сбежали от него?

Эмма все еще не была уверена, что сможет держаться на ногах. Поэтому она, еле передвигая ноги, преодолела то расстояние, что разделяло их, и обняла сторбившуюся Бесс.

— Все хорошо, успокойся.

— Извините, мэм. Только не отсылайте меня к нему. Он убьет меня, он хочет...

Эмма беспомощно взглянула на Харта. Он казался высеченным из гранита — таким был холодным и неприступным.

— У вас есть дети? — спросил он.

Бесс покачала головой, кровь из носа сочилась сквозь пальцы.

— Он так бил меня, что...

— Господи! — Его холодность как рукой сняло, когда он услышал об этой очередной жестокости, о которой она поведала ему.

— И вы решили уйти от него?

— Да. Леди Денмор приютила меня и увезла с собой.

— Тогда его нужно определить во флот ее величества, лет на двенадцать, а? Это подойдет?

— О... да, да.

— Ларк, — приказал Харт, — поезжай в доки. Не сомневаюсь, что Стимп поможет найти подходящего вербовщика.

Несколько минут спустя послышался грохот отъезжающей кареты.

Теперь ничто не угрожало Эмме. Бесс плакала, Эмма утешала ее, и ей самой хотелось плакать.

— Слава Богу, с ней все обошлось, — проговорила Эмма, прикрыв дверь в комнату Бесс. Харт нахмурился, глядя на нее своими пронизательными глазами.

— А ты, Эмма?

— Я? Со мной все прекрасно, — отозвалась она, но, подняв руку, осторожно ощупала затылок. Харт подошел и взял ее лицо в свои ладони, кончики его пальцев утонули в ее волосах. Легким прикосновением губ он нежно поцеловал ее в лоб. Странное ощущение овладело ею. От его нежности тепло, подобно расплавленному воску, растекалось по всему телу.

— Прости, — проговорил он, глядя ее по голове, словно искал ссадины или синяки. — Я виноват, что не смог остановить его. Виноват, что привез его сюда.

Эмма сомневалась, сможет ли она говорить. И, покачав головой, молча проглотила глубокий вздох.

— Нет... Вам не нужно извиняться, Харт. — Его пальцы путешествовали по ее вискам, невесомые и нежные. Прикрыв глаза, она продолжила: — Какое вам дело до всего этого?

Мягкие прикосновения прекратились. Его рука замерла.

— Не мое дело, хочешь сказать? Твоя жизнь? Твоя безопасность?

Она не хотела снова начинать спор. Нет, она желала опять закрыть глаза и чувствовать прикосновения его пальцев, но его руки замерли, дивное тепло начало потихоньку исчезать. Когда Харт убрал руки, Эмма вздохнула и открыла глаза.

— Да, — просто сказала она, — это не ваше дело.

— Я не согласен.

— Вы часто не согласны. — Внезапно ей показалось совершенно невероятным, что он так нежно прикоснулся к ней секунду назад. Сейчас его глаза были прозрачны и холодны как лед.

— Тот мужчина, которого вы с Бесс принимали за вора, это был он?

— Кто?

— Берл Смайт, — отрезал он. — Это был он?

Она больше не боялась, и если он думал, что может загнать ее в угол и заставить признаться, он ошибался. Эмма подняла на него невинные глаза.

— Я думала, вор. Затем я подумала, может, он помешался на моей персоне? Или это какой-то безработный докер, который ищет, на ком бы сорвать свое зло.

— Лгунья, — отчетливо произнес он.

— Вам нравится обижать меня.

— Я видел твое лицо, — настаивал он. Его черты стали тверже. Он не только не верил ей, его возмущала ее неискренность.

Эмма постаралась взять себя в руки и направилась в кухню. Она прошла мимо него, приподняв брови и капризно поморщившись.

— Я была в таком состоянии, Сомерхарт. Я опасалась за свою жизнь. А вы смеее рассуждать о моей реакции? «Это не так, то недостаточно искренне».

— Ты сказала, что...

Остановившись посреди кухни, Эмма резко повернулась.

— Может быть, вам стоит объяснить мне кое-что, Сомерхарт? Откуда вы знаете

Стимпя?

Молчание.

— Следите за мной, ваша светлость? Платите местным мальчишкам, чтобы они шпионили за мной? Или, может быть, он ходит за мной повсюду и пишет вам отчеты, с кем я была, кто говорил со мной?

— Не смейся меня.

Эмма повернулась и двинулась по коридору, который вел в кладовую, а затем пошла по лестнице, ведущей к центральной двери.

— Вы не имеете права шпионить за мной. Ни права, ни оснований.

— Я и не собирался.

Она оглянулась через плечо и увидела его шедшего вслед за ней по лестнице.

— Я так не думаю. Я думаю, вы подозрительны. Вас когда-то предала женщина. Любовница. Скандальная дама.

— Это ничего не...

— Но я не ваша любовница, Сомерхарт, и вы не имеете права так обращаться со мной.

Что именно вы хотите узнать?

Они в одно и то же время оказались на лестничной площадке. Эмма почувствовала, что руки Харта схватили ее за плечи. Он притянул ее к своей груди, и его рот прижался к ее уху.

— Ты моя любовница, Эмма, и прекрасно знаешь это.

— Нет.

— Я дал тебе наслаждение. И ты то же сделала со мной. Помнишь?

Боже, она ни на секунду не забывала этого. Помнила его великолепное обнаженное тело в мягком мерцании свечей. Она дрожала и боролась с желанием прижаться к нему бедрами...

— Мы любовники, Эмма, но если ты требуешь формального завершения, позволь мне сделать это. — Он прикоснулся губами к ее коже, осторожно покусывая ее и посылая дрожь по всему телу. Ощущение распространялось, как вода, сначала между ее грудей, потом стекало к животу...

Соски затвердели, когда его горячий рот прижался сильнее. Он ласкал нежную кожу за ее ухом, и она почувствовала его возбуждение. Она... она хотела этого, хотела всего. Это не должно было прерываться. Она могла взять его за руку и отвести в свою спальню прямо сейчас и по-настоящему сделать его своим любовником. Но она хотела избежать беды и, несмотря на искушение испытать счастье безрассудства, понимала, насколько опасно идти на риск.

Эмма покачала головой.

— Расскажите мне о той женщине.

Его губы замерли. Пальцы, сжимавшие ее предплечья, напряглись, затем резко отпустили ее.

— Что?

— Я слышала разговоры.

— О, неужели? — Его тон был холоден. — И какие же сплетни ты слышала, Эмма?

Она подняла подбородок.

— Вы знаете.

— Уверен, что нет.

— Говорили, что вы были влюблены в женщину сомнительного поведения. И к тому же

чью-то любовницу. И просили ее руки, умоляли ее. И потом были письма...

— Ах, те слухи. — Он так громко рассмеялся, что Эмма вздрогнула. — История десятилетней давности. И я уверен, что она обрастает все более грязными подробностями с каждым новым пересказом. И между прочим, моя милая, я вообще не намерен говорить об этом.

Она повернулась к нему и встретила его взгляд, довольно-таки жесткий.

— Я понимаю, — сказала она осторожно.

— И все эти старые истории не имеют никакого отношения к нам с тобой.

— Это неправда. Вы воздействуете на обстоятельства, Сомерхарт, и пытаетесь манипулировать и мной. Вы выдвигаете требования. Диктуете правила. Вы платите, чтобы мальчик шпионил за мной. Почему я не могу думать, что причина ваших страхов... ваших настоящих страхов... заключается в том, что женщина может снова сделать из вас посмешище.

Его твердые губы побелели, сложившись в тонкую линию.

— Следи за своим языком, милая.

— В прошлом вы контролировали каждую свою партнершу, Сомерхарт, но вы не можете управлять мной. Меня не запугать. Вам нечем угрожать мне, потому что мне нечего терять.

— Кроме твоих секретов.

Она ожидала этого, было бы так опрометчиво показать ему свои страхи.

— У меня нет секретов. Не больше, чем у каждой из ваших будущих любовниц.

— Если копнуть твоё прошлое...

— Зачем вам это? Зачем даже думать об этом? Вы герцог. Богатый и всемогущий, а я ничем не угрожаю ни вам, ни вашей жизни. Ваши подозрения безосновательны. Взгляните на мое прошлое, если вам нужно. Но это моя личная жизнь, такая же ценная и неприкосновенная, как ваша для вас. Если вы действительно хотите расследовать мое прошлое, делайте это. Но не беспокойте меня своими извинениями за свои необоснованные подозрения. Мне больше нечего сказать вам, ваша светлость.

— Необоснованные! — фыркнул он.

— Я не ищу встреч! — закричала Эмма. — Я отказываю вам на каждом шагу! И вы все равно приходите сюда со своими вопросами, как будто я возвеличена до положения шлюхи герцога. Мой Бог, вы такой гордый. Вы ужасно высокомерный.

Сомерхарт повернулся и пронзил ее враждебным взглядом.

— Так ты поэтому пришла прошлой ночью? Из-за моей гордости? Хотела унижить меня?

Эмма вздохнула так быстро, что на мгновение голова закружилась. Как сквозь пелену тумана, она видела, как Харт скрестил руки на груди. Она еще раз вздохнула.

— Ч-что?

— Думала сбросить меня с пьедестала?

— Я... нет. — Она была настолько шокирована его словами, чувством собственной ранимости, что даже забыла, что хотела выпроводить его за дверь. — Да. Конечно, вы ужасно высокомерный, это так. И я хотела видеть это. Ваше тело. Вашу гордость и силу. Но я не могла... я просто хотела видеть то, что не могу иметь. Я не могу ничего поделать с этим, но хотела...

Его скрещенные руки опустились. Эмма покачала головой и отвела глаза, глядя на свои

поношенные туфли, которые когда-то имели цвет слоновой кости и были такими мягкими, а сейчас стали старыми и твердыми на ощупь, как ее собственные чувства.

Она подняла глаза, когда его рука коснулась ее волос.

— Иногда ты выглядишь такой юной и говоришь мне такие чудесные вещи.

Нет. Она не была юной. Она была такой старой, как сама земля, и решила, что лучше, если никто не будет знать ее.

— Почему ты решила отказать мне, Эмма? — Подушечки его пальцев снова коснулись ее головы, распространяя тепло по щеке, по подбородку. Она снова отвернулась.

— Мы не можем провести вместе и четверть часа, чтобы не поругаться. Мы гораздо чаще обмениваемся шпильками, чем комплиментами. Поэтому зачем так настаивать, чтобы я уступила?

Он криво улыбнулся.

— Между нами существует страсть. Иррациональная страсть. Если бы мы признали это, то не спорили бы так много.

— Если мы не будем видеть друг друга, мы вообще не будем спорить.

Его улыбка была все та же.

— Мы спорим всякий раз, когда я спрашиваю тебя о причине твоего упрямства. Ты заметила это? И я хотел бы знать, что за нелепая идея засела в твоей голове? Ты говоришь, что не хочешь иметь любовника, но это ничего общего не имеет с моралью. Или с твоей репутацией. И то и другое уже изорвано в клочья.

— Это можно сказать не только обо мне, но и...

— И как ты утверждала не раз, ты не хочешь выходить замуж, поэтому тебе нечего делать с каким-то благородным джентльменом. Но ты хочешь этого, хочешь настолько, что творишь немыслимые вещи со мной в публичных местах. Может быть, я тупой... нет, не говори ничего, но я не могу объяснить себе твое поведение.

Эмма не торопилась с ответом. Она подошла прямо к маленькому окну.

— Мне нужен ответ, — настаивал Харт. — И я не думаю, что самонадеянно с моей стороны заявлять, что тебе не следует отказывать мне раз и навсегда. Ты хочешь этого. Ты хочешь меня. И я не уйду, пока ты не расскажешь мне, в чем причина твоего отказа.

Нет, она не могла сопротивляться бесконечно. Она с трудом делала это, надеясь, что он поразит ее и она сдастся без слов. Эмма прижала руки к холодному стеклу. Может быть, ей следует сказать ему, что у нее сифилис? Это бы сразу остудило его страсть. Но нет. Ее щеки залились краской при этой мысли. Она еще не настолько отчаялась, хотя близка к этому.

Затем простой ответ пришел ей в голову. Чуждый условностям, он все еще оставался тем молодым человеком, который пришел ей на помощь, когда она была ребенком. Человеком, который воспитывал свою младшую сестру. Несмотря на его холодный внешний лоск, он не нашел бы привлекательной бессердечную, эгоистичную женщину.

— Моя мать смертельно заболела после родов, — прошептала она. От ее слов запотело стекло.

— Что?

Эмма повернулась к нему и заставила себя улыбнуться. Одними губами.

— Моя мать. Она потеряла здоровье из-за того, что произвела на свет детей для моего отца. Только двух детей, но в каждом случае это обернулось трагедией. Первые роды испортили ее внешность, на что часто указывал мой отец. Она растолстела, потеряла былую привлекательность. А вторые доконали ее. В течение года она угасала, и я думала, уж лучше

бы она умерла в родах. Она стала нервной, некрасивой, больной... Полный крах семейных отношений. Поэтому я не хочу рисковать, имея детей, ваша светлость, и поэтому не буду вступать в связь с вами или с кем-то еще.

Его лицо стало белым от шока.

— Но есть способы... Ты была замужем и должна...

Эмма нанесла последний удар.

— Да, я делала все, что могла, как вы понимаете. Включая молитву и отказ. Я решила не превращаться в толстую матрону, обремененную сопливым отродьем. — Она улыбнулась, наблюдая, как его глаза становились все более отрешенными.

— Ты молодая. Ты...

— Да. Я молодая. И думаю воспользоваться этим в полной мере.

— Жить как монашка?

— Как вы заметили, я вряд ли живу как монашка.

Его напряжение росло, пока шли секунды.

— Но есть много способов, чтобы избежать...

— Ни один из них не подходит мне. Я не то что хочу подождать с детьми, я вообще не хочу иметь детей. Очевидно, вы любите рисковать? Я нет.

— Я бы придерживался...

— И выносили бы за меня ребенка? Стали бы толстым и обрюзгим, прошли бы через кровь и боль? Превратили бы свою грудь в нечто схожее с выменем? Стали бы рабом каждого желания ребенка? — Она передернула плечами. — Нет, увольте.

— Я понимаю, — просто сказал он. Он снова изучал ее, как делал это много раз прежде. Изучал и нашел ее желанной. Он медленно кивнул. — Что ж, спасибо за объяснение. Ты, должно быть, устала после такого утра. Я оставлю тебя, чтобы ты отдохнула.

— Спасибо, ваша светлость.

Его карета не вернулась, но ее не интересовало, на чем он поедет. Дверь открылась и закрылась, и порыв свежего воздуха остудил слезы, которые стояли в ее глазах.

Она сказала правду, почти правду, и боль этой правды пригвоздила ее к этому месту. Она стояла, онемевшая и молчаливая, тупо уставившись на порванные обои на дальней стене.

Нет, она не хотела детей. Даже мысль об этом была невыносима ей. И не потому, что ее мать подурнела. И даже не из-за медленного угасания матери и ее смерти после рождения Уилла.

Эмма не хотела мужа, и поэтому ей не хотелось думать о детях. Но когда она произнесла это вслух, правда этого факта занозой застряла в ее сердце. У нее уже был ребенок. Уилл. Она любила его и растила. Угадывала его желания. Успокаивала его, когда ему снился плохой сон. Обнимала его маленькое тело, когда ему было больно. Она брала его с собой повсюду, даже учила его читать, когда его няня была занята в постели их отца. И потом он умер.

Еще вчера он заполнял для нее весь мир, а сегодня его положили в черную дыру и засыпали землей. Мир пошатнулся, и она осталась стоять там, глядя на осыпавшуюся землю.

Она любила этого ребенка, и ей хватит этой боли не на одну — на две жизни.

Эмма заставила себя подойти к лестнице. Она тяжело поднялась на второй этаж, залезла в постель и свернулась под холодными простынями. Она слишком устала, чтобы готовить ужин, и знала, что Бесс тоже.

Небо постепенно темнело, и Эмма закрыла глаза.

— Она ушла. Ты должен забыть ее.

Мэтью взглянул на отца.

— Как ты можешь говорить такое?

Отец состроил гримасу и поднял руки.

— Как я могу? Она ушла, Мэтью, я готов согласиться, что она была тебе подходящей парой, когда была здесь. Но девушка ясно дала понять, что не собирается связывать себя узами брака. Ты столько раз делал ей предложение, и она каждый раз отвечала отказом. И в конце концов сбежала. Используй свои мозги на что-то более полезное, чем молитва.

Мэтью вскочил как ужаленный и уперся руками в стол.

— Как ты смеешь? Я уважаю тебя, как положено сыну, но не потерплю твоих насмешек над церковью.

— Наша церковь — это англиканская, а твой викарий католик.

— Преподобный Уиттир прекрасный человек! Он и подобные ему как раз решили вернуть народ назад к Богу. Он помогает церкви найти ее душу, как помогает и мне найти мою.

Отец пригладил седые волосы.

— Твоя душа здесь, и с ней не происходит ничего плохого. И ничего плохого нет в вере. Но те люди, о которых ты говоришь, вскоре будут изгнаны из нашей церкви как преступники, кем они и являются. И если ты планируешь присоединиться к ним, то тебя постигнет та же участь.

— Ты ничего не понимаешь в этом, — отрезал Мэтью.

— Церковь достаточно ясно изложила свою позицию в отношении католиков и их папистских ритуалов.

— Не хочу даже слышать это. Как только я женюсь, отец Уиттир благословит меня на посвящение в сан. Я буду просветлять души людей. Наставлять их на путь истинный. Я верну их в лоно церкви. Но я не могу сделать это, пока в моей душе грех неутоленного вожделения.

Отец лишь покачал головой. Подобный разговор они вели не в первый раз. Мэтью смотрел на его волосы, на их пушистые завитки, и на его розовое лицо. Отец слаб, всегда добр и готов все простить. И всегда был под каблуком своей жены, властной и сильной. Мэтью произнес короткую молитву благодарности, которую унаследовал от матери.

— Ты обещал, что я женюсь на ней. Обещал помочь.

— Я думал, что она тоже хочет этого. Она...

— Она сделала свой выбор, когда сбила меня с пути. Она играла с моим сердцем и запятнала мою душу, а сейчас пожинает плоды. Я женюсь на ней, отец. Я должен.

Отец обхватил голову руками.

— Ты даже не знаешь, где она. Ты только и делал последние несколько месяцев, что искал ее, исколесив половину страны. Я отказываюсь поддерживать тебя и дальше. Я просто не могу позволить это.

Печаль побудила его к брани и гневу, но Мэтью удалось мыслить логично. Когда придет время, отец все сделает, он не сомневался в этом. Поэтому постарался выбрать примирительный тон.

— Я понял тебя, отец, но я молюсь каждый день, чтобы получить ответ... Если Богу будет угодно и он укажет мне, где найти ее, ты дашь мне последний шанс?

Отец долго не произносил ни слова, понури́в голову.

— Я люблю ее, — прошептал Мэтью.

Наконец отец кивнул.

— Если ты узнаешь, где она, я помогу тебе увидеться с ней. Но не сделаю ничего, чтобы вернуть ее силой. Ты понял?

Мэтью был вполне удовлетворен. Да. Он понял, но это не имеет никакого значения. Ему не понадобится помощь, чтобы заставить ее вернуться. Мэтью улыбнулся, глядя на поникшую голову отца.

— Конечно. Спасибо тебе, отец. — И он отправился в церковь, чтобы еще истовее помолиться за благополучный исход дела.

Солнце грело ее спину, даря то же приятное ощущение, что и ладонь Ланкастера, лежащая на ее руке. Она улыбалась, глядя на сверкающую солнечными бликами воду Темзы, и чуть замедлила шаг. Прогулка подходила к концу, но она не хотела прекращать ее. Ланкастер был так мил и обаятелен. Какая женщина отказалась бы иметь такого друга? А он был именно друг, так как не претендовал на особое внимание с ее стороны. И день, казалось, выдался совсем весенний.

Эта мысль отозвалась тревогой в ее сердце, и Эмма поспешила прогнать ее прочь. У нее в запасе еще почти месяц, пока представители высшего общества начнут возвращаться в Лондон, и ее доходы растут с каждым днем. Несколько членов парламента уже появились в Лондоне, хотя оставили семьи за городом до марта. Мужчины жаждали развлечений, и игра велась каждый день. Распутничали тоже вволю, во всяком случае, она так полагала. Но это не интересовало ее, только игра — это все, что занимало ее мысли.

Как всегда бывает, в какой-то момент зима ушла, и все мрачные мысли ушли вместе с ней. Этот теплый день навевал воспоминания о дядюшкином саде, где она любила копаться в земле, или о том, как по утрам собирала еще теплые яйца в курятнике. Она до сих пор помнила приятное тепло в ладони.

Чайка пролетела мимо, и Эмма вспомнила, как радовалась ее мать, видя тюленя или пеликана, когда они совершали прогулки по пляжу.

— О чем вы задумались, леди Денмор?

Эмма улыбнулась:

— Вспоминаю, как в детстве гуляла с матушкой по пляжу.

— А... Я никогда не был в Брайтоне.

— Так же как и я, впрочем. Мы предпочитали Скарборо. Мама не хотела быть на виду.

Она хотела покоя.

«Чего и я хочу для себя», — думала Эмма.

— У вас было такое умиротворенное выражение лица, когда вы говорили об этом.

— Это мое любимое место на земле, — продолжала она, не подумав как следует. «Ах, Боже мой, зачем я это сказала?» Когда она исчезнет, никто не должен знать, где она. Она видела, что Ланкастер хочет продолжить, и поспешила сменить тему. — Я была удивлена, узнав, что здесь пройдут соревнования по парусному спорту. Почему так рано? Вода еще очень холодная.

— Когда сойдет лед, не раньше. Это самое подходящее время для регаты. Я думаю, зрители собираются заключать пари, — он не без сарказма взглянул на нее, — и поэтому с нетерпением ожидают открытия регаты.

— Кое-кого из мужчин просто уговорить.

— Ха! Когда вы делаете ставку, я уверен, что вы ставите правильнее всех нас.

Эмма похлопала его по руке и рассмеялась, но его слова напомнили ей о Сомерхарте и о том, как она в конце концов убедила его уйти. Три недели прошло с того дня, и ни одного слова. Она видела его на нескольких вечеринках, но он не удостоивал ее своим вниманием, разве что кланялся или бросал беглый взгляд. Он не подходил к ней, и она не смела приблизиться к нему после того, как снова дала понять, что ему лучше держаться подальше. Это обязательно. Мучительно, но обязательно.

Ланкастер прервал ее мысли:

— Лорд Осборн говорит, что в последние месяцы вам особенно везет. Он гордится вашим искусством.

Эмма рассмеялась, хотя на сердце скребли кошки. Осборны пригласили ее, так как она была их дальней родственницей. В юности они дружили с ее дядей и с удовольствием слушали истории о нем и его садовых подвигах, но с еще большей радостью переходили к рассказам о их общей счастливой юности. Если они узнают о ее искусной лжи, то будут не только обижены, но и оскорблены.

— Лорд Осборн, — искренне сказала она, — добрая душа.

— Он также упоминал, что Сомерхарт отсутствовал на большинстве вечеринок, которые вы посещали в последние дни.

Она увидела, что Ланкастер не без сарказма наблюдает за ней, ироничная улыбка приподняла уголки его губ. Он был интересный мужчина, не раз заставлял ее смеяться, и ей, несомненно, льстило бы его внимание, если бы не ее вынужденная ложь. Он был более открытый человек, нежели Сомерхарт, и поэтому она чувствовала постоянную вину. Но она нуждалась в этой лжи. Если пройдет слух, что герцог порвал с ней, ей придется отбиваться от мужчин, подобных Маршу, каждую ночь.

— Я скорее склонна думать, что Сомерхарт присутствовал несколько недель назад. Просто он вернулся к старым привычкам. Уверена, вы знаете, что он предпочитает менее публичные места.

Ланкастер понимающе кивнул:

— Да. Верно.

— Вы знали его сестру? — спросила Эмма, сама удивившись своему вопросу.

— Леди Александру? Да, знал. Она умная и пылкая, любит развлекаться. Вы немножко напоминаете мне ее, когда она была...

— Моложе?

— Моложе, конечно. Но я хотел сказать — более безрассудная. Вы просчитываете рискованные ситуации.

Эмма думала о ней, о девушке, которую Харт так сильно любил, хотя она устраивала скандалы и давала повод слухам на каждом шагу. Он был терпелив к ней, защищал ее. Он ненавидел дурную славу, но любил свою скандально известную сестру. Он презирал скандалы, при этом преследуя Эмму. Или преследовал...

Они вернулись к яхт-клубу, туда, где началась их прогулка, но вместо того, чтобы отпустить Эмму, Ланкастер взял ее руки в свои теплые ладони.

— Моя карета здесь. Я надеюсь, вы позволите мне сопроводить вас домой?

— Спасибо, Ланкастер.

Он махнул рукой слуге.

— Я был очень рад повидать вас, Эмма. Мы не часто встречаемся в одних и тех же кругах. Обычно наши пути несколько расходятся. И хорошо, так как я не обладаю ни вашим искусством, ни удачей за игорными столами.

Эмма уселась в его ландо. Он занял место напротив.

— А как ваши дела с наследницами? Может быть, здесь вам повезет.

— Пока нет. Но начавшийся сезон, надеюсь, разрешит эти проблемы.

Эмма подняла голову, изучая морщинки вокруг его глаз.

— Вы страдаете из-за этого? Вы один из тех, кто презирает богачей и их вульгарные

деньги?

Ланкастер вздохнул и улыбнулся, его карие глаза светились юмором.

— Нет, это не так. Это просто упрямство, я полагаю, смешанное с некой долей романтизма и, может быть, немножко с гордостью.

— Немножко?

— Не больше, уверяю вас. — Его смех растаял. Глядя в его лицо, освещенное солнцем, Эмма увидела настоящую усталость в его глазах и не меньшую печаль. Он покачал головой. — Отец скрывал от нас истинное положение вещей, вы понимаете. — Его голос стал тише и серьезнее. — Моя мать... мой брат и сестра, они отказываются смотреть правде в глаза. Но я вижу, и ничего не могу поделать с этим. Кредиторы не перестают надоедать мне.

Его печальная улыбка тронула ее сердце. Эмма потянулась и взяла его руку.

— В вашем кругу так много прелестных девушек. Правда много.

— Конечно.

— Вы найдете ту, которая заставит вас забыть, что она приносит двадцать тысяч фунтов в год.

Ланкастер снова рассмеялся, это был его нормальный, звучный смех, и Эмма улыбнулась и сжала его руку.

— Я бы желал, чтобы ваш муж оставил вам некую сумму. Вам еще не удалось заработать на ваше будущее?

— К сожалению.

— Такая женщина, как вы, имеет на это больше прав, чем я, и, однако, не имеет ни шиллинга! Нет, это несправедливо!

Скандалы. Эмма все еще улыбалась, когда они повернули на ее улицу. Улыбка застыла на ее губах, когда она заметила бледный мужской профиль. Мужчина стоял почти в дюйме от них, надвинув шляпу на лоб, но она сразу узнала его. И задрожала от страха.

— Леди Денмор? — Ланкастер взглянул на нее через плечо. — Что-то не так?

— Ничего, — пробормотала она, видя, как человек повернулся и пошел в противоположном направлении. Она узнала эту походку, она была почти уверена в этом. Почти. — Ничего, — сказала она снова, на этот раз более строго.

— Мне так не кажется. Вы должны рассказать мне, если что-то не так. Прошу вас.

Эмма заставила себя посмотреть ему в глаза.

— Кто-то ходит около моего дома. Вот и все.

Он снова посмотрел на нее, явно не веря ей. Но карета остановилась, и ему не оставалось ничего другого, как выйти и предложить ей руку.

— Это был дивный день, — пробормотала Эмма.

— Прекрасный день, — согласился Ланкастер. Он, казалось, хотел сказать больше, но Эмма мягко высвободила свою руку и поднялась по ступеням. Ей удалось улыбнуться на прощание, но улыбка угасла, как только она скрылась за дверью.

Она подождала, пока звук отъезжающей кареты затих, и позвала:

— Бесс! Мне нужен твой плащ, скорее.

Накинув плащ Бесс, надвинув капюшон на лицо, она рассчитывала, что никто не узнает ее. Это не мог быть Мэтью, как, впрочем, и Берл Смайт, и она не собирается жить в страхе несколько дней из-за того, что профиль показался ей знакомым. Она обыщет всю улицу, все лавочки. Найдет таинственного мужчину и положит конец своему беспокойству за какие-то

четверть часа.

Шум на первом этаже заставил ее поспешить к лестнице.

— Бесс, мне нужно...

Бесс вынырнула из гостиной и поднесла руку к губам.

— У вас гость, мэм. Я знаю, я должна была...

Сердце Эммы упало. Она взглянула на дверь, понимая, что это не может быть Мэтью, даже если его она видела на улице. Это, должно быть...

— Харт, — ахнула она, когда он шагнул в холл. Лицо Бесс покраснело. Она знала, что ей не следовало впускать джентльмена, не спросив позволения Эммы. Но она не могла отказать герцогу, который спас ее от кулаков мужа.

— Простите, мэм.

— Ничего.

Харт наклонил голову с безжалостной усмешкой. Эмма понимала, что ей не сбежать от него, поэтому сделала два шага, поднимаясь на второй этаж.

— Принеси чаю, Бесс, — сказала она.

Мягкое раздражение Харта заставило ее улыбнуться.

На улице был вовсе не Мэтью, говорила себе Эмма, снимая плащ. Она быстро забыла с своих страхах, и когда Харт прошел следом за ней в гостиную, она чувствовала его теплое присутствие за своей спиной. Она не станет думать ни о чем другом, если постарается.

Они молчали, изучая друг друга, пока Бесс не принесла поднос с чаем. Харт заметил и свежий румянец на щеках Эммы, и ее растрепанные ветром волосы и почувствовал себя неуверенно.

Несколько вьющихся завитков вырвались из прически и упали ей на лицо, и он не в силах был отвести от них взгляд. Он не видел ее несколько недель и злился, потому что каждую минуту думал только о том, как бы встретиться с ней.

Она шокировала его своим заявлением насчет детей и материнства. Она выглядела жестокой и эгоистичной, но ему не следовало особенно удивляться. Его собственная мать выражала схожие мысли. Произведя на свет троих детей, она решила, что ее миссия на этом закончена, и больше никогда не занималась детьми, даже когда требовалась ее помощь.

Может быть, поэтому он реагировал так бурно. Он не любил свою мать за ее невнимание к нему. Но у него было время подумать, целых три недели. Несколько слов Эммы о детях постепенно отошли на задний план.

Эмма первая нарушила молчание:

— Я думала, вы наконец решили порвать со мной.

— Это так.

— И все-таки вы здесь. — Она подала ему чашку чаю и бросила пару кусочков сахара в свою собственную.

— Да. Я здесь.

Их взгляды встретились.

— Зачем?

Господи, она была так красива. Он не знал зачем. Но взгляд ее ореховых глаз чуть-чуть успокоил его. Он почувствовал, как напряжение внутри его ослабло.

— Мой отец был жестокий человек, — наконец сказал он.

Она заморгала, и уверенность ушла из ее глаз.

— Что?

— То, что ты говорила о своем отце, о его отношении к семье... Неудивительно, что ты не хочешь иметь детей.

Она поставила чашку и смяла салфетку.

— Но все это не так драматично, уверяю вас.

— Но все же... нет ничего хуже, когда тебя предает кто-то, кому ты доверял и кого любил.

Ее веки задрожали.

— Как было с вами?

Его скулы задвигались, он ждал, что она скажет нечто подобное. Поэтому он кивнул.

— Ты пыталась сбежать от меня, Эмма. Я позволил тебе. Но время лечит все раны, даже те, от которых страдают гордость и достоинство.

— Не все. Вы ведь так полностью и не излечились, да?

— Остались шрамы.

— Вы расскажете мне, что произошло?

— Я уверен, что ты все это уже слышала.

— Но я не знаю, что здесь ложь, а что правда.

— Все просто, Эмма. Я влюбился в одну нехорошую женщину.

— Но это далеко не все. Она предала вас. Сделала из вас посмешище, я не знаю как... Я не знаю, почему она поступила так?

Ее веки поднялись, и Харт увидел искреннее переживание в ее ореховых глазах. Даже после знакомого раздражения, которое он чувствовал в ее словах, он мог видеть, что ее интерес был не фальшивым, ее беспокойство граничило с болью.

И он скучал по этой необъяснимой привязанности, которая установилась между ними. Ему хотелось поговорить с ней. Поэтому он вздохнул и сдался. Почти.

— Возможно, она была нехорошим человеком. Может быть, просто скучала и я был для нее развлечением, понятия не имею. Я мало думал об этом потом.

Это была правда, в любом случае. Потому что ее предательство вряд ли было худшим из этого. Ее предательство было только началом.

— Она обманывала вас все это время?

— Да. Она и ее любовник. Те слухи, к сожалению, обоснованны. Он страдал вуайеризмом. Получал сексуальное удовлетворение от созерцания эротических сцен... Я, молодой блестящий аристократ, был удобным персонажем для игр. Но другие слухи — ложь, я не знал, что он наблюдал за нами. Он прятался. — Харт передернул плечами, сбросив напряжение. — Не то чтобы я морально был сильно задет. К сожалению, все, что я видел тогда, — она и ее неотразимое очарование.

— Но она сознательно влюбила вас в себя.

— О да. Она поощряла мои ухаживания. Я дал им обильную пищу для развлечений.

— И письма?

— Письма... — Харт подождал, пока прекратится шум в ушах. — Но я недолго оставался таким наивным. И больше никогда не писал женщинам.

Эмма улыбнулась уголками губ, но быстро убрала улыбку. Ее брови нахмурились, и она сцепила руки.

— Вы стали другим человеком.

— Да. И понимал это.

Она кивнула, не отрывая взгляда от своих рук.

— Я думаю, это так.

— Эмма, я не хочу обидеть тебя.

— Намерение — это одно, Харт, а поступки — другое. Люди редко признаются, что имеют плохие намерения. Но часто обижают других. — Она наконец встретила его взгляд. — И я тоже очень изменилась.

— Твой отец...

Она на секунду нахмурилась, но ее лицо разгладилось, прежде чем Харт заметил, что она готова расплакаться.

— Да, — сказала она.

Ужасная мысль пронзила его сознание, тень мысли, но он прогнал ее. Ему не нужно знать ее прошлое, достаточно знать, что она нравится ему, что он скучает по ее беспокойному, бурному присутствию. Возможно, со временем она изменит свое мнение о их отношениях. Факт, что он готов продолжать их. У нее слишком страстная натура, чтобы спать в холодной постели.

Поэтому он просто отклонился на спинку стула и закинул ногу на ногу.

— Я слышал ужасающие слухи о твоих похождениях, Эмма. Я пришел сегодня, чтобы предупредить тебя относительно твоего неосмотрительного поведения.

Он сменил тему, и она расслабилась.

— Слухи редко соответствуют правде. А что вы слышали?

— Пари о погоде. Игра в карты до рассвета. Не очень уважаемые суаре при участии сомнительных гостей. Прогулки на лошадях в парке.

— Я никогда не ставила на лошадей, ваша светлость.

Его низкий смех развеселил их обоих. Она прижала руку к груди, прежде чем ее удивление выразилось в улыбке.

— Что?

— Но больше ты ничего не отрицаешь? — смеялся он, абсолютно сраженный знакомым очарованием, которое она излучала.

Ее ответ был предельно прост.

— Я выигрываю, — сказала она, словно это был достаточный ответ. И он мысленно согласился с ней, потому что ее лучистые глаза искрились смехом, а щеки порозовели еще больше.

— Обещай мне кое-что, — сказал он, пытаясь удержаться от желания наброситься на нее в гостиную. — Тот день на пруду у Мейдертонов... пожалуйста, не подвергай себя снова подобному риску.

Она покачала головой.

— Тот пруд был...

Харт поднял руку, и она замолчала.

— Я смирился. Ты всегда будешь в центре скандалов и капризов. А я буду стоять и смотреть, и все будут смеяться надо мной. Но если я увижу, что ты снова бросаешься в очередную опасную аферу, я отброшу свое хладнокровие и устрою тебе встречный скандал. Поэтому, пожалуйста, обещай мне одну вещь.

Она выдавила улыбку. Ее глаза стали шире. Щеки пылали. Рот тоже казался ярче, мягкий и такой прелестный.

— Харт...

Его имя было как вздох, нежнее, чем любое слово, которое он когда-либо слышал от

нее. Харт почувствовал, как что-то сжалось в груди, мягкий маленький взрыв, неясный и мучительный.

— Я обещаю, — сказала она. — Но вы не должны больше никогда говорить ничего подобного.

Он не мог думать из-за сердечной боли.

— Что?

— Вы не должны быть таким добрым... — Она покачала головой. — Обещайте мне. Никакой доброты, или...

Харт заглянул в ее отчаявшиеся глаза, прежде чем встать. Он перешел некую черту, хотя никогда не думал, что способен на такое, но он сделал это неосознанно. Он просто не успел оглянуться, как оказался там.

— То, что ты говоришь, смешно, — пробормотал он, стараясь придать своему тону побольше жесткости, но Эмма тоже встала и потянулась к его руке. Ее пальцы по сравнению с его были такие маленькие.

— Мы просто флиртуем, — сказала она. Слова прозвучали коротко и поспешно. — Мы флиртуем, мы спорим, мы, безусловно, испытываем влечение друг к другу, но не больше. Мы просто развлекаем друг друга, Харт.

— Да, — сказал он, хотя и не был согласен.

— Но мы вовсе не добрые, ни один из нас. Да?

— Думаю, да, — усмехнулся он.

— Пожалуйста, — прошептала она. Ее глаза снова засветились, но не от смеха. Они блестели от слез. — Пожалуйста, не будьте таким добрым со мной.

— Эмма, ради Бога...

Боль в груди распространилась по рукам, и он понимал, что должен сделать, чтобы она ушла. Он протянул руки и привлек Эмму к себе. Ее руки прижимались к его груди, сохраняя расстояние между ними. Она уткнулась лицом в его плечо.

— Ты такая упрямая. — Харт потерся губами о ее волосы, еще больше растрепав их. Он хотел освободить их от шпилек, позволить им упасть ему на руки, на грудь. Он хотел поцеловать ее, соблазнить, расстегнуть пуговицы на этом проклятом платье. Секс был нечто, в чем они оба знали толк. Это не было чем-то болезненным, нет, это была радость и удовлетворение.

И после она будет смеяться над ним и комментировать его попытки очаровать ее. Ей будет хорошо от сознания, что он вел себя так не из-за доброго отношения к ней, что они вовсе не друзья.

Харт позволил ей уйти, уйти прочь от тепла и ранимости.

— Держись подальше от неприятностей, — пробурчал он напоследок. И тем самым избавил их обоих от страхов.

Сбросив капюшон, Эмма поспешила к дверям дома. Было далеко за полночь, возможно, даже второй час ночи, но ночь выдалась на удивление светлая. Лунный свет пробивался сквозь туман, отбрасывая странные, причудливые тени. Дрожа от холода и страха, она толкнула входную дверь и быстро скользнула внутрь. Вздохнув с облегчением, задвинула щеколду.

Весь день она пребывала в тревоге. Сначала Харт, притаившись в засаде, поджидал ее со своей обезоруживающей нежностью и заботой, которая потрясла ее до глубины души, — и она узнала о герцоге то, что этот человек тщательно прятал от всего мира. Она хотела познать его, исследовать его душу так же, как и тело. Она хотела принадлежать ему, любить его. Разве это не безумие? Любить герцога по прозвищу Холодное Сердце?..

Эта пугающая возможность преследовала ее как привидение весь остаток дня и ночь. Беспокойная мысль всплывала при каждом ее движении, при каждом вздохе: она могла бы полюбить его. О Боже, она могла! Но он никогда бы не простил ее. Она стала бы для него еще одной женщиной, которая обманула его.

Она была не в состоянии сосредоточиться на игре, а ведь ее впервые пригласили в дом Честершира сыграть с его состоятельными друзьями. У нее не было больших денег, но, к счастью, там было всего несколько столов, открытых для ее участия. Она только что потеряла девяносто два фунта. Могло быть куда хуже.

Эмма вошла в гостиную и направилась к маленькой двери в задней стене. Крошечная потайная комната служила ей кабинетом, и она чувствовала необходимость подсчитать свою наличность прежде, чем ляжет спать. Она должна увидеть эти цифры черным по белому, напомнить себе о том, зачем приехала в Лондон.

Подняв уголок дешевого ковра рядом с письменным столом, она наклонилась. Маленький сейф был спрятан под половицей, и его содержимое значительно выросло за время ее пребывания в Лондоне. Эмма открыла металлическую дверцу и осторожно вытащила деньги, которые ей удалось заработать, играя в карты и заключая рискованные пари. Усевшись за стол в плаще и перчатках, она открыла свой грессбук. Две тысячи шестьдесят семь фунтов. Она добавила еще одну строчку, вписав сумму, которую только что выиграла. Две тысячи сто двадцать два фунта.

Не так уж плохо. Она приехала в Лондон, имея всего шестьсот фунтов, и даже после всех трат, включавших оплату дешевого жилья и покупку поношенных платьев, ей удалось собрать приличную сумму.

Три тысячи — вот ее намеченная цифра. Хотя она не возражала бы и против четырех. С тремя тысячами, вложенными в облигации, она будет иметь ежегодный доход, равный ста пятидесяти фунтам. Более чем достаточно, чтобы арендовать домик на побережье, хотя она скорее предпочла бы купить его для себя навсегда. На сто пятьдесят фунтов в год можно купить еду и мебель, одежду и даже книги. Наконец она почувствует себя независимой, что даст ей покой и комфорт. Она сможет обеспечить себя и жить там, где сочтет нужным.

Эмма смотрела на цифры, бегло набросала еще кое-какие расчеты, скрупулезно проверила. Да. Еще месяц — и она соберет нужную сумму даже при осторожной игре. И что бы ни существовало между ней и Хартом, что бы ни было в его глазах, теперь ей будет легче. Ради себя самой она не может поощрять его ухаживания, да и ради него тоже. Но мысль об

этом запрете легла тяжелой ношей на ее плечи, когда она закрыла расчетную книгу и взяла в руки лампу. Она вздыхала на каждом шагу, пока поднималась по лестнице на второй этаж.

Еще не дойдя до двери, Эмма почувствовала тепло, идущее откуда-то из темноты. Бесс подбросила угля, прежде чем пойти спать. Благослови ее Господь. Теперь Эмма без сожаления скинула плащ с плеч, стянула перчатки и бросила их на пустой стул; затем взялась за маленькие пуговицы, которые цепочкой бежали по лифу платья и переду юбки.

Если не было особой нужды, она раздевалась сама. Бесс должна была вставать ни свет ни заря, чтобы растопить печь и приготовить завтрак. Не могла же она сидеть всю ночь и ждать, пока госпожа попросит расстегнуть ей платье.

Костяшки пальцев коснулись груди, и она поморщилась от холода. Наверное, постель тоже холодная как лед. Нет, она оказалась достаточно теплой, и Эмма энергично взялась за пуговицы, желая поскорее залезть под груды одеял и простыней. Когда она переедет в свой собственный дом, она обязательно купит новое постельное белье и теплые одеяла. Как приятно будет...

— Эмили!

— Ах! — вскрикнула она и резко повернулась, услышав мужской голос. Харт — была первая мысль, прежде чем она поняла, что это не может быть он. Потому что Харт не знал это имя, имя, которое она так ненавидела. Тогда как...

— Эмили!

Хотя спальня была небольшая, но углы комнаты тонули в тени. Эмма осторожно отошла назад, напряженно вглядываясь в темноту. Прошло несколько секунд, прежде чем она различила очертания мужской фигуры. Ее сердце билось с такой силой, что, казалось, она не способна ни на что другое, как дрожать всем телом.

— Харт? — Прижавшись к краю кровати, она старалась нащупать маленький столик, на котором стояла лампа.

— Не хотел пугать тебя.

Нет. Нет. Это не Харт. Это не он. И, о Боже, он сказал «Эмили». Только один человек на свете называет ее так.

— Я... я...

— Все хорошо. Ш-ш-ш... — Тень двинулась вперед, ноги передвигались в свете, и она не смогла сдержать вскрик.

Он вскинул худые руки, стараясь успокоить ее.

— Я приехал помочь.

И тогда она смогла разглядеть его лицо. Мэтью. Это был он, это он был там на улице. Не игра ее воображения, не вымысел, рожденный ее страхами.

— Ты сама пришла в этот мир, полный несчастья и порока, Эмили. Но я здесь.

— Но... Мэтью... Что ты здесь делаешь?

— Прости. — Его тонкие губы сложились в знакомую улыбку. — Я не хотел напугать тебя. Я проник в дом, чтобы не привлекать к тебе лишнего внимания. — Он понимающе покачал головой.

— Нет, ты не ответил мне. Что ты здесь делаешь? В Лондоне? — Она обнаружила, что ее тело медленно опускается на что-то мягкое. И внезапно кровать оказалась под ней, и она села, глядя на своего бывшего поклонника. Прямые светлые волосы свисали на лоб. Глаза горели тем самым особенным блеском, который был в них тогда, когда они впервые увидели друг друга.

— Я искал тебя, я никогда не думал, что юная леди может исчезнуть так надолго. Ты несчастная блудница.

— Я не исчезла. Я всегда хотела поехать в Лондон.

— Эмили. — Он снова покачал головой. — Твое место в Чeshire, я говорил тебе это сотни раз. Я приехал, чтобы увезти тебя домой.

Страх и шок, сформировав тугий узел, сплелись в ее груди, давя на легкие и заставляя ребра опуститься. Но постепенно напряжение стало ослабевать, она крепко сжала кулаки.

— Чешир не мой дом, я много раз говорила тебе это. И ты не имеешь никакого права преследовать меня и вторгаться ко мне домой.

Мэтью улыбнулся, показывая свою осведомленность.

— Я не преследовал тебя, Эмили. Хотя, если честно, я пытался. Но я потерял твой след где-то в Бирмингеме. И вот две недели назад мой отец получил письмо из Лондона, и, к счастью, я перехватил его.

Напряжение ослабло, и она смогла вдохнуть полной грудью.

— Письмо? От кого? — Прижав руки к груди, она старалась унять злость, которая поднималась в ней.

— Какое это имеет значение? Достаточно сказать, что это был важный человек, что не сулит тебе ничего хорошего.

Харт. Харт сделал это. Он принял ее вызов. И предал ее.

— Это было очень сдержанное письмо, где, собственно, не было ничего важного, что само по себе странно. Он, казалось, был под впечатлением, что твой дядя оставил вдову. Он не знал, есть ли у тебя семья, чтобы...

— Я не... — Она перевела дыхание, замолчав на время. — Я уверена, он ошибается, так как мы не знакомы. Если ты скажешь мне, кто...

— Эмили. — Его вздох был такой слабый, едва различимый. — Там были два приглашения для леди Денмор принять участие в игре за главным столом. Ты лгала этим людям, как лгала мне.

Эмма проглотила комок, застрявший в горле. Тошнота подступила к горлу, мешая дышать.

— Я не... — О Господи! Ей нужно время подумать. — Тебе не следовало приезжать сюда, — наконец сказала она, вспомнив пристрастие Мэтью к благопристойности. И эти несколько спасительных слов дали ей немного силы, и она встала на ноги. — И не следовало входить в мою комнату.

Мэтью поднял руки, но Эмма указала на дверь.

— Ты вмешиваешься в мою личную жизнь. Ты проник в мой дом как вор. Стоишь здесь и мешаешь мне раздеться. Как ты посмел?

Его губы сжались.

— Ты только сняла плащ.

— Я расстегивала платье!

— Я видел... — начал он, запинаясь на каждом слове, — я касался... — Его щеки покраснели, когда он потер шею. — Ты всегда толкала меня на безрассудные поступки. Ты всегда толкала меня на грех. Ты Ева, та, что соблазнила Адама.

— Мэтью, все, что было между нами, — поцелуй. Я никогда не думала, что это даст тебе основание считать, что мы поженимся.

— Но ты позволяла мне... ласкать твою грудь.

О, ради Бога! Она не могла подумать, что его мозг все еще хранил в памяти несколько пустяковых объятий. Он мог разрушить все своими иллюзиями.

— Я леди, Мэтью. И прошу тебя оставить мой дом и мою комнату.

— Но ты живешь здесь без присмотра!

— Я сама присматриваю за собой. Ты не можешь оставаться здесь.

— Эмили! — пророкотал он, подходя к ней.

Она подняла подбородок и вложила в свой взгляд все возможное высокомерие.

— Ты можешь вернуться завтра между тремя и шестью часами, если хочешь нанести мне визит, Мэтью Бромли.

— Я приехал не для того, чтобы наносить визиты, — прошипел он. — Я здесь для того, чтобы забрать тебя домой, прежде чем ты опозоришь свое имя и наше совместное будущее.

— Мы поговорим завтра.

Его рот дернулся в знакомой гримасе. Эмма отступила назад, она сейчас стояла у столика с лампой. Она ударит его, если он посмеет прикоснуться к ней.

Мэтью не подошел ближе, но сжал кулаки.

— Ты думаешь, что я идиот? Ты сбежала, как крыса, бегущая от опасности. Но я не слеп, чтобы не видеть истинную причину, Эмили. Мы поработаем над этим во время нашей женитьбы. Я уже рассказал преподобному Уиттиру об этом.

— Но у меня здесь много вещей... Я не могу собрать все за какую-то пару часов. Я буду ждать тебя завтра в более подходящее время. И тогда ты можешь вернуться.

В его глазах сверкала злость, когда он пристально разглядывал ее. Он прошелся взглядом по ее платью.

— Ты одета, как шлюха, — пробормотал он, но даже это не возымело действия. Это просто была неправда. Ее бюджет позволял ей покупать лишь очень скромные платья, которые можно было переделать в еще более скромные. Поэтому Эмма с легкостью приняла оскорбленный вид.

— Ты мужчина, который хочет стать моим мужем... Ты чувствуешь себя вправе называть меня шлюхой? Убирайся из моего дома!

Сначала его лицо скорчилось в мучительной гримасе, потом разгладилось в умиротворении.

— Прости, я не это имел в виду. Просто я так беспокоюсь за тебя.

— Я не сбежала, как крыса. И, к твоему сведению, банки закрыты до завтра. Я не храню свое наследство под половицей, Мэтью.

— О, конечно, нет. Я... — Он больше не мог найти должных аргументов. Он не понимал, что значит заботиться о делах.

— Завтра, Мэтью.

Он открыл рот... и закрыл его. Наконец он коротко кивнул:

— Хорошо. Завтра. Но ты должна собрать вещи. Мы уедем и будем молить Бога, чтобы никто никогда не нашел тебя.

— Мэтью, — сказала она, решив дать ему последний шанс, — пожалуйста, пойми, я люблю Лондон. Если бы мой отец не умер, я выходила бы в свет, когда пришло время...

— Но твой отец умер. И его смерть привела тебя ко мне, и мы должны держаться вместе. Я больше не хочу слышать никаких возражений. И как ты можешь хотеть, чтобы я оставил тебя здесь? Жить жизнью полной лжи? Ты убиваешь меня.

Она кивнула, зная, что он скажет, когда откроет рот. Она слышала все это уже тысячи

раз.

— Что ж, увидимся завтра.

— Доброй ночи, — сказал он с вежливым поклоном, словно не прятался в темноте, как паук, и не подкарауливал ее. — Но если ты снова вздумаешь подшутить надо мной, не забывай, что мой отец как-никак магистрат.

Эмма подождала, пока затихли его шаги, потом пошла и заперла дверь. Она должна была обойти весь дом, выяснить, как ему удалось проникнуть внутрь.

Бесс, подумала она в приливе паники и побежала в полуподвальное помещение, где рядом с кухней располагалась крохотная комнатка горничной. Она распахнула дверь. Но Бесс была там, мерно посапывала во сне и ее не разбудили шаги Эммы. Бесс ни при чем. Прикрыв дверь, Эмма постояла в темной кухне.

Она едва могла что-то разглядеть в кромешной тьме и поняла, что ей придется пробраться через коридор и кухню по памяти. Но сейчас она чувствовала себя совершенно измученной. Приятный запах свежего хлеба и тимьяна наполнял воздух.

Харт предал ее. Это он. Ей удалось замести следы и сбежать от Мэтью в Лондон, и он не нашел бы ее, если бы не это письмо. Но что делать теперь? Бежать?

Да, она должна бежать. Должна. Она подсчитала свои сбережения; что ж, она почти приблизилась к своей цели. Она может жить в безопасности, если не в комфорте.

И то, что ей удалось хоть на время избавиться от Мэтью, еще больше утвердило ее намерения. Решимость бурлила в ней, крохотный уголек надежды с каждым вздохом разгорался все сильнее и сильнее. Да, она здесь одна в темноте, в кухне своего дешевого дома. Но она была одна всегда, и это не может остановить ее.

Эмма упрямо склонила голову и вошла в темноту. Она смогла идти в темноте несколько минут назад. И сможет сделать это снова.

В течение часа Эмма ходила по кругу в холле, один круг занимал пятнадцать секунд. Каждый раз она останавливалась перед большими настенными часами, видела, как миновала очередная минута. Сжав руки, она продолжала ходить.

Сомнения разрывали грудь. И она пыталась физически прогнать их прочь. Она не хотела просить помощи, но сделала бы все, чтобы принять ее. Да. Это был риск. Но если она что-то понимает в этой жизни, это был обоснованный риск.

Она хотела, чтобы Мэтью исчез. Хотела, чтобы он не мог причинить ей вреда. Если бы она позволила себе опуститься в те темные глубины порока, которые, как она знала, бурлили у нее в крови... это было бы довольно просто. В Лондоне даже одинокий незнакомец может нанять убийцу за несколько фунтов. Но она еще не опустилась столь низко. Она не хочет навредить Мэтью, хотя он угрожал ей, вбил себе в голову, что она отказывается понять его. Нет, она не хотела причинять Мэтью вред.

Был только один человек, к которому она могла обратиться. Она доверяла ему больше, чем кому бы то ни было, хотя и не полностью.

Она снова подошла к стене и посмотрела на часы. Пять часов пятьдесят две минуты. Если она скажет, что ей необходима срочная помощь, пустит ли ее его дворецкий? Зажжет лампу и разбудит своего хозяина, держа ее письмо в руках? Она не знала. Но могла попробовать.

Эмма еще долго кружила по комнате, прежде чем ей удалось успокоиться. Она накинула плащ, натянула перчатки и тихо молилась, чтобы Господь помог ей найти экипаж в этот ранний час. Молилась, чтобы ей повезло и слуга отнесся к ней сердечно или по крайней мере с пониманием и сумел оценить ее искренность.

Стоило Эмме шагнуть за порог, как она оказалась в густом тумане. И к лучшему, никто не мог проследить за ней, не шел по пятам, она сама не видела себя, шагая сквозь густую влажную пелену.

Если бы даже поблизости был экипаж, она не могла бы разглядеть его. Казалось, все застыло кругом — и Эмма, и густой туман. Единственное, что она могла, — идти вперед в окружении тумана.

Туман окутывал ее, она входила в него все дальше и дальше, он поглощал ее, словно гигантский голодный рот. Звуки были четко слышны. Но это были звуки ее собственных шагов и другие, неведомые шумы. Она должна была испугаться, но продолжала идти. И чего ей бояться? Самый большой из всех возможных страхов уже посетил ее — Мэтью.

Мэтью Бромли имел самое прямое отношение к ее страхам, неженатый мужчина в деревушке ее дяди. А Эмма была юной девушкой, ее тело разрывалось от любопытства. Он выбрал ее, и она позволила себе несколько случайных встреч. Невинных, по существу... Его интерес к ней вырос, сфокусировался и стал интенсивнее. Он недолго довольствовался поцелуями и прогулками. Он хотел большего — завоевать ее душу. Он хотел жениться, требовал этого, но она отказала.

Затем в одну из прекрасных ночей Великого поста он снова уговорил ее прийти на свидание. Она была раздражена и обеспокоена, но все же встретила с ним на берегу реки. И хотя она не отвечала на его нежности и ей становилось тревожно от запаха дыма, идущего непонятно откуда, она не вернулась домой вовремя, а позволила ему увлечь себя на

длительную прогулку. И именно в ту ночь ее дядя погиб во время пожара. Потому что ее не было дома.

Эмма вздохнула и, остановившись, огляделась. Предрассветный туман вмещал лишь два цвета: черный и серый. Конечно, улицы скоро оживут.

Мэтью сначала был ее другом. Он привел ее в дом своего отца и постоянно был рядом, разделяя ее горе и вину. Его семья позаботилась о ней и приняла как родную, но Мэтью не забыл о своем желании. Через несколько недель после смерти дяди он начал стучаться в ее дверь. Шептать о ее обязанностях и своей любви. Он подкарауливал ее в темных уголках под лестницей и в коридоре, постоянно заводил разговор о будущем и о благодарности, которую она должна ощущать от его преданности. Эмма сама не заметила, как оказалась в ловушке.

Но завещание покойного дяди было наконец вскрыто, и она получила свое наследство. Что за облегчение было уехать из дома Бромли! Она сняла комнату в доме мельника, но ее радость оказалась недолгой. Мэтью страшно разозлился и не оставил своих притязаний. Напротив, он стал еще настырнее.

Достаточно скоро она поняла, что должна исчезнуть из дома мельника, чтобы скрыться от приставаний Мэтью и от взглядов любопытных соседей. Она не могла объяснить миссис Шропшир, жене мельника, почему не испытывает никакого интереса к замужеству. Она устала от непонимания, ей надоело отвечать на вопросы, почему она отвергает очередное предложение Мэтью. И она не могла жить полной жизнью на шестьсот фунтов.

Карета проехала мимо, обрызгав ее грязью. Эмма отошла ближе к домам, но это не помогло. Тут она угодила в большую лужу и прокляла свое невезение. Еще одна карета загромыкала по бульжной мостовой, какая-то женщина пробежала мимо, и Эмма поняла, что туман начал спадать. Наконец она вышла на широкую улицу и улыбнулась. Три экипажа стояли вдоль тротуара, их колеса утопали в тумане.

Десять минут спустя она уже стояла перед темно-зеленой дверью. Наступило утро, хотя солнце едва просвечивало сквозь серые тучи. Эмма убрала волосы со лба и провела рукой по лицу. Она поправила плащ, отодвинув его чуть-чуть назад, чтобы приоткрыть платье из хорошей ткани. И затем поднялась по ступеням и взялась за молоточек.

Долгое время никто не отвечал, хотя слуги уже должны были быть на ногах. Но видимо, не слышали стука в парадную дверь. Если никто не ответит, ей придется пройти к черному ходу. Эмма постучала сильнее.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Послышались приглушенные голоса. Прежде чем дверь открылась, Эмма выпрямила спину и подняла подбородок как можно выше.

Дворецкий, довольно молодой человек, внимательно оглядел ее. Он не оставил без внимания синий шелк ее платья, остановился взглядом на промокших туфлях и только потом кивнул:

— Мадам?

— Мне нужна ваша помощь. Это очень срочно. Вы не могли бы передать это лорду Ланкастеру? — Она протянула смятую записку. Дворецкий посмотрел на бумагу, но не взял ее.

— Милорд принимает днем, мадам.

— Я леди Денмор, друг вашего хозяина. Он предложил мне свою поддержку, на тот случай если она мне понадобится. И она необходима мне сейчас. Пожалуйста, передайте ему письмо.

— Но это против всех правил.

— Да-да. Конечно. Я бы не ушла из своего дома так рано, если бы это не было срочно. Пожалуйста, разбудите его. Отдайте ему письмо. Я подожду здесь, если не возражаете. Мне это крайне необходимо. Вы откажете мне, если он откажет.

Молодой круглолицый мужчина отвел взгляд от ее лица и посмотрел на записку. Он явно не знал, как поступить, и разрывался между чувством служебного долга, повелевающим соблюдать священный покой своего хозяина, и желанием соблюсти приличия при переговорах с незнакомой леди. Он не имел опыта в подобных вещах. Как, впрочем, и вообще не имел опыта. По мнению Эммы, этот молодой человек был лучшим дворецким, какого только мог себе позволить Ланкастер.

— Пожалуйста,йдите за мной в приемную, леди Денмор. Я уверен, лорд Ланкастер будет счастлив, если вы согретесь чашкой чаю, пока ждете его.

Эмма глубоко вздохнула и почувствовала, как защипало глаза от слез при мысли о чае и теплой комнате.

— Благодарю.

Дворецкий взял записку, а также плащ гостыи. И провел ее в уютную приемную, прежде чем доложить хозяину.

Ей придется подождать, и она была благодарна этому. У нее есть время собраться с силами. Ланкастера придется разбудить, ему понадобится время, чтобы прочитать записку и одеться, побриться, может быть, даже взбодрить себя чашкой чаю.

Девушка принесла чай и горячие булочки. Эмма наслаждалась, торопливо поглощая мягкую булочку. Она едва успела смахнуть крошки с губ, как появился Ланкастер.

— Леди Денмор?

Эмма оцепенела при виде его. Виконт всегда был образцом элегантности. Но только не в это утро. Сейчас на нем были ботинки и короткие штаны, мятая белая рубашка, открывающая половину груди, и черный сюртук, небрежно накинутый на плечи. Волосы на голове спутанные, сплошная золотая масса, светлее, чем щетина на щеках. И Эмма могла бы поклясться, что на воротнике рубашки было пятно от губной помады.

— Леди Денмор. Что случилось?

Она отвела изумленные глаза от его нескромной одежды.

— Мне... мне... нужна ваша помощь, Ланкастер.

Он нетерпеливо кивнул:

— Конечно. Вы в опасности? У вас неприятности?

— Нет, я... — Нервы натянулись, и она не могла усидеть на месте. — Извините, что пришла в такой неурочный час.

— Ради Бога, леди Денмор, расскажите мне, что случилось?

Она не знала, с чего начать.

— Пожалуйста, зовите меня Эмма.

— Эмма. — Он не так нежно произнес ее имя, как это делал Харт. Сейчас в его интонациях слышалось нетерпеливое ворчание.

Она снова посмотрела на его открытую грудь и заметила шрам на шее. По всей ее ширине. Перехватив беспокойный взгляд Эммы, Ланкастер нахмурился и начал торопливо застегивать рубашку.

— Мне нужна помощь, — наконец выговорила она. Она подошла к камину и стала смотреть на огонь, который разожгла горничная. Когда же она оглянулась, Ланкастер стоял,

заложив руки за спину и исподлобья следя за ней. У нее не было выбора. — Один человек... из Чешира преследует меня.

— Преследует?

— Он был... Он и раньше, когда я была замужем, питал ко мне интерес. Когда лорд Денмор умер, он стал... более настойчивым. Он не оставляет меня в покое, говорит, что любит меня и мы должны пожениться. Он не желает принимать мой отказ. И выдумывает такие вещи...

Ланкастер покачал головой:

— Я не понимаю...

Эмма прикусила губу, ей не оставалось ничего другого, как призвать на помощь ложь, которую она сочинила.

— Он всем говорит, будто я вообще не была замужем. Утверждает, что лорд Денмор не был моим мужем. Я страшно испугана. Я решила уехать в Лондон, забыть о нем и обо всем, что с ним связано... Но он нашел меня и здесь.

— Вы видели его?

— Да. — Эмме пришлось разыгрывать печаль, когда она прижала руку к груди. — Вчера, возвратившись домой, я нашла его в моей спальне. Он ждал меня там.

Тревога появилась в глазах Ланкастера.

— Эмма? — спросил он, но она покачала головой.

— Я сказала ему, чтобы он ушел. Но он вернется сегодня днем. Он настаивает, чтобы мы уехали в Чешир и поженились, говорит, что уничтожит меня, если я не соглашусь.

Глаза Ланкастера сузились, он осторожно спросил:

— Этот человек не обидел вас? Это правда?

— Да. Со мной все нормально. Просто напугал и... мне нужно время. Я должна перевезти все свое домашнее хозяйство, но мне необходимо несколько дней, может быть, пару недель, чтобы найти подходящее жилье и устроиться...

— Вы не хотели бы остаться здесь?

— О! Что вы... я польщена!

Его лицо озарилось быстрой улыбкой, которая придала ему лукавое выражение.

— Разумеется, я имею в виду, что сам буду в отъезде.

— Хм-м, конечно. Но я не могу рисковать, снова вступая с ним в спор или... вы понимаете...

— А почему вы не обратились за помощью к Сомерхарту? Я спрашиваю, разумеется, не потому, что возражаю против вашего прихода ко мне.

Эмма сжала ладони и задумалась.

— Все не так, как кажется на первый взгляд, — после небольшой паузы проговорила она. — Мы больше не общаемся. А если бы и общались, он не понял бы меня так, как...

— Ха! — воскликнул Ланкастер. — Справедливое заключение. Я рад, что вы не пострадали, и подумаю, что можно сделать. — Он указал на диванчик, обитый узорчатой парчой, и сел рядом. — Вы говорите так, словно у вас уже есть идея, которую вы хотели бы осуществить.

— Да.

Он снова улыбнулся, когда она налила ему чай.

— Вам нужна помощь. Но я очень сомневаюсь, что вы так уж беспомощны.

— Мм... — задумчиво протянула Эмма. — У меня есть маленький план. Мне нужно,

чтобы этот человек держался подальше от меня и я смогла бы беспрепятственно уехать.

— Но куда вы уедете? Он снова найдет вас. Он может причинить вам вред.

— Я не хочу, чтобы пострадал он или его близкие. Они были так добры ко мне.

— Но вы готовы отказаться от жизни здесь, лишь бы сбежать от него?

Встретив его беспокойный взгляд, она решила сказать правду.

— Я никогда не намеревалась жить здесь, Ланкастер. И не могла бы позволить себе такое, даже если бы хотела. Я приехала для того, чтобы...

— Это ясно, зачем вы приехали, Эмма. Вы приехали, чтобы заработать деньги. — В его глазах светилась симпатия. Понимание.

Она отвернулась.

— Не то чтобы деньги...

— Я понимаю. Но вы имеете на это больше прав, чем я. Вы работаете для этого, я же просто хочу жениться.

Эмма рассмеялась:

— Кто-то сказал, что жизнь — это работа.

— Возможно. — Его ладонь накрыла ее руку. — Если бы у меня были свободные деньги, то я отдал бы их вам и отпустил бы вас на все четыре стороны. Или не отпустил.

Она покраснела и рассмеялась. Даже в своем бедственном положении она находила его очаровательным. И соблазнительным. Если бы она не была честной, она соблазнила бы его. Но она знала, что он должен найти себе жену, и чем скорее, тем лучше. Любую жену, которая принесет ему деньги.

И потом она не была его единственным увлечением, на что указывало состояние его рубашки.

Эмма открыто улыбнулась и встретила его взгляд.

— У меня есть план, но мне нужна ваша помощь. Я хотела бы, чтобы Мэтью арестовали. Чтобы его продержали под арестом пару недель, но не причинили вреда. Но вот беда, я не знаю, где найти нужного констебля, кого-то, кто польстился бы на взятку. Пусть не очень честного, но такого, кому можно доверять. — Она снова рассмеялась, хотя, конечно, это было не к месту.

Он усмехнулся:

— И вы подумали обо мне?

— Только потому, что считаю вас другом, Ланкастер. Не потому, что думаю, что вы прохвост.

— Как друг, я могу быть искренен с вами. Я не уверен, что знаю, где отыскать порядочного констебля, который пойдет на подкуп. Но сделаю все, что смогу.

— Спасибо. Мне никогда не расплатиться с вами.

— О, я думаю, вы могли бы, но тут вмешивается мое проклятое благородство.

— Это тяжелая ноша, я понимаю.

— В котором часу придет ваш назойливый поклонник?

— В три часа. Я воззвала к его чувству приличия. Если бы я не пообещала, он бы ни за что не ушел.

— Что ж, тогда я немедленно приступлю к делу. Постараюсь найти подходящего констебля и, когда все устроится, сообщу вам, а ваш преследователь будет смотреть на мир сквозь тюремную решетку.

Горло перехватило. Ее душили слезы стыда и облегчения. Она была так благодарна

Ланкастеру за помощь и дружбу, хотя сама лгала ему на каждом слове. И когда она думала о том, что случится с Мэтью, ее угнетало чувство вины. Но как бы то ни было, она не могла позволить ему исковеркать себе жизнь. А Харт...

Она прерывисто вздохнула и сжала руку Ланкастера.

— Простите меня...

— Глупости. Я рад, что вы обратились за помощью ко мне.

Она кивнула, как бы извиняясь только за причиненное ему беспокойство, а не за злоупотребление его доверием, а также и всех тех, кого он знал.

Эмма склонилась над раковиной. Гладкий белый фарфор охлаждал руки. Ее пальцы дрожали. Капельки пота катились по виску и приземлялись на бледную ладонь. Когда тошнота прошла, Эмма снова села на кровать и вытерла лоб рукавом.

Она сделала это. Она отправила Мэтью за решетку. В маленькую камеру с каменными стенами и крохотным окошком, забранном стальной решеткой. Она посадила его. Констебль обещал, что ему обеспечат комфорт и безопасность. У него была одиночная камера, приличная еда и прочие специальные блага, которые не полагались заключенным. И все же Эмма переживала, чувствуя свою вину.

Если бы он не преследовал ее! Если бы он подождал еще несколько месяцев.

— Прекрати, — прошептала она, поднеся ладони ко лбу. — Прекрати, прекрати. — Его арестовали. Это сделано. И будет только хуже, если она не примется за осуществление своего плана немедленно.

Бесс тихонько приоткрыла дверь.

— Лорд Ланкастер ушел, мэм. Он попрощался и попросил, чтобы вы связались с ним завтра. Он был очень встревожен.

Она видела, что Бесс тоже встревожена, но держит язык за зубами. Ее отослали по поручению до трех часов, и она вернулась только сейчас.

Эмма подняла голову и распрямила плечи.

— Я хочу надеть красное платье, его надо погладить.

— Мэм?

— Я ухожу в девять.

— Но... мне казалось, мы начали собирать вещи?

— Да, но без излишней спешки. Мы уедем через несколько дней.

— Но эти неприятности...

— Все закончилось, Бесс. Нам больше ничто не угрожает. Красное платье, пожалуйста, — напомнила она.

Бесс отошла, не сказав ни слова, и только неуверенно оглянулась на Эмму, доставая платье из гардероба. Оно было вызывающе яркое. Чересчур роскошное. И оно было почти новым.

Даже если бы Мэтью просто позволили уйти, Ланкастер все равно обратил бы внимание на его обвинения в адрес Эммы. Он внимательно наблюдал за ней, когда Мэтью шумно доказывал, что она не леди Денмор, а племянница лорда Денмора. Он клялся, что Эмме лгунья, невинность, порочащая себя тем, что живет как вдова. Он кричал, что она принадлежит ему и обещала, что будет его женой.

Эмма, в ужасе слушая все это, не могла не заметить тени подозрения, промелькнувшей в глазах Ланкастера. Во время этого инцидента констебль держался спокойно, можно сказать, по-отечески, даже когда Мэтью изрекал свой любимый спич, тот, где Эмма, подобно Еве, соблазняла мужчин яблоком. А если не Ева, то Иезавель или Мария Магдалина.

При этих словах подозрения Ланкастера испарились, их заменило отвращение. Эмме удалось взять себя в руки. Когда обвинения иссякли, Ланкастер и старый констебль втолкнули Мэтью в полицейскую карету. Но когда Ланкастер вернулся и взял ее дрожащую руку, хладнокровие покинуло ее. Эмма повернулась и быстро побежала вверх по лестнице.

Но она не могла расслабляться, не могла дать отдых расшатанным нервам. Не могла пропустить даже часа игры. Она нуждалась в еще одной тысяче фунтов, и даже собственная душа не могла отвратить ее от этого.

— Почему? — орал Мэтью в стену камеры. — Господи, почему ты позволил ей сделать со мной такое?

Ему послышался какой-то скрип под кроватью, и он быстро поднял ноги на матрас. Обняв колени руками, он раскачивался из стороны в сторону, произнося молитву за молитвой.

Его преследовали люди этого погрязшего в грехах города, люди, которые забыли о Боге. Они не могли разглядеть в ней дьявола, когда она с такой готовностью выставляла себя напоказ перед ними.

Грубый окрик послышался из дальнего конца коридора, и Мэтью зарыдал, уткнувшись в колени.

Он не мог так жить, запертый в крошечной камере, будто он вор или преступник. Ковер, покрывавший каменный пол, был дешевым и истертым. Чай, который подавали, казался отравой. Констебль настаивал, чтобы Мэтью сказал, где он оставил свои вещи, но он не сказал ему ничего. Он думал, что они хотят украсть его ценности и продать его одежду на улице.

Когда кто-то открыл замок, Мэтью подскочил и натянул одеяло на грудь. Наверное, его сейчас будут бить и пытаться. Мучить его за веру. Ему внезапно пришло в голову, что это могло бы стать работой церкви — этих людей соблазнили деньгами и властью, они могли даже настроить Эмили против него.

Холодный порыв воздуха ворвался в камеру и заставил его задрожать.

— Мистер Бромли. Я принес вам грелку, как обещал.

Мэтью выглянул из-под одеяла. Старый констебль. Он напомнил Мэтью отца, поэтому он осмелел и сел прямо.

— Вы совершили огромную ошибку, поверив этой шлюхе. Она все врет и выдумывает. Змея в саду.

Констебль вздохнул.

— Вы не совсем правы, а?

— Я прав, я больше чем прав. Разве вы не видите, что она соблазнительница?

— Ради Бога, парень, вы сказали, что хотите жениться на ней.

— Да. Это ее единственное спасение, и мое тоже.

Мужчина собрался уходить и запереть дверь этого ужасного тесного бокса. Мэтью спустил ноги на коврик.

— Послушайте. Прошу вас, послушайте. Вы знаете, вы должны знать, что женщины — источник всего дьявольского в мире. Они соблазняют нас и ведут в ад. Эмили пропадет без мужчины, который бы руководил ею. Ее единственное спасение — сильная рука и железная воля. И я думаю, что могу дать ей и то и другое. Пожалуйста, помогите мне спасти ее от Сатаны. Я изгоню из нее дьявола, это мой долг.

Его отец наверняка признал бы сейчас его правоту и склонился перед мудростью сына. Этот мужчина похож на его отца, но, как оказалось, сходство на этом и кончалось. Его мягкое морщинистое лицо побагровело от ярости.

— У меня пять дочерей, мистер Мэтью. Пять прелестных дочерей. И я молю Бога,

чтобы ни одна из них не встретила мужчину, подобного вам.

Дверь захлопнулась с громким эхом.

— Мой отец магистрат! — закричал Мэтью, но замок лязгнул и закрылся, как огромное железное насекомое.

Он потянулся к горячей грелке и засунул ее под одеяло, прежде чем свернуться калачиком. Отчаяние переполняло его, и он разразился громкими, тяжелыми рыданиями, как человек, которого предала любовь и весь мир, недобрый и лживый.

— Где она?

Харт пожалел о своем резком тоне, видя, как вздрогнула Бесс, но, увы, не мог сдержать гнев. Ее грубые красные пальцы сжимали створку двери.

— Мне очень жаль, ваша светлость, но госпожи нет дома.

— Я ожидал, что ее не будет. Игра недостаточно оживленная сейчас. Куда она ушла?

Бесс покачала головой:

— Она не посвящает меня в свои планы, сэр.

Харт вздохнул и уперся рукой в дверной проем.

— Да. Я полагал, что так.

— Очень сожалею, сэр. — Бесс наклонила голову, ее губы дрожали.

— Вы не виноваты. — Конечно, это действительно не вина Бесс. Леди Денмор — она виновата во всем. — Что, черт побери, происходит с ней?

— Она...

Он посмотрел на Бесс, удивленный, что горничная собирается ответить на трудный вопрос.

— Она... расстроена, ваша светлость.

Неприятно засосало под ложечкой, и он выпрямил спину.

— Расстроена? Чем? Или, может быть, кем?

Бесс покачала головой, но Харт тут же припомнил слухи, которые дошли до него пару дней назад.

— Ланкастер?

— Ваша светлость! — Бесс покраснела.

Он говорил себе, что это некрасиво с его стороны — выпытывать информацию у прислуги, но не мог удержаться.

— Лорд Ланкастер? Это причина ее расстройства?

— Нет, сэр. — Бесс покраснела еще сильнее.

— Я понимаю. — Харт повернулся и пошел к карете. Она не могла иметь роман с Ланкастером. Она говорила, что не хочет этого, и Харт поверил ей. Но слухи утверждали, что видели, как она выходила из его дома на рассвете...

Нет. Может быть, он сам расстроил ее? Она нервничала и была почти напугана его откровенностью. И сейчас все эти слухи только подтверждают то, что она не в себе. Она делает большие ставки в карточных играх, увлекает молодых мужчин в рискованные предприятия, участвует в сомнительных вечеринках... И она совершенно игнорирует Харта и его призывы к осмотрительности.

Все его нутро бурлило в течение двух суток, и казалось, что ему не суждено успокоиться в ближайшее время. Попытки поймать ее на лжи провалились. Эта женщина скользкая как угорь. Но вечером, вечером он найдет ее, и леди Денмор узнает, что его терпению пришел конец.

— Он ушел?

Бесс не подняла головы, когда Эмма вошла к ней.

— Бесс? Герцог ушел?

— Да.

Она не обратила внимания на недовольство Бесс и повернулась к ней спиной.

— Тогда застегни мне платье. Оранжево-красные юбки отражали зыбкий свет свечей и казались такими красивыми, особенно если не знать, что еще недавно подол был весь в грязи. Бесс трудилась над этим платьем два дня, чтобы привести его в подобающий вид. Она также добавила темно-красные шелковые ленты для отделки широких рукавов и двойных оборок на юбках. Эмма повязала ленту того же цвета на шею.

Она выглядела прекрасно, хотя и чувствовала себя обманщицей, какой и была. Замечания Харта сначала вселяли беспокойство, потом стали раздражать и, наконец, разозлили ее. Она обидела его своим безрассудством и невниманием к его советам. И хотя она возмущалась его предательством, которое навлекло на ее голову неприятности, она не стала бы утверждать, что он сделал это сознательно. Он не мог предугадать последствия своего письма, не знал, что произойдет, когда он встретится с отцом Мэтью.

И так как он не доверял ей, было куда проще завершить то, что она задумала. Она не заслуживала доверия, и не было нужды притворяться в обратном.

Поняв, что Бесс закончила затягивать корсет, Эмма повернулась и увидела, что служанка стоит, сложив руки на груди.

— Спасибо, Бесс. Еще два дня, ну, может быть, три, и мы распрощаемся с Лондоном, как ты хотела.

— Он так подходит вам.

Эмма вскинула голову, не желая притворяться, что не понимает, о ком идет речь.

— Да, Сомерхарт хорошо относится ко мне. Но благородны ли его намерения? Он хочет стать моим любовником, не мужем. Его не волнует, чем я живу, что делаю...

— Он заботится о вас.

— Точно так, как заботится о своей любимой гончей. Герцог богатый и могущественный человек. И будь я на твоем месте, я не стала бы беспокоиться о нем.

Бесс с сожалением кивнула:

— Думаю, вы правы, мадам.

— Ну а теперь скажи, как я выгляжу.

От этого вопроса Бесс растаяла.

— Великолепно, мэм. Жаль, что у нас нет плаща получше, чтобы накинуть на это прелестное платье.

— Оно прелестное благодаря тебе. Ну, а теперь мне пора. Я уже опаздываю. У меня остается два часа на игру, и потом тихий семейный ужин. Так что не жди меня, ложись. Я вернусь перед рассветом.

Карета, которую она наняла, ждала в конце аллеи. Она предполагала выехать на четверть часа раньше, но Харт вышел из ее дома, ударив в дверь с такой силой, как будто это была не дверь, а она сама. Воспоминания заставили ее ускорить шаг. Удивленный кучер спрыгнул со своей скамейки и открыл перед ней дверцу.

Ей следовало отменить поздний ужин, но она была приглашена к лорду и леди Осборн. И никак не могла пропустить эту встречу. После этого вечера она больше не увидит их. Она знала это, хотя они еще не знали.

— Последняя спокойная ночь перед тем, как начнется сезон, — сказал лорд Осборн, и Эмма была благодарна, что они пригласили ее.

Но сначала раут в доме Тануитти. Затем другая вечеринка, и только потом тихий ужин с

друзьями. Друзья, которые наверняка обидятся, если узнают правду.

Но это уже не ее забота. Ее опасения медленно испарялись. Она почти приблизилась к своей цели.

Эмма так глубоко ушла в свои мысли, что не заметила, как остановилась карета. Дверь открылась, и она вышла. Как только дворецкий отворил двери дома и Эмма вошла, она поняла, что совершила ошибку. Ей не следовало приезжать на эту вечеринку.

Джентльмены стояли полукругом возле господина, который был незнаком ей. Леди сверкали драгоценностями и шуршали шелками. Их головы моментально повернулись при ее появлении. Они бросали оценивающие взгляды на ее поношенный плащ и простую прическу. Чтобы приоткрыть платье, Эмма поспешила развязать завязки плаща и отдала его дворецкому.

Казалось, она совершила опрометчивый шаг, решив посетить эту respectable вечеринку в преддверии сезона. С каждым днем в город приезжало все больше и больше семей, и так как не предполагалось блестящих балов, по крайней мере в течение нескольких ближайших недель, вновь прибывшие нуждались в развлечениях.

Эмма попыталась скрыть панику вежливой улыбкой. Все эти леди неодобрительно поглядывали на нее, но ни одна из них не знала правду о ней.

Деревня дяди была маленьким, полусонным местечком. Так что ни сквайры, ни баронеты, знавшие ее, не имели денег, чтобы ездить в город. Их достаток не распространялся так далеко. Поэтому она может не беспокоиться — разоблачения не последует.

Быстро поправив прическу, Эмма нащупала небольшие кристаллы, которые вплела в косы. Она не могла позволить себе дорогую шляпку или перья и была счастлива, что есть хотя бы эти украшения. С ними и в прелестном платье ее появление не сочтут неуместным.

Прошли две дамы, рука об руку, и Эмму обожгли две пары глаз. Но когда она поклонилась, дамы сдержанно поклонились в ответ.

— Леди Денмор!

Она вздрогнула и не могла сдержать возгласа удивления, когда увидела в большом холле знакомое лицо. И поняла, что это мистер Джонс. Он бросился к ней, ее напряжение испарилось при виде его широкой улыбки.

— Мистер Джонс, — вздохнула она, наблюдая, как кровь прилила к его щекам, когда он склонился к ее руке с поцелуем.

— Счастлив видеть вас, леди Денмор. Прошла целая неделя. Я хотел сказать... — Он громко кашлянул. — Не хотите чего-нибудь выпить? Лимонад? Шампанское? Я был бы счастлив...

— Боюсь, что не задержусь здесь надолго, но я была бы рада, если бы вы показали мне дом. Я никогда не видела дом лорда Тануитти.

— Конечно, с удовольствием. — Он предложил ей руку, смущенно отведя глаза. Мистер Джонс был юн и застенчив, и Эмма всегда была добра с ним, но никогда не поощряла его ухаживаний. Его рука дрожала под ее пальцами.

— Вы намерены играть сегодня? — спросил он. — Я никогда... я имею в виду, я думаю, всегда ли вы играете так... страстно?

— Я не думаю, что я страстный игрок, — честно призналась Эмма. — Я просто с наслаждением принимаю брошенные мне вызовы.

— И довольно успешно. Вполне успешно. Я ваш... ваш большой поклонник. Я никогда

не владел тонкостями карточной игры и поэтому не ставил больше, чем несколько пенни. А вы такая мастерица.

— Спасибо, мистер Джонс. — Он снова покраснел, и Эмма поспешила переменить тему: — Дом лорда Тануитти такой красивый. — Они уже миновали три комнаты, но мистер Джонс был слишком увлечен комплиментами, чтобы давать пояснения.

Она вела его вперед в дальний конец коридора. Когда они проходили мимо одной из дверей, она услышала, как кто-то окликнул ее.

— Прелестная леди Денмор! Я надеюсь, моя дорогая, вы составите мне компанию за столом в этот вечер.

Ей удалось улыбнуться в ответ, несмотря на то что это был Марш, который заметил их, когда они проходили мимо библиотеки. Настроение Эммы резко поднялось, она ощущала нечто близкое к ликованию. Еще бы, у нее появился шанс ободрать как липку этого отвратительного типа, прежде чем покинуть город.

— Марш, — проговорила она, и мистер Джонс ввел ее в комнату. — Сегодня я хотела бы сыграть в брэг. Вы играете?

— Брэг? — Он осмотрел ее с ног до головы, его глаза задержались на лифе ее платья. — Я готов сыграть одну партию или две. Но эта игра слишком старомодна для такого юного существа, как вы, миледи, и не слишком подходит для дамы. Вы уверены в своем выборе?

— О да, — отвечала она с улыбкой.

Мужчины расступились, пропуская ее к месту за столом. Эмма оглядела других игроков, кивнула тем, кого знала. Атмосфера была более накаленная, чем обычно, и Эмма подумала, что это ей на руку. Обычно мужчины считали женщин плохими игроками. И обычно эти мужчины проигрывали ей.

— Я могу принести вам шампанское? — спросил мистер Джонс, наклоняясь к ее плечу.

— Пожалуйста.

Марш выдал кривую улыбку.

— Осторожнее, джентльмены. Вдовствующая леди Денмор опасный соперник, и по мере того как ночь будет продолжаться, она только войдет во вкус. — Мужчины рассмеялись и приняли ее скромную улыбку за чистую монету. Идиоты.

Они думали, что Марш просто ублажает ее, и предположили, что она по меньшей мере не поняла двусмысленности его слов. Марш подразумевал, что ему кое-что известно об ее искусстве в ночных забавах, как будто бы она снизойдет до того, что позволит его потрескавшимся губам притронуться к своей коже. О да, она с наслаждением разденет его до нитки.

Мистер Джонс вернулся с шампанским. Карты были розданы, и Эмма сделала первую ставку. Игра началась.

Тысяча фунтов! Одна тысяча фунтов!

Одна тысяча фунтов лежала на столе: горсти золотых монет и ассигнации. Достаточно, чтобы обеспечить существование одной семьи на полжизни или больше. И Эмма была близка к тому, чтобы выиграть. Возможно.

За исключением того, что она выложила последний фунт в предыдущей ставке, и Марш знал это.

На мгновение отбросив беспокойные мысли, Эмма окинула взглядом публику. Она и Марш были последними, кто остался в этой партии, другие игроки перебрасывались

репликами, комментируя игру. Джентльмены плотным кольцом окружали стол. Атмосфера слишком накалилась, комната стала голубой от дыма и совершенно неподходящей для других леди. Настоящих леди.

Руки Эммы вспотели в перчатках, потемневших от монет, которые она клала на стол.

«Ты не должна отступать сейчас, — говорила она себе. — На этом столе твои четыреста фунтов». Нет, она не хотела выходить из игры. У нее хорошие карты, победа почти гарантирована. Почти.

— Вы поставили меня в затруднительное положение, — наконец пробормотала она.

Марш старался выказать сочувствие.

— Но у вас, конечно, есть что предложить в залог? Что-то, что могло бы быть принято как обеспечение? Я буду счастлив предложить ссуду.

— Нет, у меня ничего нет.

— Я понимаю. — Его зеленые глаза сверкали, как крылья стрекозы, зависшей над водой. Он придвинулся поближе к ней, и Эмма положила карты на стол.

Но его взгляд был направлен в другую сторону. Его глаза остановились на низкой линии ее декольте.

— Вы уверены, что вам нечего предложить?

— Вполне. Разве что мое слово.

— Слово женщины? Необоснованный риск, леди Денмор. Но у вас есть нечто весьма ценное для ставки. Что-то, что я ценю очень высоко.

— И что же это? — Она не стала ближе наклоняться к нему, чтобы облегчить ему задачу. Она точно знала, что он имеет в виду, и если он не хочет сделать свое предложение во всеуслышание, тогда, может быть, трусость заставит его сохранить эти мысли при себе? Он был готов разрушить ее репутацию, а заодно и свою собственную. Сладкий запах портвейна обдал ее, когда он выдохнул:

— Я уверен, что вы знаете, что я имею в виду, леди Денмор.

— Уверена, что не знаю.

Он поднял глаза на мужчин, окружавших стол, но тут же снова уставился на ее грудь.

— Ночь в вашей постели, — наконец прошептал он.

Несмотря на то что Эмма ожидала этого, все ее тело содрогнулось в шоке. Волна напряжения, казалось, прошла по спине, за которой стояли наблюдатели этой сцены. Все выжидающе замолчали.

Эмма подняла брови.

— Вы думаете, лорд Марш, мое достоинство стоит всего лишь четыреста фунтов? Я не уверена, что более оскорбительно: само предложение или ваша оценка.

Голоса и перешептывания стали громче.

Ее противник посмотрел ей в глаза и улыбнулся. Он видел, что она оскорблена, но не разгневана.

— Пятьсот. Возьмите обратно ваши предыдущие ставки из общих денег. Что бы вас устроило? Семьсот? Восемьсот фунтов?

Эмма молча смотрела на него. Если она сделает это, ее имя будет навсегда опозорено, но ее имя вскоре будет опозорено в любом случае. А если она сделает это и победит, то уже на рассвете сможет покинуть Лондон. Все ее имущество было упаковано в тюки и саквояжи, и их было не так уж много. Она сделает это. Чтобы обрести свободу, ей нужно больше денег, чем у нее есть.

А если она пойдет на это и проиграет... Что ж, в любом случае она уедет утром, хотя и недостаточно богатой, потому что, будь она проклята, ее честь поставлена на карту, и это не менее ценно, чем любое другое.

Эмма стиснула руки и поморщилась от той боли, которая пронзила ее тело.

Рискнуть еще раз...

Она не знала, почему мысль избавиться от позорного, бесчестного долга причиняла ей столько боли, но, может быть, это пойдет ей на пользу?

— Возможно, вы хотите на этом закончить? — предложил он, заметив ее волнение. Уголки его рта приподнялись в усмешке. Он часто играл с ней и знал, что она не пойдет на попятный и, несмотря ни на что, захочет отыграться.

Она разняла руки, палец за пальцем. И положила обе на стол. Затем медленно, очень медленно, вытянула руку в перчатке и начала отсчитывать четыреста фунтов, которые раньше бросила на стол.

— Одна ночь, — отчетливо произнесла она. И комната загудела как разбуженный улей. Она была рада, что не может разобрать слов. Она не желала знать, о чем они говорят.

Губы Марша порозовели в вожделении. Глаза остановились на ее декольте, и Эмма безошибочно угадывала его мысли, пока он перебирал в голове то, как поведет себя с ней. Она никогда не встречала Марша ни на одном из сборищ своего отца, но не сомневалась, что он чувствовал бы себя вполне комфортно на самом постыдном из них.

Эмма забрала свои деньги и взяла карты. Усилием воли уняла дрожь в руках. Но Марш заметил, и его глаза сверкнули.

— Ну что ж, моя милая. Откройте карты.

Эмма стиснула зубы.

— Ваш ход.

— Да-да, конечно. — Он выложил карты. Все затаили дыхание, словно внезапно окунулись в глубокую холодную воду.

Она смотрела на карты: валет пик и валет червей подмигивали ей, улыбаясь знакомыми, чуть-чуть насмешливыми улыбками. Горло перехватило от нахлынувших слез. Эмма кивнула. Два, не три.

Затаив дыхание, она открыла свои карты и осторожно выложила на стол.

— Флэш, — прошептала она. И тишина взорвалась гулом голосов, перевозносивших ее искусство.

— Должен сказать, Марш, это возмутительно!

— Оскорбительно. Вам должно быть стыдно.

— Она победила, но это ее конец.

— Отвратительно!

— Немыслимо!

Она игнорировала все эти реплики. Глядя в холодные глаза своего партнера, она открыла ридикюль и начала бросать в него пригоршни золотых монет.

— Что ж, неплохо, — процедил Марш сквозь зубы, но его поздравления ограничились кривой усмешкой. Эмма улыбнулась в ответ и крепче затянула тесемки сумки. Она дрожала от чувства триумфа и облегчения, хотя в то же время оно обжигало ее легкие, жгло ее кожу. Она глубоко вздохнула. Затем вздохнула еще раз, и ужасные слова вокруг нее стали затихать. Ее улыбка была теперь более искренней. Когда она поднялась, никто не бросился, чтобы отодвинуть ее стул.

Она повернулась к выходу и оказалась лицом к лицу с мистером Джонсом. Эмма наклонила голову, но он, казалось, замер на месте. Она кивнула, дав понять, что понимает, и попыталась обойти его. И в этот момент он удержал ее за руку.

— Вам не нужно делать это, — пробормотала она.

Он покачал головой.

— Я привел вас сюда, я провожу и отсюда.

— Благодарю.

Когда они подошли к дверям, Эмма поймала взгляды двух элегантных леди. Они повернулись к ней спиной. Что ж, видимо, весть уже распространилась. Она заставила себя не реагировать. Она не знала этих людей, и они не знали ее.

— Я должна была обеспечить свой отъезд, — объяснила она и постаралась быстрее идти к лестнице, но он удержал ее:

— Не надо спешить, если решили уйти. Уходите с достоинством.

— С каким достоинством? — усмехнулась она.

Он посмотрел на нее.

— Я никогда не думал о вашем пристрастии к игре как о чем-то постыдном.

— До сегодняшнего вечера?

Он был истинный джентльмен и поэтому промолчал. Какая-то леди повернулась к ней спиной, другая, что помоложе, быстро отошла и скрылась в дверях, когда Эмма проходила мимо.

— Не провожайте меня, мистер Джонс. Не идите за мной.

— Глупости.

Она взяла свой плащ из рук дворецкого. Лакей подал сигнал кучеру. Когда Эмма посмела оглянуться, она увидела взгляды, направленные на нее с лестничной площадки. Она ответила им легким реверансом и закрыла глаза, когда мистер Джонс набросил плащ ей на плечи.

— Я подожду на улице.

Он последовал за ней, упрямый мальчишка.

— Зачем вы это делаете?

Его глаза ускользнули от ее взгляда. Наклонив голову, он уставился на усыпанную гравием дорожку.

— Я думал... — Холодный ветер взъерошил его волосы и заставил дрожать. — Я думал, что, возможно, вы остепенитесь со временем? Лондон вскружил вам голову, я понимаю. И я... мой доход вполне достаточен. Мой дядя обладатель старинного титула.

— Мистер Джонс...

— Я даже предпринял попытки разыскать вашу семью, послал запрос...

Ее симпатия превратилась в шок.

— Как вы сказали?.. Что вы сделали?

— Я хотел познакомиться с вашей семьей, чтобы...

— Мой отец умер.

— Да. Простите. Мне очень жаль, но я думал, что...

— Вам нужно было спросить меня. Почему вы... Кому вы писали?

Он был явно сконфужен.

— Извините, леди Денмор. Я был не уверен. Еще не кончился срок траура. Я думал, что неудобно настаивать на моем предложении до лета.

— И с кем вы контактировали?

— С магистратом мистером Бромли.

Колеса крутились слева от нее. Повернувшись, Эмма ждала, когда карета остановится.

Кучер спрыгнул на землю и отворил дверцу.

Эмма с трудом открыла рот.

— Извините за этот вечер. Вы извините меня? — повторила она. — Я должна спешить, так как приглашена на ужин.

Когда дверца кареты захлопнулась, мистер Джонс все еще стоял на месте, глядя вниз и потирая руки от холода. Эмма настолько растерялась, что просила кучера ехать прямо к Осборнам.

Когда другой экипаж, проехав мимо, свернул на аллею, ведущую к дому Тануитти, Эмма заметила на его лакированной дверце широкий размах крыльев сокола, летящего через темноту ночи. Золотой сокол на официальном гербе Сомерхарта.

Карета герцога прибыла.

Эмма обхватила голову руками. Она вдыхала резкий металлический запах грязных монет и благодарила Бога за то, что поторопилась уйти. Ей было стыдно перед ним, и она понимала, что он никогда не простит ей того, что она только что совершила. И внезапно ей стало очень страшно.

— Вы так рано уезжаете, милочка? — удивилась леди Осборн. — Еще только половина двенадцатого.

Осборн остановил жену.

— Пусть себе отправляется к своим картам. У девушки несомненный дар. Мы не должны останавливать ее.

— Ты поощряешь ее рискованные занятия, Осборн. Разве это подходящее дело для молодой женщины? Как не стыдно!

Эмма улыбнулась их маленькой перепалке, говоря себе, что должна оставить эту милую чету и уйти. Никакой игры сегодня, но необходимо сделать некоторые приготовления. И она чувствовала себя странно, не говоря уже об упадке сил и апатии. Она чувствовала себя опустошенной и истощенной.

Однако Осборны все продолжали свою пикировку. Она будет скучать по ним. Дядя рассказывал ей, что когда-то их семейную жизнь никак нельзя было назвать счастливой. Они ссорились друг с другом на протяжении нескольких лет. Но после рождения первого ребенка — дочери — что-то изменилось в их отношениях. Неприязнь обратилась в семейную привязанность, и это продолжается уже без малого сорок лет.

Леди Осборн, к сожалению, больше не могла совершать поездки в их загородный дом. После трех дней, проведенных в карете, спина болела несколько недель. Поэтому лорд Осборн отказался от охоты на севере, и они вместе жили в Лондоне круглый год.

Эмма вздохнула, понимая, что сегодня не может уйти от Осборнов, сказав обычные слова прощания. Она была очень привязана к этой паре.

— На самом деле, — начала она, — завтра я покидаю город.

— О-о, — ахнула леди Осборн, — но вы вернетесь к нашему балу, не правда ли? Первый бал после Пасхи, и я рассчитываю, что это будет нечто из ряда вон выходящее.

— Я... нет. Боюсь, что меня не будет в городе. И скорей всего я пропущу весь сезон. Видите ли, — Эмма сделала паузу, думая, как бы лучше сказать, — я сегодня устроила грандиозный скандал. Вам лучше не общаться со мной.

Лорд Осборн фыркнул:

— Мы не стали бы общаться с вами, милочка, если бы не хотели. Но мы так любим вас. И что за глупость — покидать город на целый сезон?

— О, это все из-за ее гардероба, не так ли? — вмешалась его жена. — Сейчас все так баснословно дорого! Но вы можете прекрасно жить у нас, дорогое дитя. Нечего выбрасывать деньги на ветер и нанимать апартаменты, когда у нас пустует пятнадцать комнат! Оставайтесь с нами, и мы подумаем, что делать с вашими туалетами.

Эмма подняла обе руки:

— Нет. Я не могу. Это не из-за денег, поверьте. И не из-за позора, связанного со скандалом. Просто мои нервы не могут выдержать бурное веселье и напряжение сезона. Даже зимой я устаю сверх меры. Нет, я должна провести лето в деревне. Боюсь, что Денмор передал мне свою страсть к земле.

Леди Осборн не собиралась сдаваться.

— Но у нас здесь тоже есть сад!

Эмма покачала головой, и лорд Осборн обменялся многозначительными взглядами с

женой, прежде чем взять руку Эммы.

— Мы будем скучать по вас. Вы нам стали как дочь. Вы должны пообещать, что вернетесь к нам осенью. Мы слишком стары, чтобы находить удовольствие в скандалах, тем более что мы не в состоянии творить их сами.

Леди Осборн захлопала в ладоши и рассмеялась, как девочка.

— И никакой публики, — сказал ее муж, приподняв бровь.

Эмма приложила усилие, чтобы улыбнуться.

— Спасибо, ваша дружба мне очень дорога. Пожалуйста, помните об этом.

Она встала и тут же утонула в объятиях леди Осборн. После долгих объятий и материнских поцелуев Эмма наконец была отпущена, но ноги отказывались слушаться, пока она шла к выходу.

Она прибыла в Лондон, уже предвидя свой неизбежный отъезд. И вот теперь, когда пришло время уезжать, она не очень представляла себе, что же ждет ее дальше. Она может вновь разыгрывать респектабельность, вместо того чтобы заняться простыми земными вещами. Но результат будет тот же самый. И одиночество гарантировано ей, как и отсутствие настоящих друзей.

Нет, скоро все должно измениться к лучшему. Так должно быть.

— Куда прикажете, мэм? — спросил кучер, когда она подошла к карете. Подобрал юбки, Эмма опустилась на сиденье.

— Я не... — Куда она едет? Домой, решила она и тут же вспомнила карету Сомерхарта. Он прибыл к Тануитти как раз в тот момент, когда весь дом гудел как разбуженный улей, перебирая подробности скандала, который она учинила. И можно только представить реакцию Харта. Злость. Ярость. Ненависть. Он вполне мог направиться прямо к ее дому и может быть, сейчас ждет ее там.

— Мэм?

Но ей некуда ехать. Она не могла лишить Ланкастера шанса найти жену, подъехав к его подъезду так поздно вечером, как шлюха, которая вышла на промысел.

— Поезжайте на мою улицу. Заверните за угол и остановитесь.

— Слушаюсь, мэм. — Он приподнял шляпу и, не выдав ни на йоту удивления, закрыл дверцу и повез Эмму в темноту.

Ее измученное тело стремилось занять лежачее положение. Ей так хотелось положить голову на сиденье и спрятать ноги под юбки.

Но она понимала: стоит ей уступить, и ее тело станет беспомощным, слабым и дрожащим. Поэтому она держала спину прямо, не позволяя себе отклониться на спинку сиденья. Они проехали мимо роскошных особняков Риджентс-парка и направились к красивым улицам Мейфэра. Сомерхарт жил там, в самом центре этого фешенебельного района. Она подумала, что, дай ему волю, он бы запер ее в одном из своих особняков.

Они завернули за угол, и яркие огни Мейфэра преследовали их. Сначала Сент-Джеймс, потом Белгрейвия. И наконец, ее улица.

Она распрямила плечи, застывшие от неподвижности. Когда карета замедлила ход, Эмма всмотрелась в окно, стараясь разглядеть хоть что-то в кромешной тьме. Легкий дождик моросил, ударяясь в стекло и затуманивая видимость.

Но он мог быть в доме. Или сидел в карете, наблюдая за ней. Он мог подъехать на эту улицу именно в этот момент, прямо к ее дому. Дрожь пробежала по телу.

Как оказалось, Харт не предавал ее, письмо было написано другим человеком, а она...

Он был безусловно честен с ней, а она лгала на каждом шагу. Но он сильная и самостоятельная личность, в его руках богатство и власть, поэтому стоит ли ей так уж переживать?

Ее дверь блестела от влаги, и в свете уличного фонаря казалась особенно сиротливой. Как печально все это выглядит, но она может закрыть завтра эту дверь и навсегда исчезнуть. Харт никогда не найдет ее, никогда не узнает о ее лжи. Она может оставить его ни с чем, разве что с унижением. Но она не хотела оставлять его так, она хотела большего... для себя.

Если он поджидает ее здесь, она по крайней мере может сохранить эту конфронтацию. Дать ему шанс сказать ей все, что он хочет. Шанс высказать свою боль. А ему наверняка больно.

Она должна выйти из кареты. Она должна выйти...

Ей некуда больше идти.

Ее рука потянулась к ручке двери, затем она почувствовала, как карета накренилась и кучер крикнул:

— Эй!

Ее сердце остановилось, когда черная дверца открылась. Она вжалась в сиденье, неуверенная, что это Харт, но все равно испуганная.

Затем маленькое личико просунулось в карету.

— Стимп?

— Отойди от моей кареты, ты, драная крыса! — кричал кучер.

Стимп прыгнул внутрь со словами:

— И где вы были?

Кучер начал спускаться, и карета раскачивалась из стороны в сторону.

— Все нормально, — крикнула ему Эмма. — Я знаю этого мальчишку.

Стимп поджал губы.

— Герцог в большой печали.

— Снова платит тебе, чтобы ты следил за мной?

— Нет, не это. Я должен послать за ним, когда увижу вас. Он страшно злится.

— Да. Я знаю.

— И кажется, он был здорово пьян, пока ждал вас в своей роскошной карете. В глазах было черт знает что.

От этого Эмма почувствовала себя смелее.

— Пьяный и злой, и ты хотел привести его к моему дому?

Упрямый подбородок поднялся.

— Может быть, вы заплатите мне побольше?

— Может быть.

— Но вы заплатили мне один раз, и все. Я практически на содержании у его светлости. — Он пожал плечами, выражая симпатию, но не сожаление.

Эмма отвернулась и снова взглянула на свою сиротливую дверь, которая вела в ее одинокий дом. Харт разгневан и пьян. Дрожь била ее как в лихорадке, она едва могла дышать. Она приняла решение. В конце концов, она может позволить себе совершить эту глупость.

— Нет необходимости информировать герцога, Стимп. Я сама найду его.

Маленькое личико скорчилось от удивления.

— Не могу поверить.

Стянув перчатки, Эмма бросила их на противоположное сиденье.

— Веришь ты мне или нет, но я не стану сидеть здесь и ждать, когда меня загонят в угол. А теперь вылезай из кареты. Если мужчина хочет сражения, он получит его.

Он не мог поверить в это, даже спустя несколько часов.

Скандалная? Да. Безрассудная и чувственная? Да. Но Харт не мог поверить, что она может дойти до такого. Предложить свое тело в залог! Немыслимо.

Он говорил себе, что она не это имела в виду и что за этим ничего бы не последовало. Дьявол, Харт не позволил бы ей. Но это не отменяло того, что она публично предложила себя другому мужчине, а Харту отказывала даже в намеке на возможную близость.

«Вы не должны быть таким добрым», — говорила она.

— Нет, — прорычал Харт, сидя в пустой библиотеке, — больше нет.

Нежность, беспокойная забота, которую он начинал ощущать, превратились сейчас в кипящую ненависть. Он хотел сделать все, чтобы заглушить это чувство, но алкоголь только разжигал пожар.

Харт сжал ножку бокала в руке. Ссадины на его костяшках горели огнем, когда бурбон перелился через край и капнул на пальцы. Этот подонок Марш мог получить ее! Харт сожалел, что успел ударить его только пару раз, прежде чем их разняли. Вмешавшиеся джентльмены утверждали, что несправедливо избивать человека в бессознательном состоянии. Харт громко возражал.

Несмотря на то что он был один, Харт бросил несколько душераздирающих проклятий, прежде чем опрокинул остатки бурбона, и потянулся к колокольчику.

Харт понимал, что если он вступит в конфронтацию с Маршем, это будет похоже на соперничество и все станет еще унизительнее. Куда проще объяснить, что он и Эмма давно пребывали в дружеских отношениях и, естественно, поведение Марша взбесило его. Тогда он получит несколько понимающих кивков и поздравлений с тем, что наконец развязался с леди Денмор. Но Харт не мог размышлять спокойно. Он был ослеплен, взбешен, оглушен неожиданной болью.

— Ваша светлость? — Бутылка пуста. — Сэр. — Камердинер вышел из комнаты и вернулся через несколько секунд. Харт подумал, что он угадал его желание, но тут же заметил, что его руки пусты.

— Ваша светлость, дворецкий сообщил мне, что у вас визитер.

Харт поднял брови, ничего не понимая.

— Стип?

— Нет, сэр. Леди Денмор. Я могу пригласить ее войти?

Он, думая о бурбоне, машинально кивнул. Может, какая-то другая леди Денмор? Не может быть, чтобы Эмма. Прийти к нему? После всего? Нет, она не могла позволить себе такую глупость. Он почувствовал внезапный страх от мысли, что может сделать с ней, если она войдет, но тут она вошла, и всю апатию как рукой сняло.

Алкоголь будоражил кровь, разжигая злость. Он уверенно поднялся и вполне сносно удержался на ногах. Эмма смотрела на него, и Харт почувствовал, что на его губах дрожит улыбка. Ей следовало испугаться. Ей следовало бояться.

— Зачем ты здесь? — Он осмотрел ее, отметив прелестное золотисто-алое платье, подчеркивающее высокую грудь и тонкую талию. Этот золотистый шелк придавал ее коже неповторимый оттенок, похожий на кремовый жемчуг. Он никогда не видел ее такой

красивой. — Глупая овечка.

— А вы лев, как я полагаю?

— О да!

Мортон закрыл за ней дверь. Она остановилась в нескольких шагах от Харта. Казалось, ее окружало золотистое сияние, мягкое и нежное на фоне темного дерева библиотеки. Ее волосы были под цвет платья.

Она глубоко вздохнула. Грудь поднялась, упираясь в корсет.

— Мне сказали, что вы искали меня, ваша светлость.

— И ты позволила себе прийти ко мне?

— Как видите.

Харт насмешливо вздохнул.

— Ну и ну! Это крайне глупо с твоей стороны.

Она скрестила руки на животе.

— Почему? Разве вы не хотите наказать меня за мое поведение?

Харт поднял голову и пересек просторную комнату, сдерживая гнев, который накатывал на него волнами, превращая его кровь в бурлящий поток.

— Это то, о чем ты думала? Что я хочу подвергнуть тебя наказанию? Как ты наивна, Эмма. Я не твой наставник, чтобы читать нотации. Я не твой отец и не собираюсь увещевать тебя. — Он стоял в шаге от нее и наблюдал, как при каждом дыхании поднимается и опускается ее грудь. — Но я хочу... — Ее глаза следили за ним, когда он поднял руку и прикоснулся одним пальцем к ее ключице. — Я хочу... да, я хочу наказать тебя.

Она вздохнула. Округлости ее груди коснулись его руки.

— Я не сделала вам ничего дурного... Вы не имеете права.

— О, моя сладкая. — Он прошелся пальцем по краю корсета. — Если бы я не имел права, ты бы не пришла сюда.

Она покачала головой и отступила на шаг, подняв руки, чтобы оттолкнуть его.

— Вы пьяны.

— Зачем ты сделала это?

Она уронила руки.

— Что?

— Зачем ты изображала перед ним шлюху?

— Я... — Она покачала головой, и вызов исчез из ее глаз. — Я знала, что смогу выиграть.

— Неправда. На этот раз удача могла изменить тебе. Любой его ход мог побить твой флэш. О да, мне пересказали все детали этой сцены. Зачем ты пошла на такой риск?

— Я не знаю. Это был глупый импульс. Ошибка.

— Ошибка. Ошибка — это повернуть не в ту сторону в парке или забыть перчатку после визита.

— Более страшная ошибка, чем...

— Ошибка — говорить одному мужчине, что ты никогда не будешь его любовницей, и соглашаться раздвигать ноги перед другим за пятьсот фунтов.

— Нет, — прошептала она.

— Я бы предложил больше. Я все еще готов, Эмма, так как ты пока не замарана другой связью. Две тысячи достаточно? Я думаю, это щедро.

— Я не имела в виду...

Ее подбородок задрожал, что обрадовало его.

— А, так, значит, ты не проститутка? Просто обманщица?

— Да. — Она вздернула подбородок, стараясь придать себе гордый вид.

— Почему ты пришла сюда, прямо в пасть ко льву?

Эмма отступила еще на шаг, теперь ее спина упиралась в дверь. Господи, как бы он хотел прижать ее к этой двери!

— Я должна была извиниться за то, что заставила вас краснеть за мой поступок.

— Лгунья.

— Я... я думала, вы...

— Ты знала, что ранила меня, и чувствовала свою вину? И хочешь, чтобы я отплатил тебе?

— Нелепо, — прошептала она.

— И затем ты являешься сюда и говоришь, что тебе от меня ничего не нужно?

— Вы пьяны и раздражены. Я не собираюсь слушать пьяные речи.

Харт грубо обхватил ее рукой за шею и с силой привлек к себе.

— Лорд Марш, — проговорил он сквозь зубы, — это кусок дерьма...

— Харт...

— Закрой свой прелестный ротик, Эмма.

Она послушно сжала губы.

— Ну вот, хорошая девочка.

Он подтолкнул ее в открытую дверь и повел по коридору. Мортон нигде не было видно, но Харт знал, что он где-то рядом.

— Вино в мою комнату, — бросил он на ходу, и тут же появившийся лакей бросился выполнять приказание.

Эмма высвободилась из рук Харта, но не побежала к выходу. Вместо этого она последовала за указующим движением его руки и направилась прямо к лестнице, ведущей на второй этаж. Она послушно поднималась вверх, прямо к его постели.

Харт едва сдерживал возбуждение. Сегодня, сейчас она наконец-то будет принадлежать ему.

Сожалея, что она предложила себя этому ничтожеству, она будет принадлежать Харту. Только ему.

Разумеется, это еще больше осложнит их отношения, а ее предательство станет более болезненным. Но в данный момент он не мог думать об этом.

Он хотел ее, как никогда не хотел ни одну женщину. В юности он имел женщин, которых хотел, имел их любым способом.

Но позже... позже у него никогда не возникало желания подобной силы.

Он пожирал взглядом ее тонкую талию и мягко покачивающиеся бедра.

Его сердце, которое уже давно стало холодным как лед, отзывалось на каждый ее шаг. Воображая ее раскинувшейся на кровати, он намеревался утолить свою злость. Возможно, она не сделает того, что он потребует от нее, но пусть постарается.

И она тоже хотела этого, он знал. Она хотела и унять его злость, и подчиниться его требованиям... Но Харт не собирался ограждать ее от ответственности. Пусть сама попросит того, чего хочет, он не станет предугадывать ее желания.

Эмма поднялась на верх лестницы и остановилась. Лицо ее стало внезапно очень юным, в нем появилась неуверенность. Харт взял ее за руку, и они пошли к дверям, которые вели в

его апартаменты. Лакей следовал за ними с подносом. Харт ввел ее в комнату и оставил посередине.

Когда дверь закрылась, он предложил ей бокал вина и совсем не удивился, когда она осушила его четырьмя жадными глотками.

— Еще?

— Да.

— Стараешься догнать меня? Предупреждаю, я не слезу с тебя три часа.

— Сделаю все, что могу. — Она выпила второй бокал более медленно. Харт, отойдя на пару шагов, осматривал свою жертву. Господи, какая же она красивая сегодня! Вино добавило румянца ее щекам, а может быть, виной тому страх и возбуждение? Ее глаза следили за ним. Но, встретив его взгляд, она быстро отвела их. Высунув кончик языка, она слизнула капельку вина с розовых губ, и Харт понял, чего хочет.

— Повернись спиной.

Он взял бокал из ее рук. Положив руку ей на плечо, он провел ею ниже по склону плеча. Господи, какая горячая кожа, подумал он.

— Я никогда не притрагивался к этому месту, — пробормотал Харт, поглаживая ее спину, благо платье имело глубокий вырез на спине. Эмма задрожала, когда он нашел потайные застежки и начал расстегивать крючки.

Он не спешил. Не было нужды спешить. Она будет здесь так долго, как он захочет.

Один за другим крючки поддались под его рукой, открыв простой корсет. Харт спустил платье с плеч. Увидев ее обнаженные руки, он задрожал. Шелк заскользил и упал на пол бесформенной грудой. Он быстро разобрался с нижней юбкой, и она тоже упала, округлости ее ягодиц отчетливо вырисовывались под тонкой, прозрачной материей...

Его ладонь прошла по ее спине, на этот раз по жестким креплениям корсета, затем спустилась ниже по мягким изгибам ягодиц. Растопырив пальцы, как бы измеряя объем, он коснулся ягодицы, мягкой и теплой, как булочка.

Эмма ахнула, а он улыбнулся. Ее плоть была такой податливой, такой упругой и нежной в одно и то же время. Обследовав ее ягодицы, он обошел ее кругом и теперь наслаждался видом спереди.

Ах, здесь было еще лучше. Но он сдерживал улыбку, которая показывала бы его зубы и его голод. Ее груди торчали, демонстрируя розовые ореолы сосков. Сквозь тонкую ткань просвечивал темный треугольник ее лона, и сорочка кончалась у колен. Шелковый пояс с подвязками обхватывал бедра и придерживал золотисто-бежевые чулки.

Он подал ей руку, чтобы помочь выйти из круга снятой одежды, и снова стал любоваться ее наготой, хотя она была еще в корсете и в туфлях на каблуках. Лицо ее выражало готовность доставить ему удовольствие.

Она видела, как он наблюдает за ней, и блеск нетерпения появился в ее глазах. Она видела в своем воображении картину, которую представляла, и, чуть-чуть поведя плечами, прогнулась в спине. Розовые ореолы груди высунулись из-под корсета.

— Тебе нравится, как я смотрю на тебя, Эмма? Хочешь взглянуть на себя в зеркало и видеть, как я наблюдаю?

— Да, — отозвалась она.

Его сердце подпрыгнуло.

— Прекрасное зрелище! — Подойдя ближе, он провел рукой по ее щеке и поцеловал ее нежно, благоговейно. Ее рот послушно открылся, и он обследовал языком его

притягательную глубину. Ее жар. Ее влажность. Ее язык встретил его язык, пробуждая желание в другой части его тела, которая тоже хотела этих скользких прикосновений, касаний этого бархатного языка.

Его поцелуй стал глубже, а ее руки крепче сомкнулись на его запястьях. Когда он оторвался от нее, ее губы были красными и воспаленными, и ему в голову снова пришла соблазнительная фантазия, которая росла, мешая дышать.

— Встань на колени, — прошептал он.

Она вздрогнула и еще сильнее вцепилась в его руки. Шок понимания отразился в ее глазах.

— На колени, — прохрипел он, и она опустилась на пол медленно, как перышко. Глядя в его глаза, она потянулась к застёжке его брюк. Харт расстегнул рубашку и сбросил ее. Ее пальцы дрожали, пока она расстегивала застёжку.

— Ты бы сделала это для него?

Она покачала головой, понимая, что он имел в виду Марша.

— Скажи это.

Ее руки задрожали еще сильнее, было мучительно отвечать на этот вопрос.

— Нет, — наконец произнесла она.

— А ты... — Он остановился на секунду, дыхание перехватило, потому что ее пальцы проникли в ширинку. — Ты сделаешь это для меня?

— Да, — прошептала она, когда ее холодные пальцы обхватили его разгоряченную плоть. Он хотел ахнуть, но удержался.

Ее взгляд остановился на его страждущем лице.

— Да, — снова повторила она.

Шок чистого вожделения пронзил его плоть, проникая в самые интимные глубины. Намек сомнения, какое-то мгновенное прозрение всколыхнулось в его сознании.

Она прижалась к нему с новым поцелуем...

И тогда прозрение превратилось в уверенность: она никогда прежде не делала этого. Никогда.

Ее семидесятилетний муж никогда не просил ее об этом и, видимо, никогда не хотел этого. И она не делала этого ни с одним другим мужчиной.

О Господи!

Он предполагал, что это устыдит его или уменьшит его требования, но это только усилило его вожделение до опасного предела. Его колени задрожали.

— Эмма!

Она подняла глаза. И он не сомневался, в них было желание. «Пожалуйста, пусть это будет и твоё желание».

Он взял ее податливую руку в свою, говоря себе, что ему следует остановить ее и поднять на ноги, но знал, что не сделает этого.

Харт положил дрожащую руку ей на голову. Пальцы нащупали полдюжины шпилек и вытащили их. Густые локоны волной упали ей на спину.

— Ты хотела делать это?

— О да. Да. — Ее дыхание согревало его, приближая обещание экстаза. — Да. Я хочу. Я хотела. Прости. Я не знаю... я...

Невероятно.

Она была распутна и вместе с тем невинна. И являла собой истинное искушение, в этом корсете и на коленях, с шелковой волной волос, покрывающих ее плечи и спину. Харт хотел, чтобы его руки утонули в этом шелке.

Он хотел руководить ею, но решил, что так даже лучше: Эмма делала то, что ей нравилось и что нравилось ему. Эмма делала то, что хотела.

Ее глаза медленно приоткрылись. И она наблюдала за ним сквозь завесу ресниц.

Все тело Харта дрожало, удовольствие становилось все сильнее и сильнее, прогоняя все мысли... удовольствие было совершенным и подвигало его к вершине наслаждения.

Он больше не мог терпеть это.

На ее лбу выступили капельки пота, дыхание обдавало его прохладным мучительным дуновением.

Он должен был успокоиться. Ведь он хотел получить больше, чем это. Он хотел получить все, что мог взять.

— Достаточно, — простонал он.

Она наблюдала за ним, ее зрачки расширились от вожделения, губы распухли. Примитивное чувство собственности овладело им, воздух вырывался из легких.

Она была почти невинной, несмотря на свою чувственную натуру. И он хотел сохранить ее для себя, соблазнить ее, научить ее тем вещам, которые она не делала с другим мужчиной.

И тут мысль о том, что она намеревалась делать это с Маршем, обожгла его, смешав все чувства.

Харт утратил самообладание. Он относился к ней так, словно она другая, словно он дорожит ею, хотя на самом деле хотел показать, что она не значит для него абсолютно ничего. Намеревался убедить ее, что их странная дружба закончилась и теперь он ценит ее не больше, чем любую другую женщину из тех, что делили с ним постель.

Харт застегнул брюки, и ее брови удивленно взлетели вверх.

— Давай сначала усвоим некоторые разумные правила. — Он повернулся к подносу и налил бокал вина. Он не предложил ей, не посмел протянуть бокал, пытаясь скрыть свою дрожь. — Ты никогда не расскажешь никому обо мне. Никогда не будешь настаивать на наших отношениях или отрицать их существование. Если я услышу хотя бы намек, хотя бы какой-то шепот о наших интимных отношениях, я тотчас порву с тобой. Не только наша интерлюдия придет к концу, я вообще избавлюсь от тебя. Поняла?

Вожделение исчезло из ее глаз, заставив ее прищуриться от обиды.

— И ни одного мужчины не будет в твоей постели, пока мы будем встречаться. И никаких флиртов. Когда роман закончится, не будет ни слез, ни истерик. Это чисто физические отношения. Это не любовь. И не начало любви. Это естественное завершение взаимного влечения. Тебе ясно?

Ее губы дрожали от ярости.

— Этот спич ты произносил всем своим любовницам?

— Да.

Она отклонила голову.

— И как женщины реагировали на список этих требований?

— Смотрели на меня, как ты смотришь сейчас. — О нет, она смотрит иначе. И разве можно сравнивать ее с теми безмянными, безликими женщинами? Некоторые казались испуганными. Но все соглашались.

— Высокомерный трус. Ты на самом деле так боишься?

Сделав глоток вина, он пожал плечами:

— Я предпочитаю держать ситуацию под контролем.

— О, не всегда. — Ее глаза спустились по его обнаженной груди к коленям.

Харт был вполне счастлив услышать злость, прозвучавшую в ее словах.

— Я и сейчас контролирую ситуацию, Эмма. И это касается и тебя. Сними с себя все.

— Ты обидел меня.

— Ха! Можешь злиться сколько угодно. Но ты хотела этого с нашей первой встречи

почти так же, как я.

Ее скулы напряглись при его словах.

— Этого я не хотела.

Остатки вина смягчили его сухое горло, но не уменьшили его злость, от которой кожа на лице натянулась как на барабанах. Он стал говорить еще более резкие слова, когда поставил бокал и посмотрел ей в глаза.

— Ты прекрасно знала, что я собой представляю, и все же пришла сюда. Ты знала, что я пьян. И страшно зол. И все-таки пришла ко мне. Умом ты могла не хотеть этого, Эмма, но это необходимо тебе... и мне. — Он улыбнулся, и улыбался, пока в ее глазах не появился нервный блеск. — Я зашел слишком далеко. Все в Лондоне говорят обо мне сейчас, моя сладкая. Смеются надо мной, обсуждают меня, мою жизнь, мою глупость, мою страсть, мое неутомимое сердце. Они указывают на меня пальцем, Эмма. И будь я проклят, но ничто не заставит меня отказаться от этой ночи.

Вложив всю свою злость в широкий жест, Харт размахнулся, и хрупкий хрустальный бокал полетел и разбился вдребезги о дубовую дверь.

Эмма отступила на шаг.

Харт передернул плечами, усмиряя бешеную кровь.

— Что ж. Давай начнем с корсета, согласна?

Тугой корсет мешал дышать. Не в состоянии вздохнуть глубоко, она делала короткие, прерывистые вздохи, и ей казалось, что она вот-вот задохнется. И она не могла понять, что тому виной: корсет или что-то еще? И к тому же каждый новый глоток воздуха вызывал приятное ощущение в самых укромных уголках ее тела.

Она боялась Харта, и это заставляло ее дрожать еще сильнее. Балансируя между страхом и возбуждением, она не могла не думать, что же ей делать дальше. Поэтому она повернулась, и Харт занялся тесемками корсета.

Как только Эмма почувствовала, что тесемки распущены, она взялась за крючки. И наконец-то смогла вздохнуть свободно. Кровь, наполненная жизнью, хлынула по ее жилам в каждую клеточку ее тела. Но как ни странно, она по-прежнему задыхалась, теперь не из-за корсета, а из-за страстного желания.

Последний крючок был растегнут, и корсет упал на пол.

— Теперь туфли, — пробормотал Харт, и Эмма послушно скинула их, думая о том, что он смотрит на ее обнаженную спину и представляя, как сильно ему нравится то, что он видит.

Она не понимала, откуда он так хорошо понимает ее. Была ли это его мужская пронизательность, или это выразалось во всем ее облике? Ужасный наследственный код, который Харт разгадал с самого начала? Или, может быть, каждая женщина хочет этого?

Эмма выпрямилась и покраснела при мысли, что теперь предстала перед ним совершенно обнаженной. Она повернулась и увидела, что Харт тоже разделся, и созерцание его голого торса привело ее в замешательство. Он был такой стройный и при этом такой мускулистый.

Скоро он войдет в нее, подумала она, чувствуя, что всю свою жизнь ждала этого.

Его приказ был подобен удару шпаги.

— Ляг на живот.

Странно, хотя внешне он был абсолютно спокоен, но она всем своим существом ощущала его силу. Поборов робость, Эмма сделала несколько шагов к громадной постели.

Встав на цыпочки, она положила колено на кровать, грациозно прогнувшись в спине, потянулась к подушкам, мысленно представляя свою позу. Мучая и соблазняя его каждым движением.

Ей казалось, что она слышит его дыхание. Холодный шелк коснулся ее живота и груди, и рука Харта, медленно прошлась по ее икре.

— Ты хочешь... — начала она, потрясенная внезапной слабостью своего голоса, — ты хочешь делать со мной то, что делал с каждой женщиной?

— Ха! — Его жесткий смех щекотал ей колено. Эмма чувствовала, как его грудь, покрытая жесткой порослью волос, коснулась ее пяток. — Да я хочу делать с тобой то, что делал с любой другой женщиной, но с большей эффективностью. — Сейчас его губы были где-то на уровне ее бедер, а рука осторожно поглаживала нежную кожу под коленом, прежде чем усилить массаж. — Я думаю взять тебя просто и грубо, но пока не знаю как. Мое желание слишком велико. Я хочу иметь тебя так, как привык иметь других женщин. — Его рот коснулся ее ягодиц, и у Эммы потемнело в глазах.

— Ты... ты имеешь в виду твое прошлое? Ты хочешь, чтобы я была одной из тех

женщин, которые составляли тебе компанию... там? — Она поняла, что не может выговорить, где именно. Он возбуждал ее своими прикосновениями. Разбивал ее сердце своими словами.

— На тех тайных распутных сборищах? Ты бы хотела этого? Наблюдать, как незнакомые люди занимаются сексом? Это бы возбуждало тебя?

— Я... — О, он хотел втянуть ее в то, чего она боялась больше всего на свете.

Его рука продвинулась вверх, пальцы сжимали изгибы ягодиц.

— Да, я взял бы тебя там грубо, как животное. Это то, что ты пробуждаешь во мне, Эмма. Эгоистичное сексуальное животное, которым я был когда-то. Я хочу привезти тебя в один из этих домов, видеть, как ты наблюдаешь... Я хочу быть там рядом с тобой. Но с одним условием. Я никогда не позволю им прикоснуться к тебе. Даже если ты захочешь, я никогда не разделю тебя ни с кем.

Она замерла. Все это напоминало бред сумасшедшего. Он был слишком пьян. Его злость на нее приняла уже патологические формы.

— Я никогда бы...

— Прекрасно, что ты так думаешь. Я не позволил бы им даже смотреть на тебя. Но я повел бы тебя туда и тайно, в темной комнате, прижав к двери, взял бы тебя... Я хочу взять тебя там. И хочу тебя здесь. — Он целовал ее, осыпал поцелуями спину; его ладонь лежала на ее ягодицах. Она затаила дыхание, прижимаясь к холодному шелку постели.

— Я хочу тебя так, — продолжал он глубоким гипнотизирующим тоном. — И еще хочу, чтобы ты встала на колени и оперлась на руки. А потом на спине... Я привяжу тебя к кровати шелковыми лентами.

Подушки не могли заглушить ее стоны.

Харт усмехнулся.

— Ты хотела бы этого? Да? Хотела бы лежать на постели беспомощная, распростертая, руки привязаны к спинке кровати, ноги раздвинуты... Я хочу быть с тобой необузданным и бесстыжим. Я хочу делать с тобой такие вещи, о которых даже думать не смел последние десять лет. Я хотел бы положить тебя на скамью в Ковент-Гардене и взять тебя там, на виду у прохожих. Я хотел бы затащить тебя за штору на балу и иметь тебя, слизывая слезы с твоего лица.

Его поцелуи добрались до ее талии, затем коснулись спины. Сильным движением колена он заставил ее раздвинуть ноги. Его возбужденный жезл касался ее бедер, горячий и твердый.

— Ты, и твой голос, и это понимание в твоих глазах. Ты напомнила мне о том, кем я не хотел быть, Эмма.

— Да. — Она вздохнула, и его язык описал круг на ее плече. Он зажал ее кожу зубами и тихонько покусывал. Его бедра прижимались к развилке ее ног. И она открылась ему, изогнув спину, терлась своим горячим лоном о его ноги. Жесткие волосы его бедер щекотали ее нежную кожу, пока его мускулы перекачивались и напрягались.

— Ты такая влажная, а я еще и не прикоснулся к тебе.

Господи, она знала это, знала, когда извивалась под ним, требуя его внимания. Она хотела, чтобы он оказался меж ее ног, хотела ощутить его внутри.

— Ш-ш-ш, — прошептал он. Его язык дразнил ее кожу, пока он не добрался до ее шеи. Он целовал ее много раз, ласкал губами, языком, зубами... Она стонала, и изгибалась, и приподнимала бедра, как мартовская кошка.

— Пожалуйста, Харт.

Его колено подвинулось, она подумала, что вот-вот наконец случится то, чего она так жаждет, но он выпрямил ее ноги и приподнялся на руках.

— Перевернись.

Эмма послушалась, перевернулась под ним и посмотрела в его яркие лунные глаза. Задержав дыхание, она ждала, ждала... Харт стоял на коленях между ее ног, его скулы дрогнули, он закрыл глаза, опустил ниже и его член впервые коснулся ее святая святых.

— Да, — выдохнула она. — Да, да. — Но он покачал головой и усмехнулся:

— Нет, пока еще нет, леди Денмор.

Она собиралась потребовать объяснения, но он нагнулся, поцеловал ее, и она сразу расслабилась. Его поцелуи были такими глубокими, такими горячими, а его бархатистый жезл дразнил ее медленными, медленными касаниями.

Его поцелуи сами по себе были острым сексуальным действием. Губы ласкали и возбуждали, язык проникал в ее влажный, жаждущий рот, пробуждая безумные фантазии...

Наконец Эмма поняла, что больше не может дышать. Но когда она отвернулась, чтобы глотнуть воздуха, Харт приник к ее шее и снова стал ласкать ее губами. И смаковал, и наслаждался... Затем перешел к ключицам, потом к ее плечам и, наконец, к груди... Когда он добрался до сосков, она чуть не зарыдала от отчаяния, а когда зажал набухший сосок зубами, она была в ужасе, услышав свой стон, переходящий в крик.

Харт отодвинулся от нее. Она посмотрела и увидела, что он не без удовольствия наблюдает за ее лицом.

— Какой приятный звук. Давай посмотрим, сможем ли мы снова вызвать его.

Она сердито зажала рот, пытаясь оттолкнуть его, и тогда снова заработал его язык, а его влажный рот приник к ее груди, и Эмме не оставалось ничего другого, как смириться.

Он мучил ее, мучил, пока она не закричала снова, и когда она подумала, что он удовольствуется этим, он только перешел к другой груди. Эмма впиалась пальцами в его голову, пока он наконец не оторвался от нее.

— Я могу вам чем-то помочь, леди Денмор?

— Да! Будь ты проклят!

— Это едва ли пахнет раскаянием.

— Извини! — крикнула она, но слишком поздно. Харт уже схватил ее руки за запястья, удерживая их. Он снова приник к ее груди, и Эмма больше не сопротивлялась...

Каждый нерв ее тела натянулся до предела. Ее соски стали пиками чувственности, ее лоно пульсировало, когда она терлась о его бедра. И она снова попыталась отбиться от него. Но увы, это ни к чему не привело.

Его рот наконец опустился ниже по ее разгоряченному телу, язык, лизнув пупок, спустился по животу... Эмма затаила дыхание насколько могла, затем начала умолять.

— Пожалуйста, пожалуйста... — Его горячее дыхание дразнило кожу ее живота. — О пожалуйста... Харт! — Его подбородок коснулся ее лона.

Его руки крепче сжали ее запястья, посылая искры удовольствия в ее тело. И наконец он поцеловал ее там. Там, где она хотела. Он погрузил свой язык в ее лоно, и Эмма подняла колени, обхватив его голову.

Она что-то горячо бормотала, требуя, чтобы он продолжал. Ей нужно было всего несколько секунд его искусных ласк... одно мгновение. Но тут его губы оставили ее, и тогда она не удержалась и вскрикнула:

— Нет! Пожалуйста, Харт. Пожалуйста...

— Чего ты хочешь, Эмма?

— Тебя.

— Мм... — Но вместо того чтобы сделать то, что она просила, он отодвинулся от нее, распрямив ее руки вдоль ее бедер. Его рот коснулся ее колена, прежде чем она сказала:

— Я хочу тебя, Харт. Пожалуйста. Возьми меня. Пожалуйста... я хочу.

Вознаграждение не заставило себя ждать. Его тело приподнялось. Рот дарил обещания ее коже. Его пальцы крепче сомкнулись, и она захныкала, упираясь пятками в постель.

— Прости за то, что я сделала, — простонала она, выговаривая каждое слово. — Прости.

Он отодвинулся слишком высоко, поднялся вместо того, чтобы опуститься, но она не возражала. Она начала говорить правду и не могла остановиться.

— Ты единственный, Харт. Только тебя я хотела. Всегда. Я хочу тебя. Пожалуйста.

Он отпустил ее запястья и лег на нее, зажав лицо для долгого, изнурительного поцелуя. Затем его рука легла на ее живот, он поднялся выше, его пальцы ласкали ее. Она рыдала.

Наконец она прошептала:

— Пожалуйста, Харт. Я чувствую... я хочу ощутить тебя внутри... Пожалуйста, возьми меня.

Его поцелуй заставил ее замолчать, и он вошел в нее. Поцелуй заглушил резкий вскрик, ее тело расслабилось, принимая его. Эмма вдохнула, стараясь заглушить боль, и впиалась пальцами в его плечи, пытаясь скрыть неприятные ощущения. Но она была настолько готова принять его, так сильно хотела его, что боль быстро ушла, перейдя в пожар, и из глаз брызнули слезы.

Она заморгала, прогоняя их, и Харт отпустил ее, чтобы тут же проникнуть глубже.

— Эмма, мой Бог, ты...

Страх обьял ее, перекрывая все другие чувства.

Горячее дыхание обожгло ее шею, когда он прошептал:

— Ты такая... тугая. Такая горячая...

Он начал двигаться внутри ее, и страх прошел. Все прошло. Все, кроме ошеломляющего понимания, что его плоть наконец наполнила ее, скользя в медленном постоянном ритме.

Это было так прекрасно, так замечательно. Именно то, чего она хотела. И Эмма поняла, что говорит это вслух и Харт дрожит над ней. Она сама задвигалась и почувствовала, как это тоже приятно. И когда она обняла ногами его бедра, а Харт продолжал двигаться внутри ее, она застонала еще громче.

Он вел ее все дальше и дальше, нашептывая слова, которые подвигали ее к глубокой бездне. Обещания и угрозы, нежные и грубые, какие она когда-либо слышала. Низкие и сладкие предсказания того, что они сделают вместе.

И Эмма плыла по темному морю, борясь с захлестывающим валом эмоций и приближаясь к самой глубокой его части.

Все ее нервы, мускулы, кожа — все натянулось, когда он задвигался в быстром ритме.

Он требовал:

— Да, да.

Она откинула голову и вытянулась под ним. Время остановилось, неподвижное и бесстрастное, напряжение достигло предела...

И они задрожали вместе, пока на нее не обрушились волны света и темноты, заставляя

ее закричать под ним.

Она все еще стонала, когда раздался стон Харта, прозвучало ее имя, и он выскользнул из нее.

Ее тело медленно обретало свое нормальное состояние. Прохлада комнаты, влажность их пота и жар между бедер. И слезы, остывавшие на ее щеках.

Харт сонно взглянул на нее и вздохнул, когда она пробежала рукой по его волосам. Она повторила свой жест, загипнотизированная блеском и упругостью его волос.

Чуть приподнявшись, коснувшись губами ее ключицы, он освободил ее от веса своего тела.

— Холодно.

Он задрожал и повернулся, вытаскивая из-под них одеяло, чтобы укрыть и себя, и ее. Эмма почти растаяла от удовольствия, когда тепло окутало ее тело. И затем он потянулся и привлек ее к себе, закинув колено на ее бедра, и она чувствовала тепло. И даже любовь.

— Останься со мной, — вздохнул он. — Останься.

Эмма не ответила. Он уже почти спал. И зачем изрекать еще одну ложь?

К тому времени как он проснется, ее уже не будет рядом. Исчезнет как призрак. Словно никогда и не существовала. Но можно ли сказать то же самое о их чувствах? Нет.

И когда настанет утро, Харт по меньшей мере призовет всю свою ненависть для своей защиты. А у Эммы не будет ничего, кроме сожалений об этих бурных неделях ее жизни.

— Чай, ваша светлость.

Слова с трудом проникли в его сознание вместе с беспокоящим дневным светом. Харт игнорировал и то и другое. Он был истощен и почти болен и чувствовал неприятный холодный воздух на своих плечах. Другими словами, ради этого не стоило просыпаться.

Запах свежесваренного чая распространялся в воздухе, становясь все сильнее. Харт зарылся лицом в подушки, стараясь отгородиться от наступающего дня. Но нашел другой аромат. Легкое цитрусовое дуновение женских духов. Ее духов.

Причина головной боли медленно прояснялась в его сознании. Эмма. Эмма была здесь. В его постели.

Он не мог удержаться от улыбки. Она наконец-то сдалась. Или он сдался. Он не знал, и это не имело значения. Но он знал, что все, что произошло между ними, было замечательно и неповторимо.

Господи, если бы он не чувствовал себя так дурно, они могли бы продолжить прямо сейчас. Но алкоголь бродил отравой в его крови, путал мысли. Сначала чай. Много чаю. И затем, возможно, он увидит ее в своей турецкой бане.

Он еще раз улыбнулся в подушку, чувствуя, как его тело начало протестовать. Нет, это время вовсе не для чая, он готов развлечь свою гостью в этот очень подходящий момент. Готов опустить ее в горячую воду, положить на кафельный пол, пока пар будет согревать их тела. И конечно, тепло поможет его голове.

Но сначала он должен приподняться, чтобы дотянуться до колокольчика. Слугам потребуется время, чтобы приготовить бассейн, а ему выпить чашку чая, чтобы смочить пересохший рот. Но уж после этого он не позволит ей спать.

План был составлен, Харту удалось перевернуться, хотя понадобилось несколько минут, чтобы открыть глаза. Его слуга раздвинул шторы, но свет был невозможно ярким. Он был уже не юн, чтобы так напиваться и изображать бешеного любовника, или нет...

Если говорить об этом...

Харт потянулся, желая коснуться ее... И тут его глазам открылась печальная истина. Эмма ушла. Исчезла, хотя он помнил, что просил ее остаться. Но она ушла.

Чтобы убедиться, он приподнялся на локтях и осмотрел комнату. Нет, только его собственная одежда лежала на месте, отглаженная и вычищенная. Всякие признаки присутствия Эммы исчезли.

Он снова упал на подушки и громко застонал, бормоча проклятия. Неужели он ожидал, что одна ночь в его постели превратит ее в нежную, послушную любовницу? Остается только посмеяться над собой. Дьявол, он даже не требовал нежности и послушания. Просто хотел, чтобы она была здесь.

Часы рядом с постелью привлекли его внимание. Она ушла, когда утро перешло в день? Или даже раньше?

Дьявол, он не мог думать.

Отказываясь просыпаться, да еще и в одиночестве, Харт взял чашку чая, на которую падал луч солнца. Он не открывал глаза, пока не опустошил чашку, и открыл только для того, чтобы снова наполнить ее.

Но когда кто-то постучал в дверь, он сначала допил и эту чашку тоже. Его голова почти пришла в норму, и желудок не выказывал признаков возмущения, когда он позволил слуге войти.

— Ваша светлость, — камердинер поклонился и отвел глаза, — этот Стип здесь. Он говорит, что вы хотели видеть его.

Харт покачал головой, затем энергично потер виски.

— Пусть придет позже. Скажи ему, что я его приму.

— Да, ваша светлость.

Харт взял холодный тост и вареное яйцо. Он проглотил кусочек и... заметил пятна на простыни. Красные пятна выделялись на серо-зеленом шелке. Тост застрял в горле, и он с трудом проглотил его и запил чаем.

Это ничего не значит, сказал он себе, протирая влажные глаза. Ради Бога, этого просто не может быть.

Но он все же встал на колени, разглядывая пятна. Ничего реального, очертания расплывчатые. Но очевидность была налицо. Возможно, у нее началось обычное женское недомогание?

Да, конечно. И именно поэтому она ушла, прежде чем он проснулся.

— Конечно, — произнес он вслух, ища ответ. Его стучащее сердце замедлило свой ход. Эмма вдова, не девушка. И она не вела себя так, как...

Его сердце забилося еще быстрее.

Он вспомнил, как она опустилась перед ним на колени, готовая и абсолютно неуверенная. Помнил странную напряженность ее тела. Даже несмотря на то что она была готова принять его. И ее сдавленный крик, болезненное движение пальцев, вцепившихся в его плечи, и то, как она замерла под ним на несколько секунд.

— Нет, — сказал он, полный уверенности, подавив смущение. — Нет. — Он посмотрел вниз, на его бедрах тоже запеклись капельки крови. — Нет.

Это просто невозможно, даже если она была замужем за старым человеком. Женщина выбрала его, заставив совершить это? Нет, она не невинна, эта бесстыжая мисс.

Харт голый прыгнул с постели и схватил колокольчик. Он копался в груди чистых

рубашек, когда вошел слуга и ахнул, шокированный его видом.

— Ваша светлость!

— Я должен одеться. Немедленно. — Ему нужны ответы, ответы на многие вопросы. И он не найдет их в своей спальне. Хотя...

— Когда ушла леди Денмор?

— Сэр?

— Когда она ушла отсюда? Не притворяйся, что не знаешь.

— Конечно, ваша светлость. Около трех.

Три. Значит, она ушла сразу после того, как он заснул. Сбежала. Испарилась. Но у нее это не пройдет.

Десять минут спустя он оставил изумленного слугу и оседлал самого быстрого жеребца. Так будет быстрее, чем ехать в карете по загруженным экипажами улицам. И вскоре он уже стоял перед дверью ее дома, глядя на рой пылинок, кружившихся в луче света.

Он уже поднялся наверх. Уже пробежал все комнаты. Несколько предметов мебели были покрыты чехлами. Комод был пуст. Она уехала. Уехала быстрее, чем он мог вообразить.

— Я хотел сказать вам, — раздался тоненький голосок. Харт оглянулся и увидел Стимпа, он мял в руках шапку, лицо скорчилось в виноватой гримасе.

Харт покачал головой.

— Что?

— Они уехали на рассвете. Когда я узнал, то хотел...

Мысли крутились. Крутились... медленно, как шестеренки заржавевшего механизма.

— Куда они уехали?

Стимп пожал плечами. Он взглянул на Харта и отвел глаза.

— Извините, хозяин.

Извините. «Прости», как мило причитала она. Она, которая лгала на каждом слове, произносимом ее губами.

Мучительные мысли ушли, взамен пришло раздражение и желание действовать.

— Помоги мне найти ее, — рявкнул Харт, заставив Стимпа вздрогнуть. — Какие-то следы должны были остаться, и я должен знать. И тогда я найду ее.

Прошло две недели, и не обнаружилось никаких следов, указывающих направление ее исчезновения. Ничего, кроме разговоров о ее постыдном поступке, из-за которого она покинула город, дабы избежать осуждения.

Харт стиснул зубы и посмотрел на нетронутую пачку бумаг, лежащих перед ним.

Он вернулся в свой клуб неделю назад не в поисках компании, а надеясь услышать что-то о ней. Ничего. Хотя слышал многое, но ничего полезного. Никто не знал ничего, кроме того, что она весьма легкомысленная женщина с маниакальной страстью к игре. О да, и еще, что она была любовницей герцога.

По слухам, она подкарауливала Харта в любом темном уголке. И не только его одного. В список ее жертв входили: Ричард Джонс, Марш и, конечно, Ланкастер. Харт испытывал облегчение, чувствуя, что его не интересуют эти сплетни. Он был одержим своей идеей.

И каждый день он ждал, что она войдет в дверь. Робко улыбнется и скажет, что он обязан жениться на ней, потому что он... Хотя как она могла быть обесчещена, если она вдова? И тогда... и тогда мысли снова совершали свой круговорот.

Никто не мог бы сказать с полной убежденностью, кто эта женщина, как ее зовут по-настоящему, действительно ли она вдовствующая леди Денмор. Она появилась в городе, очаровала почтенную супружескую пару, сняла апартаменты и вошла в светское общество.

Она могла быть мошенницей. Она могла быть... Господи, может быть, она беременна и носит его ребенка?

И она вполне могла оказаться хитрой соседкой Денмора, или горничной, или экономкой.

Это нетрудно узнать.

Солнечные лучи падали на бумаги, лежавшие на столе. Все, что ему нужно, — написать нотариусу Денмора. Послать запрос в местный магистрат. Он может поехать в это маленькое местечко. Возможно, она там и с увлечением рассказывает всем о своих приключениях в Лондоне.

Но он знал, он чуял сердцем, что не найдет ее там. Знал, что все, что она разыграла, ложь. Но не хотел верить.

И зачем питать новые слухи и усугублять свое и без того унижительное положение? Если он начнет расследование, непременно пойдут слухи. И дело не в том, что она обманщица, какой вполне могла оказаться, но в том, что Харт был настолько подавлен, что не в силах тратить время и энергию на ее преследование.

«Шлюха обвела могущественного герцога вокруг пальца!»

«Смотрите, как он злится, как негодует из-за собственной глупости».

«Мужчина, который за всю жизнь так и не смог извлечь урок...»

И все это очень похоже на правду, и от этого еще хуже.

Но одно письмо. Только одно. Он не мог жить всю оставшуюся жизнь с той ложью, в которую она впутала его. Он хотел правды, чтобы с полным правом возненавидеть ее.

Он потянулся за пером, когда звук женского голоса коснулся его ушей. Волосы зашевелились на голове. Холодные мурашки сменились внезапным потом.

Эмма.

— Не нужно. Я сама, — сказал этот голос, когда Харт неуклюже поднялся из-за стола.

Женский голос. Такой знакомый... но... — Харт! — снова произнес звонкий и радостный голос. Дверь библиотеки распахнулась, и миниатюрная фигурка впорхнула подобно ветру. Черные локоны развевались на ходу. — Харт! — снова воскликнула она. И слезы заблестели в голубых глазах его сестры, когда она бросилась к нему.

Он раскрыл объятия, но его сердце упало с глухим стоном.

— Что ты делаешь здесь?

— Я так люблю тебя, — всхлипнула она, смахивая слезы.

— Алекс?

— Я писала тебе месяц назад, дуралей. А ты говоришь, что не знаешь. Ты же ответил мне.

— Я?.. — О Боже. Конечно. Он собирался устроить вечеринку и пригласил ее... — Где твой муж?

— Он перед домом отдает приказание слугам. Они, кажется, удивлены нашим приездом, Харт.

— Я...

Отклонившись от него и приподняв бровь, она вглядывалась в лицо брата. Ее маленькое лицо было мокрым от слез радости и напряжения, от смеха, который она пыталась сдержать.

— Прости, Алекс. Боюсь, что я забыл о твоём приезде.

Ее рот сложился в насмешливую улыбку.

— Что ж, я уехала семь месяцев назад. Память коротка.

— Шалунья.

— А, все-таки ты помнишь, кто я такая.

— Кажется, память начала возвращаться.

Ее улыбка стала шире. Харт почувствовал, что его губы дрожат. Он забыл, как много света и радости приносит сестра в его жизнь.

— Что ж, ты здесь. И я рад, что вижу тебя.

Он взял ее за плечи и, отступив на шаг, оглядел с ног до головы.

— Выглядишь, как всегда, потрясающе.

— Спасибо.

Его глаза остановились на ее тонкой талии.

— Ты не... ты не...

Улыбка исчезла с ее лица.

— Нет, пока нет. Но, по правде, я думаю, Коллин увиливает. Он говорит, что я слишком мала, чтобы носить дитя такого большого шотландского борова, как он. Грубиян.

— Возможно, он плохо делает свое дело? Я слышал, эти шотландцы не очень-то... — Он посмотрел через ее голову и увидел, что «большой шотландский боров» стоит в дверях. — Привет, Блэкборн.

— Сомерхарт, — ответил басом мужчина. — Если вы закончили обсуждать мое обращение с женой, то я покажу тебе кобылу, которую мы недавно купили.

Харт наклонил голову и попытался больше не смотреть на бумаги на его столе.

— Конечно, я скажу конюху, чтобы он отвел ее в конюшню.

— Я уже поговорил с ним. Но думаю, твой дворецкий ждет указаний.

Харт заморгал. Ложь Эммы внесла куда больше хаоса в его жизнь, чем можно было предположить. Нет ничего хуже, чем жить со слугами, которые злятся на своего хозяина. Но они все были так рады увидеть Алекс, что скоро от их недовольства не останется и следа.

И конечно, хандра Харта пройдет так же быстро. Он любил свою сестру больше, чем призрак леди Денмор, и она была куда лучшей компанией. Тогда почему он так болезненно ощущал потерю своего одиночества?

Алекс взяла его под руку. И правда, его мрачные мысли исчезли.

— Не беспокойся, мы проведем здесь всего неделю. — Она неторопливо прохаживалась с ним туда-сюда. — Ты выглядишь ужасно. Похудел и какой-то потерянный. Влюбился, может быть?

Харт чуть не застонал. Ему удалось сдержать стон, но, очевидно, его маленькой сестре не надо было не то что слов, но и звуков, чтобы ощутить его расстройство. Она остановилась, и Харт скоро обнаружил, что, нахмурившись, смотрит вниз.

— Ты лучше расскажи мне все, — попросила она.

Он был удивлен ее желанием. Но разве он мог рассказать? Он покачал головой.

— Коллин! — крикнула она, ее муж стоял у входной двери. — Кобыла может подождать часок. Мой брат свихнулся от любви.

Коллин приподнял бровь, недоверчиво глядя через плечо.

Алекс повела Харта назад в библиотеку.

— Я ничего не собираюсь рассказывать. Ты, как всегда, свихнулась.

— Мм... — Она повернулась и крикнула в холл: — Мортон! Принесите нам виски. — Светлая улыбка, с которой она посмотрела на Харта, могла повесить многим мужчинам настроение, но у него по спине побежали мурашки. — И тосты, Мортон, чтобы отпраздновать мое прибытие! — Она взглянула на Харта. — Кстати, тебе повезло, мы привезли полный ящик шотландского виски.

Споткнувшись о ближайший стул, Харт игнорировал Мортон и вновь откупоренную бутылку, которую тот принес. Он игнорировал стакан, который она подала ему. И он не обратил внимания на ее выжидательную улыбку.

Наконец она наполнила свой бокал и сказала:

— За настоящих друзей!

Харт напрягся.

— И тетю Августу, которая пишет мне такие интересные письма.

Он вопросительно поднял брови.

Она потягивала виски и издала какой-то звук, прежде чем снова повернуться к нему. Дрожь пробежала по его спине.

— Но, Харт, может быть, ты расскажешь мне, кто эта юная вдова леди Денмор, с которой я столько слышала?

Харт долил виски в бокал, не дожидаясь, пока последняя капля обожжет его горло. Алекс терпеливо ждала с невинной улыбкой на устах. Он никогда не отказывал ей. Никогда. Он баловал ее, как ребенка. Поэтому неудивительно, что он прервался, как игрок в крикет, и рассказал своей маленькой сестричке всю историю со всеми подробностями.

— Мне абсолютно ясно, что ты должен делать, — сказала Алекс. Ну разумеется, ей было ясно, ей, которая питала такую необычайную симпатию к скандальным женщинам. Поэтому она быстро набросала письмо адвокату, а спустя некоторое время Харт уже стоял в доме Ланкастера и, стиснув кулаки, ожидал, когда виконт выйдет к нему.

Если кто-то и знал хоть что-то о ней, то это мог быть в первую очередь Ланкастер. Он и Эмма тоже в какой-то мере были друзьями. Стипм упоминал о визитах виконта как о

неслучайных.

— Сомерхарт?

Харт поднялся навстречу хозяину и пожал протянутую руку, хотя ему скорее хотелось ударить его. Он знал, что виконт не сделал ничего плохого, но разбитый нос мог бы принести Харту удовлетворение. И все же он удержался от подобного искушения.

Ланкастер вопросительно приподнял ровную бровь.

— Я могу быть вам чем-то полезен?

— Возможно. Вы знаете, что леди Денмор внезапно покинула город?

Лицо виконта мгновенно потемнело.

— Да. Я слышал об этом.

Харт выдержал его взгляд, его собственные глаза смотрели холодно.

— Вы говорили с ней до ее отъезда?

— Нет.

— Я спрашиваю, потому что между вами были какие-то отношения.

Ланкастер, соглашаясь, наклонил светловолосую голову.

— Дружеские, ничего больше.

— Да. Я знаю.

В его глазах на мгновение промелькнуло удивление, и Харт подумал, что это странно для мужчины — быть столь неуверенным в существовании женской добродетели.

Ланкастер пожал плечами:

— Время от времени мы совершали совместные прогулки, но я ничего не знаю о ее личной жизни. Мне казалось, это ваша территория, Сомерхарт. Почему вы решили, что я могу что-то знать?

— Не играйте со мной в эти игры, Ланкастер. Я не настолько обезоружен вашими чарами, как другие.

Их взгляды скрестились. Десять секунд прошло, и лицо Ланкастера потемнело, а глаза зажглись холодным огнем. Выражение его лица сейчас было настолько жестким, что Харт и представить не мог. Оказывается, он вовсе не легкомысленный дамский угодник.

— Чего вы хотите? — наконец спросил он.

— Я хочу знать, где она.

— Представления не имею.

— Вы не знали о ее планах? Почему?

— Это не имеет к вам никакого отношения.

— Что вы имеете в виду?

— Я имею в виду, что она была в Лондоне по особой причине.

— А вы не могли бы уточнить, что это за причина?

Обаятельная улыбка моментально ожила на лице Ланкастера.

— Почему же? Презренный металл, конечно. Не так уж трудно догадаться.

— Но она не воровка! — воскликнул Харт более убежденно, чем чувствовал.

— Да. Она честно зарабатывала свой хлеб за игорными столами, хотя... Я предполагаю, вы думаете, что ее честность этим и ограничивалась?

Значит, не один он понял, что она лгунья. Но все равно. Сезон только начинается. И ответ на то письмо, что он послал утром, придет не скоро. Хотя он уже знал, что ему не очень нужен ответ.

— Она не леди Денмор, — пробормотал Харт, и слова отозвались болью в его сердце.

Он открыл ей свою душу, шептал такие вещи, о которых даже не смел думать долгое время, а она, оказывается, нечто совсем иное, чем он себе представлял.

— Я думаю, это вполне вероятно.

Его злость, которую ему удавалось скрывать в эти дни, вышла на поверхность, как бьющая ключом кровь.

— Почему вы так легко верите в это?

Ланкастер пожал плечами:

— Не легко. Просто это было очевидно. Хотя Эмма не цыганка, замаскированная под леди.

Эмма. Звук его голоса, произнесшего ее имя... О, это резало ухо.

— Что еще вам известно?

— Ничего. Ничего, что я мог бы сообщить мужчине, который собирается свести счеты с женщиной.

Негодяй.

— Вы могли бы поплатиться за подобное оскорбление. Но я не желаю объясняться с вами.

— Это нетрудно разглядеть, — ответил Ланкастер, его глаза смотрели с обидой. — Но, как вы сказали, мы с Эммой были друзьями, и я, как бы там ни было, сохранил преданность и уважение к этой женщине.

Господи, этот мужчина еще и благороден, помимо того, что полон обаяния. Достаточно редкое сочетание. Харт обнаружил, что готов капитулировать.

— Я не обижу ее, клянусь вам! Но ради моего собственного спокойствия я должен знать, кто она и откуда. Ясно, что она милая женщина, даже если и не та, за кого себя выдает. Она одинока и сбежала бог знает куда. Она может оказаться в опасности. Я должен...

Тень тревоги, набежавшая на лицо Ланкастера, остановила дальнейшие объяснения Харта.

— Что? Ей угрожает опасность? — спросил Ланкастер.

— Я не могу быть уверен, что с ней все хорошо, — ответил Харт.

— Вы не уверены?

— Мне кажется, вы чего-то недоговариваете, Ланкастер. Скажите мне, или я силой заставлю вас сказать это, вы понимаете?

— Вы думаете, я не вижу это по вашим глазам? Так вы хотите взять реванш? — Он отбросил руку Харта в сторону. — Она всего лишь молодая женщина. И она не хотела обидеть вас.

— Она не...

— Она была в отчаянии. Испугана. Неужели вы не видели это?

— Я... — Ну конечно, он видел эти проблески страха в ее глазах, но она ничего не объяснила ему. А он не заставил ее объяснить. Почему? Потому что он хотел притвориться, что она ничего не значит для него. — Расскажите мне. — Он запинался на каждом слове, но все же выговорил их. — Пожалуйста.

— Если вы найдете ее — хотя я не знаю, где ее искать, — мне требуется ваше слово, слово джентльмена, что вы не обидите ее и это не нанесет ей вреда.

— Даю вам слово. — Харт произнес это не задумываясь, хотя, конечно, он хотел реванша. Однако Ланкастер не спешил, придирчиво вглядываясь в его черты.

— Хорошо. Я верю вам. И я беспокоюсь. Так случилось...

— Что?

— Она однажды пришла ко мне на рассвете. И сказала, что ей нужна помощь.

Страх объял его грудь. Когда он достиг сердца, Харт почувствовал боль и обиду. Почему она не пришла к нему?

— А что случилось?

— Какой-то мужчина преследовал ее и нашел в Лондоне. Мужчина из ее прошлого.

Харт покачал головой, но Ланкастер заговорил снова, он не знал, что никаких мужчин не было в ее прошлой жизни.

— Он был из Чешира. Она говорила, что он влюбился в нее и досаждал ей. После смерти ее супруга он совсем обезумел. Утверждал, что она никогда не была замужем и будто бы обещала стать его женой. Она была страшно напугана.

Харт размышлял о будто бы лишенных основания утверждениях мужчины. Очевидно, он ворвался в ее дом и поссорился с ней. Она хотела, чтобы он ушел. Но пришлось уйти ей.

— Поэтому она уехала?

— Частично поэтому, я полагаю. Но ей нужно было убедиться, что он не станет снова выслеживать ее. Я нашел подходящего констебля, который посадил его в тюрьму. Эмма заплатила, чтобы условия были комфортные, хорошая еда и прочие послабления, пока она не уедет.

— Он все еще там? Тот человек, он, возможно, знает...

— Его освободили на прошлой неделе.

— Его имя?

— Мэтью Бромли. Я был там, когда констебль арестовывал его. Должен сказать, что поначалу я сомневался в правдивости этой истории, но этот тип явно не в себе. Он говорил об Адаме и Еве. О вероломстве женщин.

— А что он говорил об Эмме?

На лице Ланкастера появилась горькая улыбка.

— Не знаю, он почему-то утверждал, что она не леди Денмор.

Во рту пересохло.

— Кто же она?

— Я не стал бы утверждать, что стоит верить ему. Но он сказал, что она не была женой лорда Денмора, что она его дочь.

Чувство правды обожгло Харта. Его дочь.

— На самом деле дочь девятого барона Денмора, внучатая племянница десятого.

— Так... — Господи, могла ли это быть она? Дочь того... того отвратительного распутника. — Девятый барон Денмор умер шесть лет назад. Вы знали его?

Ланкастер покачал головой.

— Он был закоренелый пьяница, не соблюдавший никаких приличий. Он входил в один из старых клубов «Огни ада», если это наведет вас на правильную мысль. В пьяном виде угодил в аварию вместе со своим наследником во время какой-то безумной поездки... Это последнее, что я слышал о семье Денморов. Но возможно, у него была дочь.

Дочь. Юная аристократка, воспитанная во лжи и пороке.

— Констебль, — начал Ланкастер, не дождавшись вопроса, — его имя Ролл.

— Прекрасно. Посмотрим, что я смогу вытянуть из него. Но у вас действительно нет никакой идеи, куда бы она могла уехать?

— Никакой. Хотя она как-то упоминала Скарборо и пляж. Она гуляла там с матерью, когда была ребенком.

— Скарборо? — Он не мог представить ее там. Скорее он ожидал найти ее в Париже, Риме или Лиссабоне. Скарборо слишком скучное место. Недостаточно романтическое. И там нет никаких блестящих герцогов, которых можно сбить с толку.

— Я запомню и благодарю вас за помощь. И за доверие. Если когда-нибудь в будущем я смогу быть вам полезен...

— Ах, не стоит. Я решился на это, заметив ваши добрые намерения. И когда вы найдете ее, буду рад услышать, что у нее все в порядке.

Если бы Харт не так торопился, ему явно доставило бы удовольствие понаблюдать за выражением лица его кучера, когда тот услышал, куда они едут.

— В городскую тюрьму! Быстро!

Он никогда не ожидал, что благодаря Эмме ему придется первый раз в жизни посетить тюрьму, но почему-то не удивился этому.

Тихая, полупустая церковь навевала благостные чувства. Сердце Мэтью сжалось, и он начал рыдать. Слезы капали на сложенные в молитве руки.

Этот сумасшедший констебль наконец выпустил его, но Эмили снова исчезла. Все его мучения, поиски и победы — ничто по сравнению с ужасным страхом камеры. Он не сумел излечить свою душу. Не привел ее к Богу.

Преподобный Уиттир встретил его не только с сочувственными объятиями, но и со строгими словами. «Если ты все еще испытываешь к ней вожделение, ты не можешь служить в церкви с этим грехом на душе. Если ты не можешь правильно поступить с молодой женщиной, ты должен молиться о прощении. Молись ради праведной жизни».

И он делал это. Каждый день. Простаивал в молитве каждую ночь, несмотря на ссадины на коленях, несмотря на то что шея ныла от напряжения. Но не останавливался. Только Бог может освободить его от этой пагубной страсти, изгнать голод, терзающий его тело. Или он сотворит чудо и вернет Эмили в надлежащее место.

— Мистер Мэтью?

Он поднял голову и посмотрел на статую Христа.

— Вы отвлекаете меня от молитвы.

— Извините, сэр, — проговорила девушка, ее голос гулким эхом отдавался в часовне. — Ваш отец послал меня за вами. Кто-то прибыл из Лондона. Джентльмен.

Когда он повернулся к ней, девушка попятилась.

— Из Лондона?

Она кивнула и добавила шепотом:

— В дорогой карете, сэр.

Проскочив мимо нее, Мэтью опрометью бросился к дверям. Это Божье чудо, и это чудо свершилось.

Черная карета казалась огромным зверем по сравнению со скромным домом его отца. Золотой герб сиял на солнце, внушая страх и угрозу. Мэтью не стал изучать его, он простой Божий человек и не знает известных имен, не разбирается в фамильных гербах. Он знал только одно — этот человек так или иначе связан с Эмили.

Он ворвался в дом, хлопнув дверью. Лица трех человек, сидевших в гостиной, повернулись к нему. Его отец, его сестра и еще какой-то человек, который выглядел как сам дьявол, только очень красивый. Его лицо было точно вырезано из камня. Прекрасное, холодное и пугающе уверенное.

Мэтью задрожал.

— Мэтью, — начал старый Бромли, когда незнакомец поднялся со своего места, — этот джентльмен — герцог Сомерхарт. Он тут из-за Эмили.

Эмили, Эмили. Его голова кружилась, приводя мысли в смятение.

— Где она? — наконец удалось выговорить ему.

Услышав его требовательный тон, сестра ахнула, а отец побледнел. Но Мэтью только смущенно смотрел на них. Чего они хотят от него?

— Где она? Я могу вернуть ее домой? Это ее дом, вы знаете. Мы должны пожениться. И нечего терять время. Я...

Отец вышел вперед.

— Мэтью, ты забываешься. Успокойся...

Успокоиться? Так вот что их волнует? Мэтью нетерпеливо махнул рукой, но когда посмотрел на гостя, то понял свою ошибку. Их беспокойство не имело ничего общего с его дерзким тоном, их пугала сила этих невозможно светлых глаз.

Мэтью низко поклонился.

— Ваша светлость, — произнес он, отмечая дьявольский взгляд и думая, что он будет преследовать его во сне. Этот мужчина явно способен на убийство.

— Как я сказал... — Голос герцога не относился к нему, и Мэтью осмелился выпрямиться. Они продолжали сидеть, хотя сестра обмахивалась веером, исподлобья бросая на Мэтью остерегающие взгляды. Он подсел к ним, чтобы принять участие в разговоре.

Вкрадчивый голос герцога вибрировал от эмоций.

— Я не знаю, где она, но у меня есть кое-что, что я должен передать ей. Я надеюсь, вы поможете.

— Вы хотите найти ее... — сказал Мэтью и тут же запнулся, стоило гостю посмотреть на него.

Вопрос не получил ответа, но Мэтью уже все понял: вот оно — чудо. Этот человек. Этот герцог, за которым вся сила Англии, он найдет Эмили. И приведет ее прямо в руки нареченного супруга.

Харту не терпелось покинуть это место. Он прыгнул в карету и уехал. Он проезжал мимо дома дяди Эммы на окраине города. Вернее, мимо того, что осталось от него — развалины, остатки стен с пробоинами вместо окон, обгоревшие кирпичи... Никто не удосужился разобрать. Неповрежденная белая табличка с надписью «Дженсен» висела на воротах, контрастируя с кучей кирпича и обуглившегося дерева.

Ей всего девятнадцать, как сказал адвокат. Восемнадцать было, когда ее дядя умер и она осталась одна в целом свете с жалкими грошами дохода. Восемнадцать, когда она впервые прибыла в Лондон.

Девятый барон Денмор довел до упадка унаследованное имение и продал земли, оставшиеся после уплаты долгов. Когда по его вине погиб его единственный наследник, титул перешел к его дяде, но у него не было денег ни для того, чтобы починить дымоход, ни для того, чтобы содержать прислугу. Ее старый дядюшка унаследовал титул, увы, лишенный материального обеспечения, а также пришедшее в упадок поместье. Он умно поступил, решив остаться в своем собственном доме.

Харт был потрясен историей Денморов. А теперь эти люди, семья Бромли, сидели перед ним бледные и испуганные, и еще этот молодой человек Мэтью. Харт скрипнул зубами.

Эмма утверждала, что боялась его, и сейчас Харт верил ей. Парень был страшн бледный и невероятно худой, прямые светлые волосы давно не знали мыла. На болезненном лице глаза горели ненавистью, вожделением и жестокостью. Сестра выглядела испуганной, отец — отрешенным. И со слов адвоката Харт знал, что Эмма жила в этой семье несколько месяцев после смерти дяди.

— Я знаю, что вы приютили ее после пожара.

— Ну да! — сказала Кэтрин, сестра Мэтью. — У нее никого не было, и мы подумали... — Она покосилась на брата. — Да, мы подумали, может быть, она останется у нас.

— Мы должны были пожениться, — твердо заявил Мэтью.

Харт приподнял бровь.

— Помолвка состоялась?

— Ну...

— Официально нет, — перебил отец, — но... Но Эмма была у нас как своя.

Харт насторожился, услышав ее имя. Он подумал, что, возможно, и это тоже ложь. Во всех документах стояло имя Эмили.

— Эмма? — услышал он собственный голос. — Я думал, ее нарекли Эмили?

Сестра кивнула:

— Да. Но она не любила это имя. Мэтью единственный, кто звал ее Эмили.

— Это имя было дано ей при рождении, — взорвался Мэтью, его запальчивый тон свидетельствовал, что он спорил на эту тему не один раз. — И сохранить его — значит уважить волю отца и матери.

Ноша пала с плеч Харта. Хотя это мало что меняло, но все же меняло. Ее имя Эмма, как она и говорила. Харт чувствовал крохотное облегчение, что побудило его продолжить расспросы: — Но у нее были планы уехать в Лондон?

— Нет, — буркнул Мэтью. — План был один — выйти за меня.

— И она не сделала этого.

— Она была очень расстроена после смерти дяди. Она растерялась, сбилась с правильного пути. Вот и все. Ее просто нужно вернуть назад.

Сдерживая злость, Харт сжал кулаки.

— Да, — прогремел он. — Как я понимаю, вы сделали все, чтобы вернуть ее назад из Лондона. Но все напрасно, мистер Бромли. — Он повернулся к главе семейства: — Я хотел бы переговорить с вами наедине. Это возможно?

Присев в книксене, сестра тут же вспорхнула со своего места.

— Разумеется, ваша светлость, — прошептала она и выбежала из комнаты.

Мэтью по-прежнему сидел, пока отец не кашлянул многозначительно. Он нехотя поднялся и вышел из комнаты, что-то недовольно бормоча себе под нос.

— Мои извинения, ваша светлость, — сказал мистер Бромли. — Мой сын... — Он не договорил, пожимая плечами.

— Как магистрат, вы, несомненно, знаете, с какими неприятностями Мэтью столкнулся в Лондоне. И он продолжает беспокоить мисс Дженсен. Я чувствую, моя совесть обязывает меня передать его властям.

— Да, конечно. Я... Они когда-то были друзьями, действительно. Но когда она отказала ему... Он любит ее.

— Как и вы.

— Да. Я думал, она станет мне дочерью, и был рад этому. Она была такая тихая, когда приехала в деревню. Внимательная. И хорошая племянница своему дяде. Преданная ему. И все возилась с ним в саду. Но когда он умер, она изменилась. Стала беспокойная и нервная. Почти как...

Харт ждал, когда он потрет свой лоб.

— Я не могу объяснить это. Она не отвечала, когда я заговаривал с ней. Казалось, она уже где-то далеко. Я понял тогда, что она не останется здесь, сожалел о наших несбывшихся надеждах.

— И в один прекрасный день она села в карету и укатила в Лондон?

— Нет. Она ушла от нас спустя несколько месяцев. Сняла комнату у мельника. И мы

даже не знали, что она через несколько дней ушла оттуда. Она говорила, что возвращается в Денмор, но Мэтью не нашел там ее следов и никаких свидетельств от кузена, о котором она говорила жене мельника.

— То есть она сбежала и не хотела, чтобы ее нашли? — Харт нахмурился. Сейчас он был не ближе к ней, чем там, в Лондоне. Ее не было здесь, и было ясно, что она не вернется сюда. — То есть у нее никого не осталось из Денморов. А новый барон сказал, что не знает ее?

— Да. Титул отошел к дальнему родственнику. Он и сам был удивлен.

— И у вас никаких идей? Никаких предположений? Это очень важно, чтобы я нашел ее.

Мужчина отвел глаза, меряя комнату шагами. Наконец, бросив осторожный взгляд на арку, которая вела в холл, мистер Бромли подошел вплотную к Харту.

— Я думал, — прошептал он, — еще до того, как Мэтью нашел ее в Лондоне, что она могла уехать в Йоркшир, на побережье.

Дрожь пробежала по коже Харта. Снова чувство правды, столь редкое. Ланкастер тоже упоминал Скарборо и море. Он попытался сказать как можно мягче:

— И все же, почему Йоркшир?

— Однажды я взял Эмму на рыбалку, вон туда за лесом. И она рассказывала, как любит море. Мать возила ее в Скарборо каждое лето, когда она была девочкой. — Он снова взглянул в холл и придвинулся ближе. — Я никогда не рассказывал Мэтью, — добавил он.

Скарборо. Йоркшир. Довольно приблизительные сведения, но это лучше, чем потратить время, исколесив весь цивилизованный мир.

Вспаханная земля была мягкой как пух, и ветер с океана намного теплее, чем она ожидала. Первые крохотные ростки уже пробивались сквозь грунт, защищенный сеном, которое она разбросала неделей раньше.

Эмму всегда переполняло счастье, когда она стояла здесь в своем собственном саду, рядом со своим домом. И могла видеть отсюда спокойную бледно-голубую гладь моря, открывавшуюся за границей утеса.

Наконец-то она нашла именно то, что хотела. Встретившись с агентом по недвижимости месяцем раньше, она объяснила ему, что хочет приобрести и где. Он рекомендовал ей посмотреть четыре дома, но она остановилась на втором и больше не стала смотреть.

Здесь было поистине прекрасно. Тихо и красиво. Именно то, о чем она всегда мечтала. Она могла бесконечно любоваться этим видом и уходила в дом только тогда, когда солнце опускалось за море.

Эмма провела рукой по талии, все еще разрываясь между облегчением и странным сожалением. Кое-какие советы она получила у женщины, собирающей травы, а Харт, видимо, предпринял собственные меры. Она вздохнула с облегчением, когда началось обычное женское недомогание, но вместе с тем чувствовала некоторое разочарование, так как теперь дверь в прошлое захлопнулась навсегда. Все осталось там. За этой дверью.

Эммы Дженсен больше не существовало. Впрочем, как и Эмили. Как и придуманной леди Денмор. Сейчас она была просто вдова Керн, такая же ненастоящая, как леди Денмор, но совсем, совсем другая.

Она воткнула совок в землю и подумала, как сильно изменилась за последнее время. То вожделение, которое она ощущала к Харту, прошло. Та единственная ночь утолила все те необузданные желания, которые так жгли ее.

Харт пробуждал в ней именно то, чего она так боялась. Она так много хотела получить от него, фантазировала и мечтала о будущих удовольствиях, которые он доставит ей. Ее тело возбуждалось от одной мысли о нем. Если бы она осталась в Лондоне, она бы пропала.

Но здесь, в этом тихом райском уголке, дикие желания, казалось, оставили ее. Она не бросала плотоядных взглядов на мужчин ее новой деревни. Более того, она даже старалась смотреть на них, чтобы вызвать в себе нечто похожее на желание, но ничего не испытывала. Обнаженные торсы молодых мужчин, плескавшихся в море, не вызывали у нее никаких эмоций.

Это была привилегия Харта, его одного.

Соленый ветер унес ее вздох, и Эмма прислонила совок к серой стене коттеджа. Этим летом она покрасит дом в белый цвет, хотя тогда исчезнет серебристый оттенок старого дерева.

Эмма сняла передник и, увидев Бесс в окне кухни, помахала ей. Затем она направилась по тропинке, которая уже поросла травой.

Бесс не могла понять очарования обрывистого утеса и каменистого пляжа внизу. «Вы сломаете себе шею», — предупреждала она. Но Эмме нравилось спускаться с утеса к пляжу, и риск добавлял этому путешествию очарования.

Внизу на узкой полоске песка она чувствовала себя свободной. Странно, потому что она

не могла пройти ни вправо, ни влево дальше, чем на двести ярдов. Но шум волн, дуновение бриза, крики чаек и странный соленый запах моря — все это наполняло душу умиротворением. Она снова чувствовала себя юной и счастливой. Она была в безопасности. И наконец довольна.

Но она не могла унести это чувство с собой. Она не могла забрать его и сохранить на всю ночь.

— Это прекрасное место, — шептала Эмма, спускаясь по тропинке к морю. Ее ноги заскользили по гальке, и она ударилась лицом об острый выступ скалы, но все же удержалась на ногах. — И моя жизнь тоже прекрасна, — бормотала она, убеждая себя, что так оно и есть. Вскоре Лондон останется далеким воспоминанием. А Харт не больше чем... эпизодом. Найдя подходящее слово, она обрадовалась его определенности и заставила себя поверить в это.

Но какое-то тревожное чувство не покидало ее. Она постаралась отрешиться от него, но оно напоминало о себе вновь и вновь. Возможно, собственная вина не давала ей покоя?

Ей приходилось постоянно лгать, сочинять небылицы и использовать людей. Хотя она говорила себе, что Харт сильный и могущественный человек, герцог с положением в обществе, она все равно считала, что обидела его, а ее внезапное исчезновение лишь усугубило эту обиду.

Она потеряла основание шеи, но ощущение беспокойства не покидало ее, пока она смотрела на покрытое белыми барашками море.

Первым пунктом его поисков стал Скарборо. Харт не сомневался, что Эмму могло привлечь большое число отдыхающих.

В этом курортном местечке можно было сделать деньги, хотя люди здесь наверняка более осмотрительны и менее беспечны и расточительны, чем те, с которыми она имела дело в Лондоне. Но, с другой стороны, торговцы более просты и открыты и, возможно, найдут ее манеры прелестными. Если она сохранила свои манеры до сих пор.

Но ее не было в Скарборо. Неделя прошла впустую. Он не нашел никаких следов никаких признаков ее присутствия.

Он станет искать ее, но он не знает, кого искать.

Если он и найдет ее, то он не знает, кто она. Она не та женщина, за которую выдавала себя. Да и не женщина вовсе, а девушка. Дочь. Племянница. Тихая девушка, любимая в ее родной деревне.

Она не была ни вдовой, ни проституткой, ни воровкой. Она не была остра на язык, ей не хватало опыта. И то чувственное начало, которое он распознал в ней, скорее всего было отзвуком лет, проведенных в логове ее отца, которое было средоточием распутства и вседозволенности.

Или это его благие надежды? Да, он хотел надеяться, что она не принимала участия в оргиях.

Чувство какого-то беспокойства, чего-то упущенного не оставляло его сознание. Однажды он посетил дом Денморов, в памяти осталось огромное здание из гранита и зубчатых башен да темные холлы и еще более мрачные лица гостей.

Если у него и были какие-то воспоминания, то они улетучились несколько дней спустя, когда он сделал предложение своей любовнице и получил отказ и разочарование вместо радости.

Смутные воспоминания наводили на мысль, что детство Эммы было менее беззаботным, чем должно было быть. Сначала умерла мать, затем отец и брат. И она стала жить в доме старого дядюшки, которого прежде никогда не встречала. И по крайней мере в его доме, пусть короткое время, она была счастлива.

Харт сам не понимал, ненавидит ли он ее? Он запутался в своих чувствах. Единственное, чего он хотел, — найти ее.

И что?

Когда он пытался ответить на этот вопрос, его сердце сжималось от боли, дыхание замирало в груди. Он слепо продолжал поиски, ища женщину, которая не хотела, чтобы ее нашли. Женщину, которая разрушила его защитную броню.

— Еще одна миля, ваша светлость, — сказал кучер, оглядываясь назад.

Харт рассеянно кивнул, зная, что они ничего не найдут и здесь, как ничего не нашли в других местах. Каждая дорога казалась верной, каждый местный агент недвижимости с пеной у рта утверждал, что имел дело с женщиной, похожей на Эмму.

Но за неделю путешествия по побережью через деревни и местечки они видели двух вдов, нескольких шлюх и одну старую женщину, которая скорее могла быть бабушкой, чем...

Ее не было здесь, и неизвестно, была ли она вообще на Йоркширском побережье. Что, если она села на корабль и уплыла в Америку?

Боже, она действительно могла уехать в Америку. И тогда пройдут годы, прежде чем он найдет ее. От боли заломило висок над левым глазом.

— Мы подъезжаем, сэр. Мне сбавить скорость?

— Да. — Он подвинулся к окну, разглядывая пейзаж. Зеленая трава, ветви деревьев качаются на ветру. Тот же пейзаж, что он наблюдал уже несколько дней. И затем аккуратный домик, не новый, но вполне пристойный. Цыплята во дворе. Харт прищурился.

Две женщины склонились посреди сада. Одна из них напоминала... Он высунулся в окно, подставляя лицо морскому ветру. Одна из них похожа на Бесс, а другая...

На ней была старая соломенная шляпа с широкими полями. Передник на талии, платье простое и скромное, по голубому муслину разбросаны маленькие зеленые листочки.

Это не могла быть она. Работать в саду как жена простого крестьянина? Она была дочерью барона, джентльмена.

И тут Харт вспомнил те густые заросли, которые окружали запущенный дом ее дяди. Он вспомнил, как мистер Бромли упоминал о ее страсти к земле.

Но платье, и куры, и старая шляпа, и тут она подняла голову, и... Да, это была Эмма. Ее лицо стало вдруг напряженным и сосредоточенным — прищурившись, она смотрела на карету, явно изучая герб.

— Остановись, — сказал Харт, и колеса замедлили движение как раз в тот момент, когда ее лицо исказилось в страхе.

Он слышал, как она сказала:

— Бесс.

Его нога коснулась земли.

Она уронила ведро с семенами и направилась к задней стороне дома.

Он захлопнул дверь кареты.

И этот звук заставил ее замереть.

Его эмоции были на грани.

Он чувствовал каждой клеточкой своего тела, каким он видится Эмме — властным,

неприступным и бессердечным.

— Я несколько недель ищу тебя, Эмма. Сейчас у меня такое чувство, что ты готова сказать мне, что не хочешь видеть визитеров.

Ее плечи опустились от страха, бледные пальцы перебирали складки юбок.

— Ты, очевидно, понимаешь, что мы все-таки должны в любом случае поговорить и я должен задать тебе несколько вопросов.

Она стала развязывать ленты шляпы.

— Бесс, оставь нас на минутку.

Харт видел, как Бесс скрылась за углом дома. И через секунду-другую услышал, как хлопнула дверь. Эмма сняла шляпу и тряхнула головой. Волосы упали ей на плечи. Она медленно повернулась к нему.

Она выглядела... прелестно, отдохнувшая и посвежевшая. Розовые щеки сияли естественным румянцем. Волосы были чуть влажными на висках. Но в ее глазах были страх и недоверие.

Она молчала, глядя ему куда-то за ухо. И под румянцем постепенно проступала бледность.

— Удивлена моим появлением?

Когда ее веки дрогнули, Харт испытал удовлетворение. Он наконец преодолел свою растерянность перед ней, которую тщательно скрывал.

Он поднял голову.

— Неужели ты думала, я просто пожму плечами и решу, что мне повезло, что ты сбежала? Ты думала, я после первого же бала сезона забуду о тебе?

Ее губы дрожали, пока она старалась сформулировать ответ.

— Почему бы и нет?

Он заложил руки за спину и смотрел на нее сверху вниз, пока она не сжала нервно руки.

— Я был пьян, Эмма. И зол. Но не настолько, чтобы не понимать, что происходит. Ты думаешь, я не заметил кровь? Или не помню, какой неопытной ты была со мной?

— Я... я не...

— Я знаю, кто ты на самом деле, Эмма.

Ее взгляд наконец встретился с его взглядом.

— Пожалуйста, не надо. Не надо ничего говорить. Я покончила с жизнью, которую вела в Лондоне. Здесь есть все, что я всегда хотела.

— А что ты натворила в городе? Ты должна знать: это недостойно благородной женщины.

— Я знаю! Я виновата. — Но в ее глазах вспыхнула мысль вместо сожаления. — Я обещаю никогда не возвращаться. Я исчезла, и теперь у меня есть все, о чем я когда-либо мечтала. Я собрала необходимые средства. И ничего ни у кого не украла. Ни у тебя, ни у кого другого.

— Да? А как насчет доверия и дружбы?

— Пожалуйста... я буду... — Ее глаза потемнели. — Я сделаю все, чтобы загладить свою вину. Пожалуйста.

Что ж. Она быстро смирилась. Харт рассмеялся, чтобы скрыть боль.

— Все? Тогда пригласи меня войти. Начнем с чая.

Она кивнула. Ее согласие подразумевало, что она готова расплатиться за совершенные ею проступки. И этот сдержанный кивок в один миг поставил все на свои места, распутав

узел сомнений, не дававший ему покоя с тех пор, как он начал искать ее. Все, что он узнал о ней в последний месяц, обрушилось на него, как волна прибоя, смывая прочь его беспристрастность. Но к тому времени как он готов был раскрыть свои обьятия, Эмма прошла мимо.

Харт, едва сдерживая дрожь, повернулся и пошел за ней по дорожке к ее новому дому. В этот момент он был твердо уверен, что последует за ней куда угодно, если только она будет искренна с ним.

Сердце Эммы болезненно отреагировало на появление Харта. Оно колотилось со скоростью пойманной в клетку птицы. У нее появилось опасение, что она может умереть в любой момент, если сердце будет работать в таком ритме и дальше.

Когда Харт показался в дверях, Эмма вздрогнула, хотя ждала его появления. Он нагнулся, проходя через порог, и от этого показался ей еще выше, когда выпрямился во весь рост.

Дверь комнаты Бесс открылась, и Эмма услышала ее осторожные шаги.

— Пожалуйста, принеси нам чаю, — сказала Эмма. — И потом оставь нас. Нам нужно поговорить.

— Да, мэм.

— Поговорить, — пробормотал Харт.

В доме было все, что необходимо: просторные комнаты, кухня, две комнаты поменьше и еще маленькая спальня Бесс, которая имела свой собственный выход. Бесс могла прийти и уйти когда захочет, хотя редко пользовалась этой возможностью. Их быт сложился, они ладили друг с другом, и вот теперь он явился и мог все разрушить.

Нахмурившись и прикусив губу, Эмма наблюдала, как он оглядывает критически стены, без сомнения, расценивая ее быт как проигрыш. Естественно, он не видел той драмы в душе Эммы, причиной которой он был. Он по-прежнему выглядел соблазнительным и успешным, и Эмма в ужасе подумала, что готова взять его к себе в постель.

— Как ты нашел меня?

Заканчивая осмотр, он не торопился с ответом; потом снова взглянул на нее, но тут вошла Бесс с чаем. И хотя Эмма не смотрела на него, она чувствовала, что он не сводит с нее глаз. И там, где только что была холодность, сейчас появился жар. Его ледяная маска в какой-то момент растаяла.

Она не могла дышать, не могла говорить, пока не раздался стук хлопнувшей двери и Харт вздрогнул.

— Как я нашел тебя? Я искал. Сначала поехал в Чешир, говорил кое с кем, но все сходилось к тому, что ты обожаешь океан.

— Но...

Он улыбнулся, что повергло ее в смущение.

— Я герцог, Эмма. Большинство наших сельских жителей никогда не встречали герцога в своей жизни. Как сказали агенты недвижимости, мой статус оказался полезен для сбора информации.

Она прикусила губу.

— Я понимаю. Как всегда, для тебя границ не существует.

Харт согласно кивнул, удивив ее.

— Я никогда не знал жизнь так хорошо, как ты, это точно. — Его взгляд стал нежным. Губы потеряли свою жесткость.

Он жалел ее.

О, это очень чувствительно задело ее гордость, хотя внутренний голос нашептывал ей, что его жалость может оказаться полезной. Это могло бы спасти ее, спасти ту жизнь, которую она предназначила для себя. И все же она улыбнулась не без сарказма.

— Значит, тебе рассказали мою историю? И ты сжалился над бедной сироткой? Позволь мне угадать остальное. Ты рассуждал примерно так: «Есть девушка, которую нужно поддержать. Бедняжка не привыкла к труду. Она могла бы иметь доход, дающий ей возможность покупать себе прелестные вещи, которые она заслужила, и я могу сделать это для нее...»

— Конечно, нет...

— Ты приехал сюда, чтобы уладить наши отношения?

Жалость исчезла и вместе с ней появилось что-то похожее на благодарность.

— Я вижу, ты все такая же колючая и непримиримая. Я приехал не для того, чтобы предложить тебе быть моей любовницей.

— Тогда, может быть, чтобы арестовать меня?

— Нет.

— Что ж, прости за неведение, но тогда зачем ты проделал столь долгий путь, если не ради наказания или использования своего привилегированного положения? Зачем ты приехал сюда?

По крайней мере страх у нее прошел. Она преодолела его и теперь шла напролом, стремясь получить удовлетворение. Хотя втайне ждала, что он упадет на колени и будет просить прощения.

Она не станет унижаться. Поэтому она заставила себя спокойно подождать его ответа, уверенная, что как только он объяснит причину, она может сказать ему все, что считает нужным. Но она чем-то озадачила его. Он только молча вздыхал и качал головой, и маленькая морщинка пролегла между его бровей.

Эмма потеряла терпение.

— Ты выслеживал меня, как охотник выслеживает зверя. Я имею право знать — зачем? Чего ты хочешь от меня?

Его руки раскрылись, словно он хотел показать ей, что безоружен.

— Я... не знаю.

— Давай, Харт, говори... Ты утверждаешь, что несколько недель искал меня. Не лги. Что...

— Дьявольщина, я не знаю! Я думал взять реванш, заставить тебя заплатить за твою ложь. Я почти ненавидел тебя. Но я обещал, что не причиню тебе вреда. Может, и странно, но это была легкая клятва. — Его голос стал хриплым, но теплым, что сразу отозвалось в ее сердце, но она боролась с этим ощущением.

— Именно твое появление здесь обижает меня. — Ее слова были слишком близки к правде, поэтому Эмма поморщилась, желая скрыть свои чувства. — Твоя карета остановилась около моего дома, герцогский герб сверкает на солнце. Мои соседи решат, что я продажная женщина.

С суровым видом он приподнял бровь.

— Да. Что может иметь молодая скромная женщина с холостым лордом? Как может вдова торговца быть знакома с герцогом?

Он знал все, выложил всю ее ложь. Рот Эммы пересох. Он мучил ее, как кот мучает мышку, играя с ней.

— Чего ты хочешь?

— Эмма. Я... — Слова прервались вздохом, и он посмотрел на стул перед собой. Когда он опустил на него, Эмма поняла, насколько он взволнован. Никогда в своей жизни он не

позволял себе сесть раньше леди. Это не была игра. Он поднял на нее глаза, не понимая, что они выдают его с головой.

— Я поверил в твою ложь в Лондоне, — прошептал он.

— Да.

— И я вел себя с тобой как с вдовой.

— Да.

— Я делал вещи, которые мне не следовало делать. Говорил такое, что...

Какие странные эти мужчины! И это расстраивает его больше всего? Если бы какой-то другой мужчина лишил ее невинности, то Харт чувствовал бы к ней обычное вожделение. Но то, что это сделал он сам, превратило ее в нечто иное, в нечто более ценное, чем та женщина, какой она была на самом деле.

— Прекрати винить себя, Харт. Что было, то было. Да, я была девушкой, но далеко не наивной...

— Ты могла не знать...

— Конечно, я знала. — Она старалась показать презрение в своем взгляде, но пока шли секунды, это становилось все труднее. Его глаза были обычно непроницаемы. Но сейчас она видела в них все: беспокойство и боль, понимание и растущую тревогу. И заботу, с какой он хотел поговорить с ней и успокоить ее.

Эмма отошла на шаг.

— В доме твоего отца...

— Не надо.

Он замолчал, но его глаза продолжали говорить. Рассказывать ей те вещи, которые она хотела бы забыть.

Прежде он желал ее тело, но сейчас она была другая. Сейчас она не была похожа на остальных его женщин, она была чистая, и ранимая, и слабая. Маленькая девочка, гуляющая по темным коридорам, где на каждом шагу ее подстерегали монстры.

В его глазах было все, о чем она мечтала, будучи девочкой, все, в чем ей было отказано в последующие годы. Эмма росла, но так никто и не появился, чтобы спасти ее. Она должна была спасти себя сама и никогда не забудет этого.

— Эмма...

— Я была девственна, Харт, но в душе я была не невинна, поэтому не смотри на меня так. Если это все, ради чего ты приехал, то с этим покончено. Я прощаю тебя. Ты можешь уехать.

— Едва ли я приехал только из-за этого, и я не вправе принять твое прощение, поэтому...

— Зачем ты приехал? Зачем? Просто скажи мне. Скажи, что должен сказать, чтобы мы оба...

Его мягкий голос прервал ее:

— Мне нужно знать.

Она замерла, описав рукой драматический круг в воздухе.

— Что знать?

— Я должен знать, почему ты сделала это. Почему приехала в Лондон и притворялась вдовой Денмор? Зачем изображала из себя роковую женщину? Зачем... зачем пришла в мой дом в ту ночь? И почему сбежала?

Его глаза не позволяли ей уйти от ответа. Они умоляли о сочувствии. Она могла дать

ответ на первый вопрос, но не на другие.

— Мне нужны были деньги. Для этого я приехала в Лондон, Харт. Больше ничего. Я получила слишком маленькое наследство от дяди, и мне нужно было больше. Игра казалась лучшим способом заработать деньги.

— Лучшим способом? Стать мошенницей? Лгать и обманывать? Рисковать?

— Ты хочешь сказать, что я по натуре куртизанка?

— Если бы это было только мое мнение! Ты была благородной женщиной, попавшей в стесненные обстоятельства. И Осборны приняли тебя. Если бы ты только намекнула, попросила помощи, они были бы счастливы стать твоими благодетелями и приютить тебя.

— О, какая прекрасная идея в устах богатого мужчины. Жить как приживалка. Просить милостыню. Да, они любили меня и относились ко мне как к своей. И что дальше? Ждать, пока они найдут подходящего джентльмена, который бы женился на мне? И хороша я буду, отказав ему?

Он покачал головой.

— Но тысячи благородных леди пребывают в сходных обстоятельствах, и никто из них не пускается в подобные аферы, чтобы заработать на жизнь.

— Да. Я единственная, кто применил свое искусство для достижения цели. И могу этим гордиться.

— И это была твоя цель? — Он обвел жестом ее дом. — Это? Этот жалкий домик? Эта скромная жизнь?

— Да, это. Это то, чего я хотела. Покоя.

— Я не понимаю. Ты трудишься недели, собираешь по крохам сотни фунтов, сколачиваешь маленькое состояние... — Он окинул комнату последним, грустным взглядом. Он не заметил орехового буфета, который она высмотрела в городе и купила. Не увидел прекрасных гобеленов, которые она повесила на стены, чтобы украсить комнату в зеленые и синие тона. Цвета океана. Это было ничто для него. По сравнению с его собственной роскошью.

— Да, Харт, — прошептала она. — Да, это то, ради чего я работала. Поэтому пожалуйста, прости меня за мои скромные потребности. Не ходи в магистрат и не маячь перед моими соседями. Оставь меня в покое. Просто оставь меня. Обещаю, что никогда не вернусь в Лондон.

Он встал. Она подумала, что он хочет уйти, и внезапно ощутила боль сожаления. Но он остановился у окна, вглядываясь в синеву моря.

— Ты любишь океан.

Она смотрела в его спину.

— И ты счастлива здесь? — Его плечи были настолько широки, что заслоняли свет. Он повернулся к ней: — Эмма? Ты счастлива?

Ее легкие были такими слабыми. Слова — тихий лепет.

— Да.

— А я теперь несчастлив. Ты должна знать, что я чувствую. Ты устроила скандал, и я оказался в центре его. Герцог Сомерхарт в положении идиота.

— Прости, мне очень жаль. — Эмма прокашлялась и собрала всю свою отвагу. — Извини, Харт. Я не хотела этого. Я никогда не хотела быть причиной твоих неприятностей.

— Я ненавижу тебя. Презирал. Я готов был бросить тебя в Ньюгейт.

— Прости.

Его сильные плечи поднялись.

— Мне казалось, что все прошло. Может быть, потому что я не в городе. Но... я переживал не из-за того, что попал в идиотское положение. Я беспокоился за тебя, Эмма. И должен был убедиться, что тебе ничто и никто не угрожает.

Эмма отрицательно покачала головой. Но Харт предупредил ее ответ:

— Я несу ответственность за тебя. Между нами есть чувство. И есть только один путь, чтобы уладить скандал и обеспечить твоё будущее.

— Нет.

— Выходи за меня. — Казалось, он сам растерялся от этих слов. Почти как и Эмма.

— Нет.

— Конечно, мы ещё поговорим об этом и придем к какому-то решению. Нам хорошо друг с другом.

— Но это неправда. — Она не верила, что это была правда. Она хотела, чтобы все это было ложью. Его предложение, его логика. И больше всего искренность в его глазах.

Сердце Эммы возвращалось к жизни, стараясь освободиться от каменного панциря, в который она заковала его. Оно хотело биться сильнее в надежде или в отчаянии, наполниться чувствами и впечатлениями.

Но Эмма сдерживала его. Она хотела, чтобы Харт ушел, прежде чем ее сердце разорвется на тысячу кусочков.

— Нет, — снова сказала она.

— Я понимаю, что это внезапно.

— Да, это неожиданно, но не в этом дело.

— Эмма!

— Я не страдаю. Мне ничего не нужно, Харт. Веришь ты или нет, но это та жизнь, к которой я стремилась, спокойная и уравновешенная. Мне неинтересна бессердечная светская толпа. Я не вернусь в Лондон, особенно после того, что случилось, надеясь, что когда-то они смилостивятся и примут меня. Я не хочу холодного, пустого замка и тяжелых платьев. И конечно, не хочу выходить за тебя замуж.

— Я обидел тебя. Прости меня. Но что бы ты ни говорила о Лондоне и светском обществе, я надеюсь, ты обдумаешь мое предложение. Поэтому я уверен, что это возможно... Эмма. Я думаю, что могу полюбить тебя.

— Глупости, — отрезала она, изумленная тем, что ей удалось произнести это. Его слова все еще раздавались в ее ушах. Она слышала, как они слетели с его уст, но сейчас казалось, что они снова звучат, она ощущала их реальность.

Ее лицо дрогнуло и онемело. Затем шея и грудь. Затем все ее тело стало безжизненным и мертвым.

— Глупости, — снова прошептала она.

Харт бросился к ней, и она не могла удержать его. Ее тело стало слабым и беспомощным.

Он зажал ее лицо в своих горячих ладонях. Длинные пальцы перебирали волосы.

— Я мог бы полюбить тебя, Эмма. Я мог бы. Если бы мы поженились. Нет, это не был бы союз ради наследников и прочих вещей. Это было бы совсем другое: мы бы спорили, смеялись и любили друг друга. Ты бы сводила меня с ума, а я раздражал бы тебя... В нас столько чувства. Мы бы шокировали общество и наслаждались каждой минутой...

Пока он говорил, его губы почти касались ее рта, дыхание смешивалось с ее дыханием.

— Эмма... — И прикоснулся к ее губам легким поцелуем, чуть дотронувшись до ее рта языком.

Ее сердце стучало. Каменный панцирь треснул. Боль вошла глубоко в душу. Отклонившись назад, Эмма оттолкнула его.

— Прекрати, прекрати...

Эти дьявольски красивые глаза смотрели на нее, горя вожделением, мягким и горячим грехом. Эмма хотела, чтобы эта нежность ушла, прежде чем она не захватит ее в плен целиком и полностью.

— Это смешно, — сказала она. — Ты говоришь о моем детстве как о чем-то ужасном, а сам хочешь вернуть меня назад в этот круг ада. Я знаю, кто ты, чего ты хочешь. Ты такой же, как мой отец.

— Нет! Я никогда не был таким.

— Ты думаешь, я соглашусь выйти за такого человека, как ты? Сколько пройдет времени, пока ты снова не начнешь охотиться за другой женщиной, или двумя, или тремя?

Мягкость ушла, но злости не было.

— Я не...

— Не отрицай. Ты повеса и распутник. И большой любитель женщин. И только не говори мне, что я буду твоей последней.

— Я не отрицаю, что имел любовниц, но я никогда не хотел жениться. Никогда даже не был помолвлен. Я знаю, что собой представлял твой отец, но я уверяю тебя...

— Ты знаешь, какой был мой отец, потому что вы были хорошо знакомы. — Она видела, что голубой лед снова сформировался в его глазах, видела, как он выпрямился, преисполненный достоинства. Эмма коснулась запретной темы. — Ты такой же, как он, Харт. Ты удивляешься, откуда я знаю это? Потому, что ты продемонстрировал мне это в своей спальне. Ты шептал мне это в своей постели.

Теперь его глаза отливали голубым металлическим блеском. И тот мужчина, который только что говорил о своей любви, исчез.

Эмма улыбнулась.

— И если недостаточно этих доводов, позволь объяснить проще. Я никогда не смогу полюбить тебя. Мое детство было совсем не похоже на детство обычных детей. В нем было столько хищных мужчин, разгуливающих по коридорам в поисках любого приключения, которое они только могли найти. Ты знаешь, что это такое? Лежать в своей постели в темноте ночи и слышать, что монстр поворачивает ручку твоей двери? И молиться, чтобы она не открылась? И тогда... — Она вздохнула. — И тогда я просыпалась, а эти вечеринки не кончались до рассвета. Поэтому иногда я шпионила, это казалось лучше, чем лежать в постели и думать... Но не следовало, потому что те вечеринки, те разговоры, те мужчины разрушили мое психическое равновесие, и ты был одним из них, Харт.

Ужас и негодование отпечатались на его лице.

— Я никогда не был среди этих мужчин.

— Не у моей двери, возможно, но я помню тебя достаточно ясно. В доме моего отца. В темном коридоре. Я видела тебя там. Видела. Поэтому, Харт, все очень просто. Мы никогда не сможем пожениться, потому что такой тип мужчины отвратителен мне.

Даже сквозь его броню она видела, что его лицо покраснело от боли и шока. Затем это прошло, и он снова отгородился от всего мира. Он ушел, исчез, не сделав ни шага.

— А сейчас, пожалуйста, уходи, — выдавила она. — И если я не безразлична тебе,

никогда больше не приходи сюда.

Он встал. Не дыша. Секунды тянулись как годы, пока наконец он не наклонил голову.

— Если ты так хочешь...

Он сделал несколько шагов и вышел. Из ее жизни. Вместе со своим невероятным, смехотворным предложением. Ушел навсегда.

Эмма подождала, пока не послышался звук отъезжающей кареты. И тогда она открыла дверь и медленно пошла по тропинке к утесу. Скалы обступили ее. Гравий шуршал под ногами, но Эмма упрямо шла вперед.

Она не остановилась в конце тропы, а вошла прямо в воду. Начинаясь прилив. Вода холодила ноги, но она зашла по колено, и волна, набежав, окатила ее до талии.

Так много опасностей окружало ее. И так долго. Она превозмогала беды. Когда стала любовницей Харта, рисковала многим. Но никогда не верила, что кто-то может полюбить ее. И что она может полюбить в ответ.

Да. Они могли бы любить друг друга. И тогда это было бы еще большим предательством, чем все остальное. Такой мужчина, как Харт, красивый и сексуальный и всегда берущий то, что хочет... Это был бы худший вариант мужа. Он был из тех мужчин, каких она всегда боялась.

Она опустила на колени и ждала, пока море остудит ее горячее сердце и унесет греховные мысли.

День окрасился багровым закатом, когда Эмма покинула берег и пошла назад к дому. Увы, на этот раз море не дало ей покоя. И Эмма сомневалась, обретет ли она его когда-нибудь снова.

— Эмили!

Эмма поморщилась и отмахнулась, но шепот раздался снова. И опять это имя, которое она так ненавидела. Не желая просыпаться и снова смотреть в лицо страхам и сожалениям, она перевернулась на живот и, уткнувшись лицом в подушку, зажала уши руками. И сон будто принял ее в свои объятия.

— Эмили! — послышалось опять, и кто-то прикоснулся к ее щеке. Эмма открыла глаза. Харт здесь. Харт.

Она ахнула и отвернулась, отстраняясь от него, но голос раздался снова.

— Пожар, Эмили, но ты не бойся. — И чья-то рука, невидимая в темноте, потянулась к ней. — Я пришел, чтобы спасти тебя.

Сон. Конечно, это сон. После гибели дяди ей столько раз снился пожар. Дым внезапно стал гуще, и она закашлялась. Она хотела снова уснуть.

— Давай, Эмили. Мы должны идти. Я отвезу тебя домой.

Ее глаза слезились из-за густого дыма. И наверное, ее уши творили с ней шутки. Она уже слышала это раньше. Мэтью твердил эти слова после смерти дяди.

— Пойдем, я отвезу тебя домой.

— Это сон, — вздохнула она.

— Нет. Тебе плохо от дыма.

Да, ей плохо. Не в состоянии думать, Эмма просто пошла на голос, прямо к фигуре, к руке, которая сейчас касалась ее. Пальцы сомкнулись на ее запястье. Она открыла глаза.

— Нет! — закричала она, увидев перед собой лицо Мэтью. — Где Харт?

— Это я, Мэтью. — Его пальцы сжались сильнее и тащили ее из спальни в раскаленный

воздух. — Я пришел, чтобы спасти тебя.

— Нет, нет, нет. — Она боролась, задыхаясь в дыму. — Это сон. Нет никакого пожара. Пусти меня. Где Харт? Пусть он придет... — Но он тащил ее в коридор, прямо туда, где плясало оранжевое пламя.

— Мэтью! — закричала она. — Остановись! — Но они уже были в холле и жар обжигал ее кожу.

Когда он подтащил ее к задней двери, Эмма больше не сопротивлялась. Она могла видеть проем впереди, дверь, которая спасет ее от этого ада. И Бесс...

— О нет! Бесс! Проснись. Пожалуйста, проснись. Пожар! Мэтью, ты должен найти Бесс.

— Я пришел за тобой, Эмили. Надо спешить. Нужно уйти отсюда. Это не твой дом, он не нужен тебе.

Холодный, живительный воздух окутал их. Эмма глубоко вздохнула и поняла, что они спасены, но...

— Бесс! Я должна вернуться за ней...

— Нет. — Он тащил ее вперед, где в ночной темноте стояла лошадь. Эмма сопротивлялась и кричала. Лошадь тоже заржала, подняв голову. Эмма бросила взгляд через плечо и увидела, что пламя осветило весь двор. И там, открыв дверь своей комнаты, выползла во двор Бесс.

Эмма заплакала от облегчения, и каждое всхлипывание наполняло ее легкие холодным воздухом. И тупость от сна и дыма понемногу прошла.

— Ты, — простонала она, — ты сделал это! — Что-то ужалило ее руку. Она увидела грубую веревку, которая завязалась узлом. — Ты сделал это!

— Садись на лошадь.

— Нет, ты сумасшедший. Ты поджег мой дом.

— Это не твой дом. Твой дом там, где я.

— Ты... О, Мэтью. Ты поджег и дом моего дяди. Да? Ты убил его!

— Нет, — пробормотал он. — Нет. Нет.

— Ты убил его.

— Это был несчастный случай. Если бы ты тогда доверилась мне. Если бы согласилась выйти за меня... мне не нужно было бы ничего предпринимать, чтобы привести тебя в мой дом. Я думал, если его не будет, мы будем жить в доме моего отца. Вот в чем причина. Это ты во всем виновата. Все твоя вина.

— О Боже. Мой дядя.

— Садись на лошадь, Эмили.

— Нет. — Пощечина прервала ее протест. Щека залилась краской, и тогда он ударил ее снова. Когда она попыталась отвернуться, его кулак пришелся в скулу, и она упала.

Она могла лишь закрыть руками, чтобы защитить себя, когда удары посыпались снова и снова. Кровь стекала с разбитой губы, и она погрузилась в серый, безмолвный туман.

Мир пошатнулся и поплыл, и она чувствовала, что ее тело уносит куда-то... и нет никаких сил, чтобы остановить это.

Карета тряслась и подпрыгивала на плохой дороге, Харт морщился при каждом толчке, отзывавшемся болью в измученном теле. Шум волн должен был действовать умиротворяюще, но он стиснул зубы, ненавидя этот звук. Он слышал этот шум всю ночь, ворочаясь и силясь заснуть в неудобной чужой постели. И подозревал, что воспоминание об этом будет преследовать его всю оставшуюся жизнь.

Оставить гордость и увидеть Эмму еще раз...

Солнечные блики переливались и отражались в воде, смеясь над его бесплодными усилиями.

Она сказала ему, что он отвратителен ей, и просила никогда не возвращаться. Но разве его сердце может примириться с этим? «Ну, нет, старина, попробуй-ка еще раз». И вот он снова по той же самой дороге направляется к ее дому.

Он объяснился с ней и уехал. Униженный и оскорбленный. Кляня ее за бессердечность. Жестокая ведьма, она целила прямо в его сердце, и ее стрела с легкостью нашла мишень. За исключением...

За исключением того, что ее атака не имела смысла. После того как он успокоился, утолив боль половиной бутылки виски, его сознание прояснилось и помогло ему увидеть происшедшее с другой стороны. Эмма Дженсен лгала.

Она сказала, что не хочет иметь с ним ничего общего. Утверждала, что он отвратителен ей. Но могло ли это быть правдой? Каждое движение, которое она совершала в Лондоне, каждое сказанное ею слово, каждое заключенное пари помогали ей двигаться к цели. Она рассчитала все, кроме того времени, что провела с Хартом, это время только мешало выполнению ее плана. И та ночь в его доме — она могла разрушить его окончательно. Если бы он понял правду в ту ночь, ее ложь рухнула бы как карточный домик.

Да, она пришла к нему. Пришла по собственному желанию. И без всякого расчета.

Разве она сделала бы такое, если бы он был противен ей?

Она лгала. Лгунья. Законченная лгунья. Женщина, которая лгала в том, что касалось ее собственной жизни, ее прошлого, ее чувств, ее мыслей. Но это не имело значения для Харта, потому что он, идиот, доверял ей. Он понимал ее. Потому что сам лгал всему миру, лгал самому себе. Он знал, что значит охранять себя от мира, спрятать себя даже от тех людей, которых любишь.

А ей надо было защищать не только свое сердце, но и свое тело, когда ее собственный отец обманул ее ожидания. Единственный человек, который обязан был защищать ее, не делал этого. И Харт мог понять, что в этом случае ложь была не худшим союзником.

Итак, она лгала. Это было бы нетрудно заметить, если бы он сохранял самообладание. Эмма внезапно сбежала, боясь, что их отношения могут помешать ей. Она разбила бы его сердце прежде, чем позволила ему разбить свое. Вот чем он рисковал — своим сердцем. Своей гордостью и своей душой.

Если он не пойдет на риск, она никогда не поверит ему. И мысль вернуться в Лондон без нее...

Харт покачал головой. Он не мог вынести этого. Возвратиться назад в то место, где он держал все свои желания под запретом, где никто не произносит ни одного искреннего слова? Где все склоняли головы, когда он приближался, и злословили, когда он уходил?

Мысль об этом каленым железом жгла его грудь. Он хотел Эмму и всего того, что было с ней связано. Все, что он хотел сделать, — заставить ее поверить ему. Может быть, ему следовало арендовать дом в Скарборо?

От этих мыслей его настроение улучшилось, и он даже начал улыбаться, когда карета вдруг резко вздрогнула и затормозила.

— О черт, — выругался кучер. — Ничего. Ничего...

Карета покатила медленнее.

— Извините, ваша светлость. Лошади немножко упрямятся. Там впереди что-то горит, много дыма...

Запах горелого дерева давно проник внутрь кареты, но Харт не замечал его, пока кучер не объяснил. Странно, что тут может гореть? Кругом не было видно леса.

Но какое-то нехорошее предчувствие шевельнулось в груди, когда кучер сказал более резко:

— Ваша светлость!

Открыв ногой дверь, Харт встал на ступеньку кареты. Они преодолели небольшой подъем, и дорога, спускавшаяся вниз, была видна как на ладони. И на всем ее протяжении клубы дыма вились как серые облака. Морской бриз разносил их кругом, посылая отдельные завитки в сторону от моря. Небольшая группа людей толпилась вокруг какого-то строения, разрушенного пожаром. Пламя все еще лизало обгорелое дерево, но то, что осталось, не могло удовлетворить аппетит огня. Маленький сарай был помилован, но кусты поблизости обгорели.

Когда его взгляд остановился на соседнем садике, Харт вздрогнул от ужаса. Он узнал это место.

— Нет!

Он снова оглянулся кругом: двор, дальше окружавшие его луга, низкая каменная стена позади участка, тропа, которая вела через высокую траву к утесу.

Да, это то место, где стоял дом Эммы.

Кучер оглянулся, и Харт встретил его скорбный взгляд. Он хотел закричать, чтобы тот ехал быстрее, но лошади не слушались, и дорога проходила всего в нескольких шагах от опасного склона.

Харт не выдержал, спрыгнул на землю и побежал к ее дому. Трое мужчин стояли на коленях и что-то рассматривали... Харт подбежал к ним.

— Эмма! — Он видел руку, расprostертую на земле, видел онемевшие пальцы. — О, слава Богу! — крикнул Харт и упал на колени. Мужчины расступились, и Харт посмотрел на лицо, черное от сажи. Нет. Это была не она.

— Это Бесс, — сказал он. — Бесс Смайт. А где Эмма? Где леди из этого дома?

Он беспокойно оглядывался кругом, напрягая глаза, надеясь, что они найдут ее. Когда он вновь посмотрел на мужчин, они опустили головы, затем один за другим направились к тому месту, где был дом, а теперь лежали обгоревшие развалины.

— Здесь ее нет. — Его голос звучал уверенно и спокойно. — Вы должны посмотреть во дворе.

— Мы все обыскали. Мы нашли миссис Смайт у задней двери. Но миссис Керн... другие комнаты были далеко от выхода. Вы ее знали, сэр?

Харт не ответил. Вместо этого он взял руку Бесс и нащупал пульс.

— Ей нужен доктор. У вас есть...

— Мы уже послали за доктором Джерси.

— Ларк! — закричал Харт, поднявшись на ноги. Кучер рванулся к нему. — Мы должны обыскать каждый дюйм до обрыва и назад. Леди... миссис Керн должна быть где-то здесь.

Кучер приступил к делу. Они искали тщательно. Просмотрели каждый дюйм травы, обыскали каждую расщелину, каждый куст. Одна мысль сверлила его мозг — он должен найти ее, ни о чем другом он не мог думать. И не заметил, как вновь оказался в шаге от сгоревшего дома. Ветер усилился, обдавая лицо Харта жаром, застилая дымом глаза, но слезы быстро промыли их.

Дом превратился в груды черного обугленного дерева, покрытого серым пеплом. И Эмма была там. Ее прекрасное тело осталось там среди этого кошмара.

— Миссис Смайт перенесли в вашу карету. Как вы просили, ваша светлость.

Менторский тон доктора раздражал Харта. Почему этот человек жив и говорит, а Эмма мертва?

— Я больше ничем не могу помочь этой женщине, и я уверен, что она очнется. Я могу уйти, сэр? У меня есть другие пациенты. Одна женщина вот-вот родит...

— Идите.

Время шло. Солнце клонилось все ниже. И почему-то... именно в тот момент, когда Харт смотрел на временную могилу Эммы, он вспомнил. Вспомнил без всякой связи — это застряло в его мозгу — насмешливые слова Эммы.

«Я видела тебя там».

И это тоже была правда. Она видела его. Он мог представить ее сейчас. Маленькая девочка, немножко младше, чем его сестра. Она в испуге смотрела на него, украдкой прячась в темноте в том месте, где ей не следовало находиться. Глаза были широко открыты от страха, две косички лежали на спине.

О Господи, он все вспомнил сейчас. «Кто-то приходил в мою комнату», — шептала она, словно делилась секретом с другом. И Харт, юный и высокомерный и дьявольски уверенный в себе, что он сделал, чтобы помочь ей? Он сказал ее отцу несколько осторожных слов, предупреждая о неприятных последствиях, если девочке причинят вред, и тогда...

И затем он уехал. И... забыл про нее.

Искры поднимались в воздух и плясали высоко в дыму, извиваясь в медленном танце, прежде чем подняться высоко в небо и исчезнуть там навсегда.

«Я видела тебя там».

Она видела его. Наблюдала за ним своими детскими глазами. Это была правда. И может быть, остальные ее слова тоже были правдой? Может быть, в конце концов она невзлюбила его, испытывая отвращение ко всему тому, что было связано с ним?

Но он мог изменить ее мнение. Со временем он мог бы доказать ей...

Уверенный, что она потеряна навсегда, Харт опустился на колени. Тонкая ткань его брюк намочила от влажной травы. Черная сырая земля теперь сокровит ее от него навеки.

Она была такая сильная. Боролась с ним, боролась с собой. Она прокладывала себе путь через мир с безрассудной отвагой, презирая предрассудки светской морали, и она растопила холодное сердце герцога.

Теперь она ушла, а вместе с ней и возможная радость. А он остался с этим живым, бьющимся, чувствующим сердцем, но кому это теперь нужно?

Еще одна вспышка пламени вырвалась из груды обгорелого дерева и медленно плясала, поднимаясь все выше золотым снопом искр. Харт наблюдал этот полет, совершенный и

свободный, и мир сомкнулся вокруг него. От густого дыма сдавило грудь.

Он попытался глубоко вздохнуть и не мог. Попытался снова, но воздух не поддавался, застревая в горле, пока он не запрокинул голову. Его горло открылось, и он больше не сдерживал слез.

Он не умел плакать, всегда боролся с этим проявлением слабости. Поэтому он стоял на коленях, тяжело дыша, смотрел на дымное небо и ждал, когда иссякнут слезы.

— Ваша светлость?

Он уронил голову.

— Ваша светлость. Женщина, миссис Смайт, очнулась.

Бесс. Конечно, ей нужна забота и внимание. Харт поднялся с колен, радуясь, что кучер не стал помогать ему.

Он услышал ее кашель, когда пересекал двор.

— Вы дали ей воды?

— Да, сэр.

Понимая, что нужно сделать, Харт остановился и посмотрел на то место, где был дом Эммы. Он оглядел его, стараясь запечатлеть эту картину в памяти, прежде чем снова двинуться к карете.

— Тогда мы можем ехать. Ей нужна забота и хорошая комната.

— Я присмотрю комнату, ваша светлость.

Харт сел в карету и занял место напротив сиденья, где устроили постель для Бесс.

— Бесс, вы слышите меня?

Он взял ее руки в свои и почувствовал легкое ответное пожатие.

— Бесс, вы знаете, что случилось?

— Пожар, — прохрипела она, и это слово вызвало новый приступ кашля. Слезы стекали из уголков ее закрытых глаз.

— Да, пожар. Вы не пострадали, просто потеряли сознание от дыма. Мы перевезем вас в гостиницу, где вы отдохнете.

Ее рука еще крепче сжала его пальцы. Она старалась прочистить горло, но снова закашлялась.

— Мне очень жаль. Очень жаль, Бесс. Ваша госпожа...

Ее глаза открылись, яркие от страха.

— ...она погибла в огне.

«Нет», — шевельнулись ее губы, хотя она не произнесла ни звука.

Харт был потрясен и жаждал согласиться, присоединить к ее неверию свое собственное. Но он должен был сказать ей правду, а не вселять глупую надежду.

— Мы все обыскали, Бесс. Ее больше нет.

Ее ногти впились в его кожу, а в глазах появилась паника. Она покачала головой, стараясь подняться.

— Успокойтесь. Не волнуйтесь так. — Наклонившись вперед, он прижал ее плечи к сиденью. Но она схватила его за запястье, не желая отпускать.

— Послушайте, — прохрипела она, — пожалуйста, послушайте.

— Да, конечно. — Карета дернулась, когда выехала с мягкой земли на дорогу.

— Она не... — Колеса заглушили ее слова, заставляя Харта склониться ниже. — Ее нет там. Мужчина...

— Что?

Она снова закашлялась, и странное, резкое напряжение стусилось в груди Харта. Он заставил себя не торопить ее.

— Что вы сказали?

— Нет там... — проговорила Бесс. Она отпустила его запястье и прижала руку к горлу, словно это помогло ей выговорить слова: — Мужчина увез ее. Кто-то увез ее.

Его сердце замерло. Он молчал, не смея поверить.

— Вы это видели? — наконец проговорил он.

— Да. Я видела... он тащил ее.

— Кто?

— Не знаю. Но она... Она сказала: «Мэтью».

Его сердце вновь ожило, когда он поднял кулак к крыше. Он хотел повернуть назад к дому Эммы, но он не сможет догнать ее в карете. Он и так потерял целый день. Они, должно быть, проделали уже несколько миль.

— Стоп! — Харт открыл дверцу и высунулся. — Ларк! Мы должны вернуться в Уитби как можно скорее. Она не погибла. Ее увез с собой мужчина по имени Мэтью Бромли. Мы должны быть в Уитби до захода солнца и выяснить, видели ли их там.

— Слушаюсь, ваша светлость.

— Мне нужно, чтобы ты дал мне самую быструю из твоих лошадей. Я должен догнать ее.

— Конечно, сэр. Эй! — Он бросился к лошадям.

Харт чувствовал, как желание действовать пробудило в нем холодную ярость.

Она жива. Жива. И он найдет ее, и этот подонок пожалеет, что когда-то посмел произносить ее имя.

— Помогите ей, — прошептала Бесс, и Харт вздрогнул. Господи, он совсем забыл, что она здесь.

— Обязательно.

Женщину душили рыдания.

— Она обидела вас, я знаю. Но она хорошая. Вы должны помочь ей.

Харт потянулся и снова взял ее руку.

— Я обещаю, что найду ее. Обещаю, что сделаю все, чтобы она была в безопасности.

— Благослови вас Господь.

Улыбка Харта получилась фальшивой. Благословить его! Или послать к дьяволу.

— Я зачоченею здесь, — огрызнулась Эмма и, свернувшись клубочком, старалась укрыться от влаги, которая, казалось, просачивалась сквозь ее кожу. Не получалось. Она вся была влажная, холодная и злая. Веревки впивались в ее запястья и лодыжки, ссадины горели.

Мэтью выглядел немногим лучше. Его нос посинел от холода, глаза покраснели.

— Ты сама виновата. Поэтому придержи язык.

— Негодяй! — Удар, который обрушился на ее щеку, был почти облегчением. Она отупела от холода, и ей необходимо было напомнить о ее ненависти, прежде чем она утечет во влажную землю.

— Скромная женщина держит язык за зубами, — сказал Мэтью.

— Даже перед лицом дьявола?

— Не тебе судить меня. У меня есть высший судья...

— И как ты объяснишь твоему Богу смерть моего дяди?

Гнев прошел, оставив на его лице сожаление.

— Это был несчастный случай, я уже говорил тебе. Я никогда не желал ему смерти.

— Причина его смерти — твой эгоизм.

— Прости меня за это, Эмили...

— Не называй меня так. Мое имя Эмма. И я хочу домой.

— Мой дом — твой дом.

— Ты убил моего единственного родственника! И может быть, убил Бесс. И ты думаешь, я соглашусь быть твоей женой? Господи, да ты безумнее, чем я думала.

— Со временем согласишься.

— Со временем я убью тебя. — Она пнула его связанными ногами в бок. — Развяжи меня!

Он наклонился к ней, схватил ее за плечи и, прижав к земле, навалился на нее.

— Хочешь, чтобы я развязал тебя? — пыхтел он. — Если я развяжу твои ноги, то окажусь между ними, ты поняла? Еще один грех на мою голову.

— Мэтью, — зарыдала она в первый раз после того, как он вытащил ее из дома. Он давил на нее всей тяжестью своего тела. Камень впился в спину. — Ты делаешь мне больно.

— Ты делаешь мне больно уже несколько лет. Я люблю тебя, Эмили. Несмотря на все то что ты натворила, несмотря на все твои грехи. И я все еще хочу оказать тебе честь и жениться на тебе. — Его глаза прикрылись — он испытывал удовольствие от ее близости. — Это... это единственный путь, каким я могу искупить свои грехи. Спасая тебя. — Его рука крепче сжала ее плечо.

— Пожалуйста, Мэтью. — Она продолжала рыдать.

— Если я развяжу тебя, я захочу стереть следы веревок с твоих ног. И тогда я... я знаю, ты грешная. Мужчины прикасались к тебе. Ах... Господи, я не могу позволить ей грешить снова. Мы должны пожениться... О Эмили!

Он зарыдал, и она поклялась больше не напоминать о веревках. Она уже стерла пальцы, стараясь высвободить руки. Ей не стоит рисковать, когда он рядом.

— Эмили! — Слезы душили его, когда он раскачивался, стоя на коленях. Он потряс ее за плечи, потом снова прижал к земле. — Почему ты такая плохая? Ты еще большая искушительница, чем Ева. Но я спасу тебя. Когда мы поженимся, моя душа очистится и я поведу тебя к Богу. Мужчина пастух в его стаде.

Повернув голову, Эмма смотрела на траву в нескольких дюймах от своего лица. Как долго он сможет удерживать ее? Пройдет несколько дней, прежде чем они доберутся до Шотландии, больше недели, если она сможет замедлить их продвижение. Сколько времени еще пройдет, прежде чем он набросится на нее? А потом избьет до полусмерти за то, что она искусила его вступить с ней во внебрачную связь?

Бесс жива, но что она может сделать? Не было никого, кого бы она могла послать ей на помощь, никого, к кому бы она могла обратиться. Эмма сбежала от всех, от всех, кого знала, и от Харта... тоже. И Харт тоже покинул ее.

Если бы только она позволила ему остаться, как хотела. Если бы позволила соблазнить себя, поверив обещанию в его глазах. Но она больше не может любить. Она больше не в силах вынести невероятную боль.

Так лучше. Это она в состоянии понять. Мэтью Бромли хотел ее, поэтому все время добивался. И хотя она боится и лицо саднит от горячей крови, по крайней мере она знает, что ее ждет. Некий сплав ненависти и вожделения, свидетельницей которых она была всю

жизнь. Напрасно она надеялась избавиться от этого.

Ненавидя своего мучителя, она прошептала куда-то в ночь:

— Я увижу, как ты будешь наказан.

Руки Мэтью мягко обняли ее. Он проверил, надежен ли узел на ее запястьях.

— Нет, ты будешь любить меня, Эмили. А теперь давай спать. — Он коснулся рукой ее ягодиц. Тяжелый вздох наполнил ночь, когда, проведя другой рукой по изгибу ее груди, он оставил ее там. — Я хочу согреть тебя.

Ее отчаяние мгновенно перешло в гнев. Она поняла в этот момент, что будет бороться с ним до последнего вздоха.

— Ты бы лучше не распускал руки. Каждое прикосновение вне супружеской постели грех и огорчает твоего Господа.

Он убрал руку, и Эмма повернулась на бок, отпихнув его от себя. Если она сегодня не может сбежать от него, то сбежит завтра или послезавтра. Если он посмеет привезти ее в город, она закатит сцену, подобную той, что устроила в деревне. Она все равно сбежит от него.

Мэтью пусть ищет успокоение для своей проклятой души. С нее же хватит собственных неприятностей.

Харт начал дрожать от холода час назад. Он подумал, что эта дрожь может даже взбодрить его. По крайней мере он не заснет. К полуночи густой туман окутал все вокруг, влажность висела в воздухе липкой пеленой, снижая видимость в темноте ночи. Его конь шел уверенно и быстро, но даже такой первоклассный мерин начал спотыкаться на едва видимой дороге. Она проходила в добрых десяти ярдах от обрывистого утеса, но время от времени звук волн становился таким громким, словно крутой склон начинался всего в двух шагах от копыт коня.

Туман обволакивал все, и поэтому звуки, доносившиеся до ушей Харта, казались странными и таинственными. Ему внезапно показалось, что он слышит женский плач, и тогда он свернул от моря в глубь полей, обследовал всю территорию, но не нашел ничего. Скорее всего это кричала чайка. Затем снова какой-то шум привлек его внимание, а за ним последовала вспышка слабого света. Откуда-то с востока, возможно, с проходившего корабля.

Итак, он временно прекратил поиски и просто ехал вперед, ожидая, когда взойдет солнце и рассеет туманную мглу.

Мэтью Бромли должен был увезти ее на север. Еще прошлой ночью, когда он выехал из Уитби, это казалось таким естественным. Между тем Харт и его кучер проделали большую работу, опросив маленький город. Им показали дешевую комнату, которую Мэтью снимал три дня назад, но с тех пор никто не видел его и ничего не слышал о нем. Поэтому Харт, взяв лошадь, направился назад прямо к дому Эммы и дальше дорогой выше, решив нагнать их там. Но сейчас... после холодных ночей в седле ему казалось, что поиски зашли в тупик. Они как сквозь землю провалились. Мэтью мог увезти ее на шлюпке. Или они могли свернуть от моря в глубь страны и ехать через поля. Но он видел Мэтью Бромли и не мог представить, что он может спать где-то еще, кроме постели. Он выглядел так, что порыв ветра мог подхватить и унести его.

Где-то впереди замычала корова, и ему показалось, что он слышит в ответ женский голос. Он распрянул затекшие плечи и, напрягая глаза, взгляделся в темноту. Небо светлело на горизонте. Восход, подумал Харт. И хорошая погода для поисков.

Залаяла собака. Мир возвращался к жизни, свет плыл над землей. Затем из тумана, словно привидение, вышла какая-то фигура.

— Мадам?

Старая женщина испуганно ахнула и отступила назад.

— Вы напугали меня до смерти!

— Извините. Скажите мне, далеко ли до Рамсуик-Бея?

— Почему же далеко, это он и есть! — Она оглянулась кругом, как и он. — Или рядом. Но здесь ничего нет. Постоялый двор на другой стороне селения, но, смотрите, будьте осторожней, не то вас там обчистят за милую душу.

— Благодарю. — Он уже начал разворачивать лошадь, прямо на звук воды, бьющейся о борт лодок, и слабый крик рыбака, но не успел отъехать, как потянул за поводья. — Не видели ли вы сегодня утром других путешественников?

— Нет, еще слишком рано.

— Ну разумеется.

— Но вчера вечером тут была одна пара.

Он резко развернул мерина.

— Кто?

— Мужчина и его жена, которую он разыскивал. Она сбежала и не хотела возвращаться назад.

— Молодая женщина? У нее темные волосы?

— Я не могла рассмотреть, она была в плаще, но мужчина молодой, и волосы у него светлые. И еще царапины на щеке, точно ее работа.

Харт едва сдерживал терпение.

— Когда это было?

— После обеда, в сумерки. Но еще не стемнело.

Харт прищорил коня и поехал к деревне. Туман клубился перед ним, но дорога была видна достаточно хорошо, что позволило ему не натолкнуться на пасущуюся корову.

Спустя несколько минут он будил сонного хозяина. От мужчины несло перегаром и потом, но он сразу оживился при виде золотых монет.

— Ну да, конечно, они были здесь. Он подъехал и барабанил в дверь, но быстренько развернулся, когда она начала кричать.

Кожа Харта покрылась мурашками.

— Кричать?

— Кричать что есть силы. Она кричала, что он похитил ее и хочет убить. Он не мог заставить ее замолчать и тогда просто погнал лошадь из города.

— А вы? Вы позволили ему уехать?

— Если муж должен приструнить свою жену, то это не мое дело.

— Но она взывала о помощи. Он действительно похитил ее и мог убить.

Мужчина озадаченно почесал в затылке.

— Если он убийца, то что прикажете делать? Рисковать своей жизнью?

— Да, — отрезал Харт. — Вы должны были рискнуть и помочь этой женщине. — Он оседлал лошадь.

Мужчина подбежал, рубашка хлопала на ветру.

— Вы обещали заплатить!

Харт еле сдержался, так ему хотелось плюнуть в лицо трусу. Но напомнил себе, что он герцог, и бросил монету в грязь.

— Бери свое золото. Но если с ней что-то случится, я вернусь и сверну тебе шею. Слышать крики о помощи и ничего не предпринять. Мерзавец!

Лошадь уже неслась по дороге, поднимая за собой клубы пыли. Хозяин постоянного двора кричал что-то в свою защиту.

Они где-то близко. Харт чувствовал это всем своим существом. Они уехали из деревни перед заходом солнца и должны были подыскать подходящее место для ночлега. Следующий городок был в нескольких милях отсюда. Скорее всего они остановились где-то здесь, а если и едут, то не могли уехать далеко.

Его натруженные мускулы болезненно ныли, не выдерживая многодневного напряжения. Он был совершенно разбит обрушившимся ужасом, блеснувшей надеждой, жестокостью и печалью.

Если бы он мог знать, что с ней не случилось ничего страшного! Нет, с ней должно быть все хорошо. Мэтью не стал бы похищать ее для того, чтобы убить.

Мысль о том, что она в нескольких шагах от смерти, не давала ему покоя, и, собрав волю в кулак, он заставил себя не думать об этом. С ней все хорошо, шептал он как заклинание. Она страдает, но она жива. Он старался задушить страх и обнаружил, что это не так-то просто. Страх не желал уходить, застрял глубоко в горле.

Он едва не наехал на них.

Не лагерь, а просто несколько одеял и едва тлеющий костер в нескольких шагах от крутого обрыва. Он не видел ее, не видел никого и, приподнявшись над седлом, вглядывался в горизонт до тех пор, пока его глаза не различили едва заметное движение.

Белые барашки на гребнях вздымающихся волн, черная предрассветная мгла, скалистая грань утеса. В этот момент его мозг фиксировал только формы и цвета, затем он увидел Эмму и Мэтью.

Они стояли на краю обрыва. Мэтью одной рукой обхватил Эмму за шею и поднял другую, предупреждая Харта, чтобы тот не приближался. Лицо Эммы было пугающе бледным, разве что синяки выделялись на левой щеке. Скула Мэтью была прижата к ее правому виску.

Харт достал пистолет и подумал, что шум в ушах — это шум моря.

— Что вы здесь делаете? — крикнул Мэтью, отводя Эмму на шаг назад. Взгляд Харта упал на ее ноги, босые и связанные веревкой. Затем он заметил ботинки ее мучителя. Они были в нескольких дюймах от обрыва. Скала, потревоженная его движением, задрожала, и камни с тихим шуршанием посыпались вниз.

Харт соскочил с седла и пошел прямо к ним.

— Отпустите ее.

— Стоп! — закричал Мэтью, подвинув ногу ближе к обрыву.

Харт остановился, сердце зашлось в тревоге.

— Отпустите ее! Вы сошли с ума? Если вы сделаете еще шаг, вы оба погибнете.

Мэтью, посмотрел на него, в его глазах промелькнула неуверенность.

— Зачем вы приехали?

Харт встретил взгляд ореховых глаз, обезумевших от страха.

— Я приехал за Эммой.

— Она не ваша забота. — Его рука сильнее сомкнулась на ее шее, и ее связанные руки протестующе поднялись.

— Вы ошибаетесь. Я просил ее стать моей женой.

— Харт! — ахнула она, пытаясь покачать головой.

— Нет, — закричал Мэтью. — Нет, она моя. Она принадлежит мне!

Харт незаметно подвинулся вперед, стараясь приблизиться настолько, чтобы дотянуться до нее.

— Но она не хочет вас, Мэтью.

— Вы ничего не знаете. Я люблю ее, и она будет моей женой. Она обещала. Обещала, когда позволяла прикасаться к себе, когда искушала меня всеми греховными штучками.

Кровь стучала в висках, но Харт не обращал внимания. Вместо того чтобы отступить, он поднял руку.

— Подумайте об этом, Мэтью. Подумайте, какую жизнь вы можете ей предложить? Это ведь вы подожгли дом ее дяди?

Мэтью растерянно заморгал.

— Вы убили человека, — продолжал Харт, — и пойдете за это в тюрьму. Как вы

сможете обеспечить свою жену?

— Нет! — закричал он, придя в себя. — Это был несчастный случай! Я не хочу в тюрьму.

— Мэтью...

— Отойдите назад! — закричал Мэтью, коснувшись края обрыва ботинком. Эмма вся сжалась при этом движении.

Харт прыгнул, стараясь схватить ее. Она была беспомощна против мужчины, тащившего ее за собой. Ее ноги цеплялись за мох и камни, связанные руки тянулись вперед.

— Харт, я так виновата... — прошептала она. Казалось, слова улетели, когда она сползла вниз...

Харт спрятал пистолет и рванулся вперед. Он упал на землю, чувствуя под собой тряску камней и уходящий из-под него грунт, думая, что Эмма упала еще дальше, слишком далеко...

Но, слава Богу, это было не так. Он видел ее. Смотрел в ее ореховые глаза, ее плечи и лицо были видны над краем обрыва. Она не сорвалась вниз.

Он встал, и камни опять посыпались из-под его ног.

— Вы хотите, чтобы она умерла? — закричал Мэтью. Он тащил ее за собой на узкую площадку у основания выступающей острым углом скалы. Он крепко обхватил ее за талию и оттащил дальше. — Оставьте нас!

— Послушайте, просто позвольте ей уйти. Она замерзла и измучена. Позвольте мне отвезти ее в безопасное место.

— Она будет в безопасном месте, когда мы поженимся. По крайней мере ее душа будет спасена.

— Даже в Шотландии вы не можете жениться на женщине против ее желания.

— О, она захочет, вот увидите.

Обезумев от злости, Харт прыгнул на узкую площадку над обрывом, туда, где стояли они, вызвав грохот посыпавшихся камней и песка. Эмма ахнула и упала, когда Мэтью резким движением потащил ее от него.

— Пожалуйста, — проговорил Харт, — вы убьете ее. Просто отпустите ее. Здесь слишком опасно, вы не должны тащить ее вниз... Я не буду преследовать вас. Даю вам слово.

— Я люблю ее! — закричал Мэтью и, осторожно переступая ногами, тащил ее за угол выступа. Ноги Эммы беспомощно ударялись о скалу и гравий. — Почему вы просто не можете уйти? Она моя!

«Сохраняй спокойствие, — напомнил себе Харт, не сводя глаз с Эммы. — Сохраняй спокойствие».

Если он подойдет слишком близко, то может сделать хуже, и тогда она будет в еще большей опасности. Поэтому, вместо того чтобы броситься к ней, он застыл на месте. Вместо того чтобы кричать, затаил дыхание.

Их взгляды встретились. Одна крупная слеза упала, прокладывая путь по ее пыльной щеке. «Прости», — прошептали ее губы, и Харт покачал головой, когда она скрылась за поворотом выступа.

Он старался двигаться быстро и тихо, но поскользнулся и упал, ударив колено. Боль пронзила его. Сжав кулаки, заставил себя подвинуться на дюйм вперед. Медленно. Медленно. Медленно.

— Скажи ему, чтобы он ушел, — рыдал Мэтью. — Он опозорил тебя. Ты думаешь, я не

знаю? И даже после всего этого я предложил тебе мое имя. Почему ты не хочешь понять меня?

— Я понимаю тебя, Мэтью. Я понимаю тебя, — говорила она.

— Я так сильно люблю тебя, Эмили.

Харт подошел к повороту выступа и, вытянув шею, заглянул за угол. Они стояли там, втиснувшись ногами в неглубокую впадину в непрочном, крошащемся шлаке. Мэтью, прижав Эмму к скале, держал ее одной рукой за плечо, а другой сжимал какой-то предмет у своего бедра.

Он стоял спиной к Харту, словно забыв о нем. И может быть, так оно и было. Он совершенно обезумел, держа в руках женщину, которой не мог обладать.

Не сводя глаз с Эммы, Харт осторожно пригнулся и поднял с земли тяжелый камень. Он взвесил его в руке. Он не мог воспользоваться пистолетом, даже если бы вытащил его. Она была так близко. Прямо за головой Мэтью. Но если ему удастся незаметно подобраться, он сможет бросить камень и схватить ее.

— Почему ты не хочешь полюбить меня? — стонал Мэтью.

Эмма рыдала, качая головой.

— Я люблю тебя, Мэтью, люблю как друга и беспокоюсь о тебе. И твой отец любит тебя, защищает тебя, зависит от тебя. Пожалуйста, не делай этого. Как он будет без тебя?

И тут Мэтью поднял руку. Харт замер, заметив блеск металла. Нож. Длинный острый нож.

— Ты будешь моей, — вскрикнул он. — Это единственный путь.

Харт поднял камень, поставил одну ногу на шаг ближе, но Мэтью повернулся на нечаянный звук.

— Оставьте нас! — Он отпустил Эмму и, подняв руку, замахнулся ножом на Харта.

Харт отпрыгнул назад и услышал дрожание под ногами породы, треск и грохот сыплющихся камней.

Эмма закричала и ухватилась за твердый выступ скалы, когда почва под ней начала оседать. Галька сыпалась, как дождь.

Харт закричал:

— Не двигайся.

Но Мэтью был в движении. Он потянулся к старому корню, который торчал из расщелины, и уцепился за него. И несмотря на то что его ноги ощущали под собой ненадежную опору, Мэтью направил нож на Эмму.

Харт перестал кричать и начал просить.

— Пожалуйста, не надо. Я умоляю тебя. Не убивай ее! — Но нож полоснул воздух, и Харт не мог ничего поделать. — Нет!

— Нет! — закричала она, и тогда нож уперся в нее, прямо ей в живот, и она ахнула, а Харт почувствовал, как его сердце раскалывается вдребезги.

— Уходи, — прошептал Мэтью. — Иди мимо меня.

Она посмотрела вниз на свой живот, и Харт тоже посмотрел. Там не было крови, но руки Эммы были свободны. Они оба тупо смотрели на обрезки веревки, которые валялись у ее ног.

Харт первый понял, в чем дело.

— Давай, Эмма. Быстро и осторожно. Старайся держаться стены.

Она кивнула и потянулась дрожащими руками вверх, чтобы ухватиться за острый выступ

скалы у плеча Мэтью. Она подвинулась ближе к нему, рыдая, когда песок и камни посыпались из-под ее ног. В любой момент кусок скалы мог обрушиться полностью.

— Скорее, — настаивал Мэтью. Обхватив ее одной рукой, помог пройти мимо него. Другая его рука все еще цеплялась за корень, но Харт видел, что тот едва держится.

Как только Эмма прошла мимо Мэтью, почва провалилась под ее ногами на добрые шесть дюймов, и она упала на колени. Ее руки были близко от надежной скалы, и она старалась ухватиться. Харт опустился на колени и протянул ей руку. Она потянулась, но сползла назад. Камнепад начался снова, заставив их всех замереть на месте.

— Ухватись за меня, — приказал Харт. Но она покачала головой:

— Я не могу.

Они смотрели друг на друга, отделенные тремя шагами скалы, которая трещала под ними, как стекло. Харт отвел от нее глаза и посмотрел на Мэтью. Его глаза потеряли блеск безумия. Лицо разгладилось и стало печальным, и теперь Харт узнавал его.

Он встретил взгляд Харта. Они долго смотрели друг на друга. Затем Мэтью медленно разжал пальцы, держащие спасительный корень. Камни сыпались на него, ударили его, когда он встал на колени у ног Эммы. Один взмах ножа, и ее ноги были свободны, теперь она могла продвинуться вперед.

Мэтью кивнул.

— Я люблю тебя, Эмили. Я всегда любил тебя.

Когда Харт потянулся и ухватил ее за руку, Мэтью с силой подтолкнул ее снизу. Этот толчок помог Эмме перебраться на безопасный участок земли, но обрушил кусок скалы под ногами Мэтью.

Его лицо было полно спокойной печали, когда он скрылся из виду.

Харт сначала слышал тишину, потом сильный грохот падающих камней, сопровождавший падение Мэтью. Он быстро обрел покой.

Эмма обхватила Харта руками, ее тело дрожало от рыданий из-за жалости к Мэтью, но Харт не находил в себе симпатии к этому несчастному. А Эмма могла, как оказалось. Продолжая рыдать, она отошла от него и подошла к обрыву.

— Эмма, не надо. Не смотри. Это опасно.

— Но... Мэтью. — Она отбросила его руку и наклонилась над пропастью. Он понял, что она увидела, по тому, как она вздрогнула и побледнела. Харт тоже посмотрел, чтобы убедиться. Сомнений не было, Мэтью был мертв. Когда Харт оттащил ее, она больше не сопротивлялась и просто уткнулась ему в грудь.

— Нам нужно уйти отсюда. И проинформировать власти.

Страх ушел из ее глаз. Но вместе с ним ушло что-то еще. Она смотрела прямо перед собой ничего не выражавшим взглядом. И тогда Харт отвел ее к самой высокой точке утеса. Она села на землю. Это была не его Эмма. Он молился, чтобы она не ушла слишком далеко, чтобы она вернулась к нему.

Накинув ей на плечи плед, он усадил Эмму на лошадь. А потом сам сел в седло и придвинул ее к своей груди. Что ж, теперь можно было ехать...

— Поедем прямо на север. Немножко дальше, чем та последняя деревня, я думаю.

Она не ответила, поэтому Харт крепче обнял ее и пустил лошадь легкой рысью.

— Я не хочу, чтобы ты оставалась одна, — объяснил Харт, когда Эмма спросила его, почему он снял только одну комнату. Ее вовсе не беспокоило его присутствие. Не беспокоило и то, что он знал, что она совершенно голая лежит под грудой одеял. У нее не было одежды, не было вещей, не было дома.

— Ты ничего не ела.

— Я принимала ванну, — пробормотала она, отворачиваясь от него.

— Хочешь, я принесу тебе что-нибудь?

— Нет.

— Эмма, прошло столько времени. Ты не могла не проголодаться. Пожалуйста, съешь что-нибудь.

Нет. Ее волновало его присутствие. Она хотела, чтобы он ушел. Он выказывал сочувствие, и беспокойство, и поразительную нежность, которую она никогда даже не надеялась получить от него.

— Может быть, немного вина?

Она вытащила руку из-под одеяла.

Харт пробормотал:

— Мне следовало знать... — И вложил бокал в ее руку. Да. Он должен был знать. Она любила вино почти так же, как карты.

Она с жадностью глотала терпкую жидкость, но отставила стакан, заметив его взгляд. Он смотрел на ее руку, на синяки, оставленные Мэтью, на кровавые ссадины на запястьях. Эмма поставила стакан и снова свернулась под одеялами.

— Извини, что я оставил тебя, — прошептал он. — Мне не надо было оставлять тебя одну.

— Я не хочу, чтобы ты был здесь. Ты не нужен мне.

— Да, конечно. Ты измучена и истощена. А я был настолько глуп, что стал обвинять тебя, как всегда.

Эмма покачала головой:

— Тебе не в чем винить себя. Я просто хотела высказать то, что чувствую. Я чувствую, что не хочу тебя.

Она ощутила его вес, когда он присел на постель рядом с ней. Его бедро касалось ее спины, и она хотела, чтобы он отодвинулся. Потому что его вес и его тепло заставляли ее желать большего. Эмма свернулась в комочек.

— Почему ты пришла в ту ночь в мой дом? — спросил он.

— В какую ночь?

Он громко вздохнул. Но его пальцы гладили ее по голове.

— Ты только однажды была в моем доме, Эмма.

Она глубже спряталась в своем гнезде.

— Я не хочу разговаривать. Пожалуйста, оставь меня.

— Нет. Не оставлю. Мне нужно знать, зачем ты пришла в мой дом в ту ночь, если я противен тебе, если ты знала, что я такой же, как твой отец и его друзья... Я должен знать.

Ее глаза, широко открытые, сфокусировались на кремовой простыне, но она могла отчетливо видеть Харта: его красивое лицо, полное страха за нее, полное заботы и чувства.

Сегодня он не выглядел как герцог. Его лицо осунулось, в глазах читалась усталость. Сегодня он был просто мужчина.

Эмма вздохнула.

— Зачем?

Он провел большим пальцем по ее виску, потом по щеке.

— Ты пришла ко мне тогда, хотя вовсе не должна была, и занималась со мной любовью, хотя для этого не было никакой причины, Эмма...

Она не видела ничего, кроме его глаз.

— Я уже тогда любил тебя. Ты это знала?

— Нет, — прошептала она, — нет. — Потому что это невозможно. Он был герцог по прозвищу Холодное Сердце, а она была... пустая, как раковина.

— И мне необходимо знать все о той ночи, потому что, я думаю, ты тоже любила меня.

— Нет.

— Если бы я знал, если бы я был не такой пьяный... я бы понял, почему ты пренебрегла своими грандиозными планами ради меня. И я бы понял, что ты невинна. Так скажи мне, почему ты пришла. Почему?

— Пожалуйста, уходи. Уходи. Уходи. Моя голова раскалывается, и я не хочу видеть тебя здесь.

Харт подвинулся, и она решила, что он уходит, но он нагнулся и поцеловал ее в голову.

— Так лучше?

— Нет. Мне будет лучше, если ты уйдешь.

— Я не противен тебе. Ты не ненавидишь меня. И ты, возможно, любишь меня, как я люблю тебя. Я люблю тебя, Эмма. Я хочу жениться на тебе, иметь детей и семью. С тобой...

— Нет! — вскрикнула она и закуталась, как в кокон, в одеяло. Она отодвинулась от него и, перевернувшись, в гневе стукнула его кулачком. — Нет! Нет! Нет! Я не хочу тебя, ты слышишь? Ты противен мне. Ты и то, что ты заставляешь меня чувствовать. И дети. Они слабые, жалкие и...

— Ты снова лжешь. У тебя был маленький брат. И ты любила его. Разве не ты...

— Прекрати! — Ее горло болело от криков. — Прекрати! Не говори о нем. — Она глотнула воздух, но это не смогло остановить глухих рыданий, которые вырвались из ее груди. Он попытался обнять ее, но она оттолкнула его. — Ты ничего не понимаешь! Ничего!

— Расскажи мне.

— Конечно, я любила его. Я любила его, и он умер, как и все другие. Моя мать. Мой отец. Мой дядя. Мэтью. И все это моя вина. Моя.

— Эмма. — Его голос убаюкивал ее. Он не понимал. — Ты не виновата в их смерти.

— Ты не понимаешь. Моя мать, она заболела после того, как я родилась. Ей не надо было иметь другого ребенка. Мы убили ее, Уилл и я. А мой дядя... если бы я оставила Мэтью одного, если бы я сказала ему, что не могу встретиться с ним в ту ночь... этого бы не произошло. Ты понимаешь? Флиртовать с ним было моим единственным развлечением. Мне и в голову не приходило, что он любит меня. Я не понимала, что свожу его с ума, толкаю его к тому, что в конце концов он убил сначала моего дядю, а теперь и себя.

— Этот человек выслеживал тебя, словно ты животное. Он поджег оба твоих дома!

— Из-за меня. Что-то такое есть во мне. Что-то нехорошее, дикое, что толкнуло его на безумие. Я такая же ужасная и такая же грешная, как мой отец.

— Ты совсем не такая, как твой отец. Ты чувственная женщина со здоровыми

страстями.

— А Уилл... — Эмма присела в постели и натянула одеяло до подбородка. Она смотрела в камин. Пламя казалось живым, но несло боль и смерть. — Мой отец был пьян. Он был пьян и смеялся, так как это было после распутной ночи пьянства и похоти. Он хотел взять Уилла проехаться в фаэтоне, который выиграл в карты в ту ночь. Я говорила ему «нет». Я говорила, но Уилл был так взволнован, потому что отец никогда не уделял нам внимания. Он стал просить, говорить, что хочет ехать, и отец сказал, чтобы я закрыла рот, не то узнаю вкус настоящих слез. И я испугалась. Я и прежде видела женщин, плачущих в нашем доме, и была испугана и поэтому молча наблюдала, как он усадил Уилла в эту карету. А ведь я знала, что он не в себе... Я знала. В тот момент в моей голове возникла эта картина: лошади, дорога, несчастье. Но я не сделала ничего.

— Ты была просто девочка. Он был твоим отцом.

Она начала плакать, мягкие высокие звуки лились из ее горла. Слезы капали на простыни. Он потянулся к ней, и она не оттолкнула его, пораженная своей слабостью и жаждая участия.

— Он был маленький, совсем ребенок. И когда они рассказали мне, я не поверила им. Я не могла. Я сказала няньке, что она глупая корова, и побежала, бежала всю дорогу, забралась на чердак, чтобы не видеть никого. Я оставалась там несколько часов. А когда спустилась вниз, уже стемнело. И... они все приехали. Все. Мой отец не платил им много месяцев. Они забрали серебро, ковры и хрусталь. В доме было холодно и очень темно.

— Должно быть, тебе было страшно.

— Я просто... не знала, что делать.

— Конечно, не знала. — Он скользнул под одеяло и прижался к ней всем своим телом. Его руки гладили ее голую спину — это прикосновение не имело ничего общего с сексом. Ей хотелось прижаться к нему в этот момент, исчезнуть, раствориться в его тепле и силе. Но она не могла исчезнуть, как бы того ни хотела.

— Я нашла свечу на полу, зажгла ее и пошла по дому, ища брата, уверенная, что он в своей постели или в классной комнате. Я помнила, как воск капал мне на руку, но я не могла оставить свечу. И потом я нашла его.

Его дыхание вырывалось из груди. Она поняла, что ее ухо прижато как раз к его сердцу, и его кровь била так сильно и уверенно.

— Они лежали в столовой на столе. Их... Слуги положили их, и всё. Они знали, что я в доме, знали, что я найду их. Я не знаю почему, но они даже не омыли их тела и не стерли кровь.

— Прости.

— И мой брат... мой маленький братик... У него никогда не было матери. Я заботилась о нем и любила его. Я поднимала его, когда он падал, утешала, когда плакал. И вот теперь он погиб... когда карета перевернулась, попал под колеса. Так больно.

— Я уверен, он ничего не успел почувствовать.

— Нет. Он чувствовал. Они принесли его в дом, и он был весь в грязи и крови. Неподвижный и холодный. Но на его щеках остались чистые дорожки. Я поняла, что он плакал, и это были следы слез, которые смешались с кровью. Он лежал на этой дороге и плакал. И все из-за меня.

— Эмма, нет!

— Я знаю, как он плакал. Я и сейчас слышу это. Он хотел, чтобы я была с ним, Харт.

Как всегда... Я только не знаю, как долго он плакал, и иногда тоже хочу умереть.

— Тихо, тихо... — пробормотал он, когда она зарыдала, уткнувшись ему в грудь. — Ш-ш-ш... ты любила его, и ты дала ему много хорошего. Это была не твоя вина.

— Я знала, что это случится.

— Но не могла предотвратить, ты была ребенком. Ох, Эмма, ты была просто ребенком. Мне так жаль.

Она плакала о своем брате, о всех своих близких, которые умерли. Даже о Мэтью. И Харт просто обнимал ее и гладил по спине, шепча на ухо что-то бессмысленное...

Когда она наконец затихла, он поцеловал ее в лоб.

— Я помню тебя, я знаю. В том коридоре, в ночной рубашке с двумя косичками. Ты была такая смелая и ясная. И тебе не место было в том доме. Прости, что я ничего не сделал тогда.

Она прерывисто вздохнула, успокоившись, что он вспомнил ту ночь, как если бы он сделал ту маленькую девочку реальной. Та девочка думала, что может спасти их всех, если бы у нее было достаточно любви. Та девочка, которая еще не растеряла то дорогое, что было в ее сердце.

— Ты ничего не мог сделать. Он был мой отец, моя родная кровь.

Его рука снова описывала круги на ее спине.

— У меня была еще одна сестра. До Алекс.

Эмма кивнула, потерлась щекой о его влажную рубашку.

— Она умерла, когда ей исполнился год. Никто не рассказал мне, что случилось. Еще вчера она была там, топала своими ножками, смеялась со мной, кидала все мои игрушки. А два дня спустя детская опустела, я думал, что, может быть, это какой-то монстр прокрался и забрал ее. Молчание самое худшее, что можно придумать, сидя в спальне на третьем этаже. Слушать ее плач и потом...

— Мне так жаль, — прошептала она, подвигаясь к нему. — Что за жизнь, скажи мне? Почему так много горя?

— Ты боишься иметь детей.

Она не ответила. Не могла.

— Потом, когда родилась Алекс, меня не пустили к ней. Я проходил мимо детской, игнорировал все игрушки. Я был в ужасе от нее. Злился, когда она улыбалась мне.

— Что случилось?

Его мягкий смех щекотал ее ухо.

— Алекс случилась. Она начала ходить, затем бегать. Когда я приходил домой из школы, она шла за мной в мою комнату. Затем она научилась поворачивать ручку. Я был загнан в угол. В ловушку. И мне пришел конец. Я не устоял перед ее чарами.

— Она жива. И она такая хорошая.

— О да, она жива. И она постепенно избавила меня от ада. Хотя пару раз я едва не умер от разрыва сердца. Доводила меня до безумия. Бесила меня. — Он сделал паузу. — Вы обе отлично поймете друг друга.

Эмма удивилась, услышав свой смех. Всего несколько минут назад она думала, что никогда не будет смеяться. Сейчас она чувствовала лишь усталость. Истощение. Харт наматывал ее локоны на палец, и это было так приятно, что она закрыла глаза.

— Я не хочу, чтобы ты любил меня, — прошептала она. — Я не знаю, как любить тебя. Именно тебя.

— Я знаю. — Он снова поцеловал ее в лоб. — И ты научишься. Мы оба научимся.

— Я думаю, нам не следует быть вместе. Ты погубишь меня.

— Эмма, не говори так, иначе мои страхи станут реальностью. Нет, ты не можешь...

— Я поставлю тебя в затруднительное положение, как та женщина.

Его пульс забился быстрее, но он покачал головой.

— Та женщина, о которой ты говоришь, смеялась надо мной и разбила мое сердце. Она сделала из меня посмешище. Как и ты.

— Прости.

— Я думал, что люблю ее, но я не любил. Позже я понял, что это чувство было просто иллюзией.

— Как я.

— Нет, не как ты. Она была злая и развращенная. И ее предательство терзало меня до безумия и надолго выбило из колеи.

— Но...

— Но, — перебил он, — тогда свое дело сделал мой отец. Мой проклятый отец. Такой холодный и совершенный. Отец такого отвратительного в своих страстях глупого сына. Он решил сделать из меня человека, достойного титула герцога, и он получил шанс. И потом, как ты знаешь, появились те письма. Обычная проблема скандально окончившегося романа. Мой отец заплатил много денег, чтобы забрать их у той женщины. Он показал их мне, позволил мне произнести слова благодарности, принести извинения за то, что я любил ее. Он позволил мне почувствовать настоящий стыд и пасть к его ногам. И потом он выбрал одно особенно грязное письмо и послал своему другу, который не преминул переслать другому.

— Зачем?

— Он хотел сделать из меня человека и, делая это, попросту уничтожил меня. Он упивался моим унижением. Мой собственный отец дал свое добро на то, чтобы общество смеялось надо мной. Сделал из меня посмешище. Но я покончил с этим двумя годами позже, когда принял титул герцога. Хотя это было не просто, Эмма. Я окружил себя непроницаемой броней, выстроил стену, и вот явилась ты и... разрушила ее.

— Харт... мне очень жаль. Я никогда не думала...

— На этом точка, Эмма. Меня это не волнует. Разве ты не видишь? Я послал все это к черту. Я просто хочу тебя.

— Ты не должен. Я не хочу...

— Он сделал из меня другого человека, но ты вернула меня к самому себе. И ты не можешь бросить меня теперь. Остайся со мной. Остайся в моем доме как гость. — Он проглотил комок, мешавший продолжить. — Я не притронусь к тебе и докажу, что между нами есть нечто большее, чем вожделение. — Его рука замерла. — Хотя на всякий случай я оставлю дверь в мою спальню открытой.

Она улыбалась, чувствуя, что медленно погружается в сон.

— Я не хочу выходить за тебя замуж, — пробормотала она. — Не хочу, — повторила она, засыпая и видя во сне человека, который никак не мог полюбить ее, но сделал это.

— Эмма, — прошептал он ей на ухо. Эмма отмахнулась, ей было так тепло, и она так устала... а Харт зачем-то заставил ее проснуться.

— Что такое? — спросила она хриплым от сна голосом.

— Уже рассвет. Тебе пора возвращаться в свою комнату.

Она снова отмахнулась и закрыла глаза.

— Как будто твои слуги не знают. Девушки оставляют зажженные канделябры в коридоре на всю ночь. Они не хотят, чтобы я уходила. — Она свернулась поуютнее, и ее бедра наткнулись на весьма интересную часть его тела.

Он расценил это как приглашение и привлек ее ближе.

— Тогда выходи за меня. Сделай меня уважаемым в глазах прислуги.

— Я не хочу говорить об этом сейчас.

— Ты никогда не хочешь говорить об этом. Ты здесь уже месяц и каждый раз избегаешь этой темы.

— Да.

— И каждую ночь забираешься в мою постель.

— Я вовсе не забираюсь, а просто прохожу мимо и стучу.

— Ты не стучишь.

— Ну хорошо... тогда я уйду к себе и больше не буду спать здесь.

Рука Харта удержала ее, когда она пошевелилась. Эмма вяло сопротивлялась и не делала никаких усилий, но ее тело дышало жизнью. Одной рукой он обнимал ее за бедра. Его желание передалось ей.

Она прогнулась, стараясь отодвинуться и зная, что борьба еще сильнее приблизит ее к нему. Его хватка усилилась. Его длинные пальцы скользнули между ее бедер и привлекли ее ближе.

Его рука коснулась ее влажного лона, возбуждая ее. Эмма издала стон. Она чувствовала беспомощность... и откуда он знал, чего она хочет?

— Нет, — стонала она, раздвигая ноги.

Он не обращал внимания на ее слова, его пальцы скользнули глубже.

— Харт, — снова послышался стон.

— Выходи за меня, Эмма. — Его пальцы ласкали ее медленно, в определенном ритме. — Ни один другой мужчина не знает, что ты любишь.

— Я не хочу... я не хочу, чтобы кто-то знал меня так.

— Маленькая лгунья. Я очень хорошо знаю, чего ты хочешь. — Он прижался к ней всем телом, переворачивая ее на живот.

Когда он убрал свои пальцы, она заскулила. Но он быстро исправил это. Он поставил ее на колени и глубоко вошел в нее, не дожидаясь, пока она попросит его об этом.

Он знал ее, знал, как можно довести ее до экстаза, держа на грани целый час. И в это утро он воспользовался этим знанием, ее тело быстро подошло к пику благодаря его ласкам, грубым и нежным. И несколько минут они оба расслаблялись после всех ласк и стонов.

Эмма прочистила горло, понимая, что снова будет хрипеть. Она покраснела при мысли о слугах, которые могли слышать звуки их страсти.

— Я насмешу тебя, — ахнул Харт. — Мы поженимся через месяц. Я завтра пошлю

объявления.

Она рассмеялась, недоверчиво качая головой.

— Пошлешь объявления? Конечно, тебе нужно специальное разрешение. Не то я не выйду за тебя.

— Я разошлю их во все лондонские газеты. Я горжусь тобой и не позволю никому думать иначе. Никакого специального разрешения.

— Харт, ничего не изменилось.

— Все изменилось. Ты в моем доме, в моей постели каждую ночь. Мы осторожны, но ты можешь забеременеть в любой момент. И я люблю тебя. Я люблю тебя, Эмма.

Она покачала головой, сжав губы.

— Ты боишься, Эмма. Просто боишься. Но я еще больше рискую. Ты утверждаешь, будто я буду изменять тебе, но используй свой ум игрока. Я страстный мужчина, но я романтик в душе. Ради Бога, разве я предлагал какой-то из моих любовниц такую безграничную любовь?

Эмма сдержала улыбку.

— Да, у меня было много женщин, но... Эмма? — Он взял ее за подбородок и мягко повернул ее лицо к себе, заставив посмотреть в свои светло-голубые глаза. — Настоящей близости у меня не было с ними. Оказывается, есть удовольствие в доверии. А с тобой я скорее умру, чем соглашусь потерять тебя.

Слезы жгли ей глаза. Она, казалось, была близка к тому, чтобы прорыдать весь день. И конечно, это был плохой знак.

— Мне почему-то страшно.

— Почему?

— Я не... — Она запнулась и начала сначала: — Я не хочу быть похожей на отца.

Его большой палец ласкал ее подбородок.

— Я боюсь, что буду как он, — снова сказала она, радуясь, что наконец смогла произнести это.

— Ты не будешь.

Она отодвинулась от его прикосновения и зарылась лицом в его плечо.

— Я такая необузданная с тобой.

— Да.

Она резко покачала головой.

— Так и должно быть. Я буду твоим мужем. Как печально, если бы ты не была такой со мной.

— Другие жены не такие...

— Но и другие мужья не такие, как я. И поверь, Эмма, каждый... каждый хотел бы, чтобы его хоть иногда привязывали шелковыми лентами к кровати.

— Ты! — ахнула она и замахнулась на него: он обещал никогда не упоминать об этом. Но он быстро поймал ее руки.

— Каждый, — прошептал он и поцеловал ее сомкнутые губы. Его глаза сияли, глядя на нее, приглашая и ее смеяться. И гнев Эммы тут же испарился. Безумный мужчина.

— Даже ты? — спросила она и получила в ответ широкую улыбку, которая напомнила улыбку падшего ангела. Его глаза остановились на ее губах.

— Даже я.

О, ради этого стоило рискнуть. Глаза Харта сияли триумфом. Этот мужчина знал ее

досконально.

— А дети? — выпалила она.

— Мы подождем, пока ты не будешь готова. Это должно быть твое решение. Это игра, но... сделай свою последнюю большую ставку, Эмма. — Он поцеловал ее левую руку. — Самую большую ставку, которую ты когда-либо позволяла себе. Самое рискованное пари... Рискни. Бойся, если должна. Но люби меня.

— Я... — Ее глупое сердце бешено колотилось в груди. — Я... — Она не могла сделать это.

Но Харт знал ее очень хорошо. Он выложил еще один козырь.

— Десять тысяч в год на булавки.

Ее губы дрогнули в улыбке. Ее не волновали деньги, но было куда проще притвориться алчной, чем обнажить свою нежную душу.

— По рукам, — прошептала она.

— По рукам?

— Я думаю, да. Да, я выйду за тебя. И я хочу... я... — Его глаза светились от радости. — Я люблю тебя.

Когда он вздохнул и поцеловал ее, Эмма не чувствовала страха, вместо этого она ощущала надежду, силу и много, много удачи. Но она не забыла о своей ставке.

— Если ты когда-нибудь предашь меня, я вызову Сטיפа из твоего любимого Лондона.

Харт изобразил ужас.

— Он с удовольствием станет твоим личным кучером. А может быть, даже слугой. И тогда каждый твой шаг...

И тут он почувствовал настоящий ужас.

— Что ж, это твоя страховка, Эмма. Но попробуй полностью довериться мне.

— Я готова, — сказала она, на этот раз совершенно уверенная, что так и будет.

Больше книг на сайте — Knigolub.net